

«Дежурство» повествует об одном необычном дне майора Реброва — простого человека, обременённого житейскими заботами, но всегда поступающего по-человечески, по совести, не задумываясь, рискующего собственной жизнью ради помощи людям. В это роковое дежурство, во время смертельной опасности он неожиданно столкнулся с явлением, совершенно несвойственным этому миру, благодаря которому Ребров смог не только спасти жизнь людям, но и выбраться из этой ситуации живым. С этого момента он увидел мир совершенно другими глазами...

«Всё так просто» — рассказ о старике, рыбачившем на берегу речки, к которому присоединился необычный сосед по рыбалке — молодой парень. В завязавшемся разговоре, старик поведал ему о своей нелегкой судьбе, об удивительном случае, произошедшем с ним на войне, послевоенной жизни. И поскольку собеседник пришелся ему по душе, то пожилой человек поделился с ним и мучавшими его мыслями, сомнениями о себе и прожитой жизни, которые возникают у любого человека, достигающего возраста старости. На что «случайный» знакомый рассказал ему одну мудрую, древнюю восточную притчу...

«Птицы и камень» — это самый яркий, впечатляющий по информации рассказ из этой плеяды. Речь идёт о необычной встрече главного героя Сэнсэя с Максом, который некогда долгое время находился рядом с Сэнсэем. Но теперь этот человек предстал перед ним в несколько ином виде — девочки, в тело которой попала его душа после автомобильной аварии. Необычный разговор по душам о прошлой жизни, переоценка ценностей Макса в связи с пережитым и настоящим, оставляет неизгладимое впечатление от этого рассказа и заставляет по-другому взглянуть и скорректировать собственную жизнь. Кроме того, в книге много занимательных сведений о человеке в научном свете и понимании древних, о том, откуда «рождаются» мысли и как их контролировать. Есть интересные данные о «Молитве Иисусовой» — одной из самых таинственных и эффективных духовных практик в христианстве, о преподобном Агапите — известном в веках монахе-врачевателе Киево-Печерского монастыря, о современном духовном старце Антонии. И ещё много важного для тех, кто идёт по духовному пути и стремится быть Человеком!

Анастасия Новых

Птицы и камень. Исконный Шамбалы

Люди словно птицы и камни. Одним **достаточно** лишь **намёка**, единственного слова, чтобы слегка подбросить в духовную ввысь. И **пробудившейся сущностью** они воспарят **в познание** бесконечного мироздания. А другие... Камень — он и есть камень.

«Боже мой, какая ноющая боль, точно не печень, а одна зияющая рана. Когда она перестанет так мучить? Когда это все закончится? Надо же, цирроз, мать его... Как не вовремя. Хрен с ней, со смертью. Мы с этой костлявой подругой уже не раз друг другу в глаза смотрели. Но дочка... Ей институт закончить надо. Кто ей еще поможет в этой гребаной жизни? Нет, я не могу, я не имею права умирать!.. Нужно дотянуть три года. Кровь из носа, но дотянуть. Ничего, ничего, надо держаться. Мы еще повоюем с Костлявой за тело Реброва...»

Зазвонивший телефон вновь вернул Реброва в реальность серых будней. «Что же это сегодня творится? Такого никогда не было... Да уж, мир кубарем летит под откос. Как тут ребенка одного оставишь...»

— Дежурный пятнадцатого отделения милиции майор Ребров. Слушаю вас...

Миновало двенадцать часов после того, как майор заступил на суточное дежурство в РОВД. Обстановка в последние дни была крайне сложная. В районе вот уже третий месяц орудовала новоиспеченная банда. За столь короткий срок своей наглой и жестокой деятельности преступники уже совершили несколько разбойных нападений с применением огнестрельного оружия. Люди были напуганы беспределом этих отморожков. Сотрудникам приходилось буквально по крупицам собирать сведения, поскольку население неохотно контактировало с милицией.

После ряда удачных налетов, ощутив вкус полной безнаказанности, банда вошла в раж. Ее члены убили женщину, директора местного коммерческого магазина, сначала изощренно ее пытая. Это переполнило чашу терпения и жителей района (особенно тех, кто занимался коммерческой деятельностью), и правоохранительных органов. Как ни парадоксально, но именно горе и отчаяние временно объединило людей, работающих в столь разных сферах.

Жизнь есть жизнь. И в ней бывают разные ситуации, когда каждый человек судит со своей колокольни согласно сформировавшемуся на данный момент личному мировоззрению. Но есть некая общечеловеческая грань, незримо присутствующая в подсознании всех людей. И те, кто решается переступить ее, не только навлекают на себя гнев окружающих, но и незаметно для себя уничтожают все самое ценное внутри самого себя.

Одно дело, совершив проступок по слабости духа, пытаться исправить его добром, дабы найти примирение, в первую очередь, не во внешнем мире, а во внутреннем. И совершенно другое дело — наглухо закрыть створки своей совести, этого светлого окошка в храме своей души. Вот тогда, как говаривали наши славянские предки, «...злость лютая своей властью сердце остужает, туманом гнева очи застилает, и попадает человек в западню дум своих черных, что хуже пожара свирепого нутро его сжигают. Остается он один, яко ворон на обугленном дереве посреди большого пепелища...»

Практически все сотрудники райотдела вот уже десятые сутки работали в усиленном режиме, занимаясь поиском убийц. Естественно, нервы у людей были на пределе. В дежурке постоянно трезвонил телефон. Его оглушительный звук каждый раз, словно раскат грома, заставлял содрогаться всех присутствующих.

Майор Ребров старался отвечать четко и спокойно, хотя лично ему это стоило немалых усилий. Тело просто разваливалось на части от жуткой боли. Раскальвалась голова, ныла печень, да и желудок не на шутку пошаливал, реагируя резкой болью на любые напряжения и волнения. А последних было предостаточно. Помимо титанического напряжения на работе, у Реброва ещё и выявились конкретные проблемы со здоровьем. Печень «заявила» о себе в самое

неподходящее время. Ребров тянул до последнего момента, думая, что обойдется. Но как говорят на Руси, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Тайком от семьи и коллектива с приступом сильнейшей боли он пошел к своему другу-врачу. После соответствующих анализов поставили совсем неутешительный диагноз: начал развиваться цирроз печени. И как печень поведет себя в ближайшем будущем — неизвестно.

Для Реброва это был не просто удар судьбы, а полный нокаут. Ему было бы не так страшно умирать, если бы он жил один. Но у него имелась семья — жена и дочь, самые близкие люди, оставшиеся для него на Земле, за жизни которых он чувствовал какую-то необъяснимую ответственность. А майор — единственный кормилец в семье. Жена вряд ли сумела бы устроиться куда-либо на работу, поскольку вот уже четыре года страдала астмой. Дочка училась в пединституте, где за учебу необходимо платить немалые деньги. Так что зарплата Реброва оставалась единственным источником семейного дохода. И, несмотря на то, что майор уже два года назад мог выйти на пенсию по выслуге лет, он продолжал работать, чтобы дать возможность дочери закончить институт. А тут на тебе! Такое «счастье» подвалило...

Конечно, друг порекомендовал ему самых лучших докторов, посоветовал серьезно заняться своим здоровьем (поскольку тянуть дальше нельзя), лечь в стационар и пролечиться. Так-то оно так... Да только лечение стоило даже по самым скромным оценкам довольно дорого. По крайней мере, майору будет явно не по карману оплачивать еще и эти колоссальные расходы. Природная честность и добросовестность не позволяла ему занять столь большую сумму у своих друзей. Ведь его немногие друзья точно так же, как он сам, перебивались от зарплаты до зарплаты, пытаясь свести концы с концами. Ну, а предложение друга о том, чтобы заложить или продать свое недвижимое имущество, Ребров сразу отгнул. Во-первых, из недвижимого имущества у него была всего-то двухкомнатная квартира, которую он когда-то ждал почти пятнадцать лет. А во-вторых, не в его правилах — ради спасения собственной шкуры лишать своих близких крова. Так что выбор у Реброва, согласно его меркам Совести, оказался прост и невелик: плюнуть на все врачебные предсказания и постараться любой ценой протянуть еще три года жизни, чтобы дочка успела окончить институт. А после будь что будет... Он решил правдами-неправдами тянуть эту «бурлацкую ляжку» до последнего вздоха.

Зафиксировав очередной звонок в журнале, Ребров достал таблетку анальгина, чтобы как-то приглушить боль, постоянно напоминающую о приближении неизбежного конца. Хотя друг и рекомендовал ему кетанол, но кетанол стоил намного дороже анальгина. Майор и раньше экономил на себе, считая, что лучше лишний раз побаловать сладостями ребенка. А теперь и подавно не собирался растрачиваться на свою «поношенную оболочку», как он стал называть тело в последнее время.

* * *

Райотдел гудел, словно улей. Все носились туда-сюда с озадаченными лицами. На исходе были десятые сутки безрезультатных поисков, и это создавало общую атмосферу нервозности и крайней раздражительности. Ведь помимо срочной работы параллельно существовала обычная, рутинная «текучка».

В камеру предварительного заключения, или как ее прозвали сотрудники «обезьянник», привели очередных «клиентов» — трех наркоманов и знакомого уже почти всему райотделу грязного бомжа. Его всегда приводили, когда «горели» показатели, точно в округе и бомжей больше не находилось. Сотрудники шутя прозвали этого бедолагу Васей, поскольку тот в

некотором смысле был крайним во всем. То его больше других бомжей избило уличное хулиганье. То на чердаке, где он зимовал, случайно загорелась проводка. И, естественно, несмотря на все усилия Васи потушить пожар, именно его жильцы обвинили в поджоге. То он случайно стал свидетелем таких кровавых событий, что мороз шел по коже. В общем, Вася вечно попадал в какие-то неприятности.

Ребров поискал глазами своего помощника, старшего лейтенанта Чмиля. Тот отлучился на пять минут переговорить с приятелем и пропал на добрые полчаса. Не обнаружив Чмиля на рабочем месте, майор дал ключи сержанту, своему второму помощнику.

Костюшкин, открой.

Привет, Ребров! — вошел в дежурку оперуполномоченный капитан Онищенко, сопровождавший вместе с сержантом эту развеселую компанию. — Чего такой мрачный? Как жизнь?

Да ничего хорошего, — махнул рукой майор.

Да ты брось эти мрачные мысли, у всех у нас «ничего хорошего», — усмехнулся капитан. — Ты ведь знаешь: все хорошее в этой жизни либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению...

Это точно, — согласился Ребров, сиюсь изобразить сквозь боль подобие улыбки. — Где ты «откопал» таких красавцев?

Представляешь, проверяли сейчас один адресок...

Не успел Онищенко договорить, как один из наркоманов, видимо с совсем задурманенным сознанием, внезапно превратился из пассивного «клиента» в особо агрессивного.

— Всем встать, козлы, всех перестреляю! — заорал он во все горло, затем перешел на мат и начал носиться по дежурке с бешеной скоростью, сбивая стулья, и так еле стоящие на своих трухлявых ножках.

Ребров с Онищенко отреагировали практически сразу, чуть позже подключились и сержанты. Наркомана пришлось успокаивать всей толпой.

В это время остальные двое дружков наблюдали за всей этой возней с абсолютным безразличием. А бомж, видя такое пристальное внимание всех сотрудников к тому человеку, незаметно присел и на четвереньках шустро стал продвигаться к выходу. Однако в дверях, несколько не вовремя для его «персоны», появился старший лейтенант Чмиль, спешивший на помощь товарищам. Его внушительная фигура, занявшая почти весь дверной проем, заставила бомжа ойкнуть от неожиданности. Не сбавляя скорости, бедолага резко повернулся и с таким же проворством в более рекордный срок проделал в той же позе обратный путь. Возле камеры он быстро принял вертикальное положение, заняв прежнее место возле двух наркоманов. Покосившись с опаской на Чмиля, бомж соорудил страдальческое лицо и уставился как ни в чем не бывало на заварушку в дежурке. Помощника Реброва изрядно развеселила такая клоунада. Но читать мораль было некогда. Пройдя размашистым торопливым шагом мимо неудачливого беглеца, старлей лишь пригрозил ему пальцем, еле сдерживая улыбку. Тот понимающе чинно кивнул. На этом столь незаметный для окружающих инцидент был исчерпан.

Кое-как усмирили разбушевавшегося наркомана. Тот обмяк так же внезапно, как и взбесился. Всех задержанных закрыли в «обезьяннике». Мужики, принимавшие участие в этой небольшой потасовке, все еще выпускали пар эмоций.

Твою мать, да что сегодня за день — сплошные нервы! — возмущался капитан Онищенко.

Иваныч, никогда не бывает настолько плохо, чтобы не могло стать еще хуже, — хихикнул Чмиль.

Тьфу, тьфу, тьфу!.. Типун тебе на язык! — скороговоркой ответил капитан. — И так весь день мотались, как загнанные шавки... Люди точно «з глазду зыхалы», такие концерты

отмачивают на каждом шагу.

Наверное, луна не тем местом повернулась. Вон, глянь в окно: одна большая, круглая, полная ж...

Мужики рассмеялись.

Да уж, точно, что полная ж... Сегодня из девяти вызовов четыре раза вхолостую съездили. Народ шарахается уже от любого стука-грюка.

Ну, так по телевизору же объявили... Вот народ и бдит.

Лучше бы так свидетели бдили! А то в собственном магазине убили хозяйку, и никто ничего не видел и не слышал! Тут и так дел невпроворот... Представляешь, «гастролеры», твою мать, опять у нас объявились...

Только их нам не хватало, — с горечью произнес Ребров.

О то ж, — кивнул капитан. — И что за жизнь? За такую мизерную месячную зарплату такой большой ежедневный геморрой!

Иваныч, надо быть оптимистом, — заявил старший лейтенант.

Молодой ты еще, жизни не нюхал. Оптимист — это бывший пессимист, у которого карманы полны денег, желудок работает превосходно, а жена уехала за город.

Мужики вновь рассмеялись.

Что-то Чмиль сегодня подозрительно веселый. Ребров, ты не находишь? — с улыбкой спросил Онищенко.

Да это он такой после встречи с приятелем, — с таинственной улыбкой ответил майор.

С приятелем?! — глаза Онищенко загорелись озорным огоньком. — Видел я его «приятеля» тут на крылечке! Там такие формы — будь здоров! Такая грудь, такая «луна»...

Да ладно тебе, — с довольной ухмылкой промолвил Чмиль. — Может это любовь с первого взгляда.

Угу, какая по счету? — с издевкой спросил Онищенко. — Жениться тебе надо, бо любовь с первого взгляда становится твоим хроническим конъюнктивитом.

Чем, чем? — переспросил старлей.

Глазной болезнью.

Чё, Иваныч, завидуешь, да? Между прочим, все люди рождаются свободными и равными, — и, помолчав немного, Чмиль с хитрецей в голосе добавил: — Но некоторые потом женятся.

Ну, вот так всегда! — махнул рукой капитан Онищенко, и в дежурке вновь послышался приглушенный смех.

* * *

Рабочий день близился к концу. Он действительно выдался очень напряженным и тяжелым как для жителей города, так и для стражей порядка. Зло, которое породило новая банда своей деятельностью, разрасталось, словно на дрожжах. Оно сеяло в людях все больший страх и как магнит притягивало самое худшее. Помимо залетных «гастролеров» на улицах города появилась группа подвыпивших подростков, пытавшихся продемонстрировать прохожим свою коллективную силу. Участились преступления на бытовой почве. Люди точно теряли истинный облик, поддаваясь негативной стороне своей сущности.

Ближе к двенадцати ночи РОВД заметно опустело. Остались лишь опергруппа да дежурные. Накопившаяся за день усталость клонила людей ко сну. Старший лейтенант Чмиль задумчиво походил взад-вперед и остановился перед «обезьянником». Оттуда доносилось тихое сопение

спящих «обитальцев». Удовлетворившись спокойной обстановкой, старлей вновь уселся в старенькое, потертое кресло, доставшееся дежурке по наследству из бывшего красного уголка. Ноги закинул на единственно более-менее целехонький стул. Устроившись таким образом, он взял какую-то старую газету и сделал сосредоточенный вид, пытаясь вникнуть в суть информации. Но уже через полчаса газета мирно вздымалась от приглушенного храпа старшего лейтенанта.

Сержант Костюшкин пытался бороться со сном, сидя сбоку за столом. Но молодой организм брал свое. Веки наливались свинцовой тяжестью. Так он и задремал юношеским сном, беззаботно поддерживая щеку рукой. Лишь когда трезвонил телефон, оба помощника вздрагивая, просыпались. Но, не обнаружив постороннего начальства, вновь погружались в сладкую дремоту.

Один Ребров сидел на посту, не смыкая глаз. Боль не отпускала его тело. Анальгин временно притуплял ее, но не избавлял вовсе. Таких длительных приступов боли у майора еще не было. Тело становилось как будто чужим и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы заставить его двигаться. Лишний раз и шевелиться не хотелось. Зато сознание... Оно лихорадочно работало на полную катушку и там шёл какой-то внутренний анализ прожитой жизни. И все это происходило в своеобразном отчуждении сознания от организма, сквозь туманную пелену тупой, ноющей боли.

Ребров никак не мог успокоиться после последнего звонка. «Что случилось с людьми? Что случилось с миром? Точно озверели все, озлобились... Еще эта бабка... Бессонница, что ли, на нее напала? Тут и так напряженка, а ей вздумалось лекцию читать по телефону в двенадцать ночи “какая никудышная сегодня милиция”... Критиковать все умеют! Пришли бы здесь сами поработали “золотарем по очистке человеческих отходов”! Добропорядочные граждане не видят и сотой доли той грязи, с которой ежедневно приходится иметь дело милиционерам... Лучше бы больше занимались воспитанием своих детей и внуков, чем проклятиями раскидываться. Вон подростки предоставлены сами себе! Дебоширят, колотся просто так, от скуки и безделья, беря пример со своих “продвинутых” корешей. А психика-то ломается быстро... Начинают с маленького “косячка”, чтобы не выглядеть перед друзьями “лохом”, а потом и не замечают, как полностью становятся зависимы от этой “дури”. За дозу наркоман и мать родную продаст! А ведь когда задерживаешь подростков, родители стойко твердят, что “мой сын не такой”, “задержали ни за что ни про что”. А ты как дурак оправдываешься, пытаешься раскрыть им глаза на реальные факты и их скорое безрадостное будущее. Спрашивается, на кой мне это все надо? Тут и так жизнь не мед...

Вон начальство бичует нашего брата за слабую раскрываемость. А откуда может быть раскрываемость преступлений, если милиция работает на голом энтузиазме? Бюджет МВД чуть ли не каждый год урезается законодателями. Практически развалена патрульно-постовая служба. А ведь раньше именно благодаря ей раскрывалась по “горячим следам” большая часть уличных преступлений. Из органов стали все чаще увольняться опытные сотрудники из-за той же нехватки денег, разуверившиеся во всем и вся. И к чему это привело? Ни к чему хорошему. Профессиональное ядро многих служб фактически разрушилось, места высококлассных специалистов заняла необстрелянная молодежь, добрая половина которой не имеет высшего образования. Да и какие у них сейчас стимулы, у этой молодежи? Офицерская честь, порядочность, достоинство, как бывало в мое время? Нет. Сейчас главный стимул — жажда власти и легкой наживы. Прикрываясь законом, обируют граждан без зазрения совести, да еще и хамят, — Ребров взглянул на мирно дремавшего Костюшкина и Чмиля. — Не все, конечно, но значительное большинство. Откуда же будет доверие у народа, чьи интересы, собственно говоря, милиция и призвана защищать?»

Майор помассировал веки и лоб, чтобы хоть как-то облегчить эту тупую боль.

«А с другой стороны, и пацанов можно понять, — продолжал размышлять он. — Им семьи кормить надо. Кому охота свою задницу под пули подставлять и ежедневно нервы трепать в этой грязи за такую мизерную зарплату? Просто какой-то замкнутый круг... А я тут сижу на телефоне как козел отпущения и выслушиваю все претензии к системе...»

Ребров вдруг снова остро ощутил едкий запах этого помещения, точь-в-точь как в тот день, когда впервые вошел в дежурную часть. Терпкий, острый специфический запах пота, курица и затхлости, присущий подобным учреждениям... От него нельзя было избавиться. Он пропитывал человека и его одежду своими миазмами и, как клеймо, везде сопровождал его, оповещая окружающих о месте службы данного индивида. Поначалу, работая в дежурке, Ребров долго не мог к нему привыкнуть. Но потом даже забыл о его существовании. И вот сейчас этот запах вновь ударил в ноздри, точно майору под нос кто-то поднес открытый флакон нашатыря. Ребров поспешно вышел в коридор, открыл замок входной двери и выскочил на крыльцо.

Была поздняя осень, и стояла уже довольно прохладная погода. Но майору нравилось это ощущение влажности и свежести бодрящего воздуха. «Что это еще за новости? — возмутился он про себя, несколько придя в чувство от внезапного удушья. — Этого еще не хватало на мою голову... Так, спокойно, Ребров, спокойно...»

Майор вытащил сигареты, чиркнул спичкой и прикурил, пытаясь успокоить расшатанные в последнее время нервы. Однако мысли назойливо цеплялись одна за другую по какой-то невидимой спирали логичных рассуждений о смысле бытия.

«Да... жизнь пролетела как искра от этой спички. Не успела разгореться, как тут же тухнет под дуновением чьей-то воли свыше... Свыше?! — удивился сам себе Ребров. — Старею я, что ли? Да вроде еще не возраст...»

Надо же, парадокс, тело разваливается на части, как у дряхлого старика, а внутри такое чувство, словно ты полон сил как в молодости... Молодость... Эх, было же время золотое! Никаких отягощающих забот, светлые мечты и твердая вера в лучшее будущее. Первая настоящая любовь... Да, это действительно была самая лучшая часть моей жизни...»

Майор вспомнил, как, отслужив в армии, он мечтал поступить в Литературный институт. С русским языком и литературой у него не было проблем еще со школьной скамьи. Но его сослуживец друг Серега, с которым их вместе призвали в армию из одного города, попросил помочь ему поступить на юридический факультет. Шутки ради Ребров сдал документы вместе с ним. На экзамене успешно накатал сочинение за двоих. По истории смогли выкрутиться. Английский, не без курьеза, но сдали. Благо, преподавательница, молодая особа, вошла в их положение. Так, шутя, Ребров и поступил заодно со своим товарищем на юрфак. Стать юристом и в те времена считалось престижно. Молодежь воспитывали на фильмах, где прославлялась честь и достоинство офицеров, их мужество и героизм. Ребров, так же как и его друг, был охвачен этой романтикой и стремился стать похожим на своих любимых героев.

Однако позже, когда они стали работать, романтический юношеский пыл несколько поубавился при столкновении с действительностью. Его друг почти сразу уволился из органов, а Ребров так и остался служить «нуждам народа своего Отечества». Где он только не работал: в дознании, в следствии... И практически везде из-за своей честности и прямолинейности у него были постоянные конфликты с руководством. Затем его взял к себе в отдел начальник Угрозыска, такой же честный мужик старой закалки. На оперативной работе Ребров проработал почти четырнадцать лет. Чего он только не посмотрел за эти годы, с чем ему только не приходилось сталкиваться...

В памяти майора всплыл последний крупный конфликт, после которого высшее начальство поперло его с оперов, припаяв ему еще выговор «за грубость в общении со старшими по

званию». А дело обстояло так. Два года они выслеживали одного подонка, дважды судимого, к которому тянулись ниточки многих местных преступлений. Но доказать его причастность было тяжело, поскольку он умудрялся совершать эти преступления руками других людей, оставаясь формально «не запачканным в чернилах закона». И все-таки однажды он прокололся. Операм пришлось практически четверо суток ходить за ним и его подельниками по пятам. Благодаря такой усиленной работе им удалось предотвратить убийство. При задержании преступной группы двое товарищей Реброва были тяжело ранены. В конечном же итоге их работу свели «коту под хвост». Всю организацию взял на себя один из членов преступной группировки. А главный подозреваемый «за недостаточностью улик» был выпущен на свободу. Причем основные документы его обвинения таинственно исчезли из дела. Два года работы вхолостую, раненые товарищи... А смысл? Ребров считал своим долгом восстановить справедливость в кабинетах высшего начальства, откуда, собственно говоря, и поступил вниз этот «странный приказ» отпустить главного подозреваемого. В результате Реброва со скандалом выгнали из оперов и даже не помогли его прошлые заслуги и заступничество начальника Угрозыска. Все лучшее, что тогда смог сделать для него бывший шеф — это устроить его в дежурную часть одного из отдаленных районов города и замаять инцидент.

Ребров до сих пор в глубине души чувствовал себя оскорбленным. Высокому руководству было в принципе плевать на его заслуги, на то, что он и его товарищи рисковали своими жизнями, пока начальники сидели в теплых кабинетах, на то, что Ребров капитально посадил здоровье на этой работе. Вот и результат — цирроз. Эту болезнь можно назвать болезнью оперов. И ничего здесь удивительного нет. Что ни день, то сильнейший стресс, трупы, кровь... Какой нормальный организм это выдержит? Вот и приходится расслабляться водкой, чтобы хоть чуть-чуть отойти от затянувшегося шокового состояния.

Майор лихорадочно искал во всей своей служебной работе, которой он отдал большую часть жизни, хоть какой-то смысл. «Как я прожил жизнь? Все боролся за справедливость... Кого из настоящих бандитов посадил? Да никого! Те, кого надо было сажать, вон сейчас кто в депутатах, кто в городской власти, кто “уважаемым человеком” стал. А ведь это же действительно преступники! А кого сажали? Того, кто украл курицу у бабки? Или тачку у соседа? Или бревно на шахте? Так ведь эти с голодухи пошли на преступление или по пьянке дурканули! Сажали тех, у кого нет денег откупиться. А настоящим бандитам по барабану наши отработки! Дал взятку, и дело закрыли. Уж лучше бы установили официальные тарифы, и пусть люди творят, что хотят... Зачем тогда лезть под пули, рисковать жизнью? Бардак...»

Несмотря на то что свежий воздух действовал бодряще, Ребров снова разнервничался. Клубок мыслей опять стал наматывать тяжкие думы, много раз передуманные, заезженные до дыр ненавистью и злобой. Майор затушил окурок, раздавив его ногой так, точно он был виновен во всем происшедшем в жизни Реброва. Войдя в здание, он вновь закрыл за собой дверь и пошел на свое рабочее место. Противный запах хоть уже и приглушенно, но все еще будоражил своей затхлостью, словно это была затхлость самой системы правопорядка.

В дежурке тихо похрапывали. Старший лейтенант Чмиль приоткрыл один глаз, оценил обстановку и вновь погрузился в сон. Майор подошел к мирно дремавшему «обезьяннику». «Хм, бомжа привели, наркоманов... Одни и те же лица. Показатели делать?! На чем, на них? Как все глупо... Ведь все и так прекрасно понимают, что эти “отходы” цивилизации — всего лишь следствие творящегося вокруг беспорядка. А причина кроется в тех, кто производит данные “отходы” без зазрения совести. И все молчат, все трясутся за свою шкуру. Откуда быть в этой стране справедливости? Да и кому сейчас вообще нужны защитники справедливости, коли такое творится вокруг? Точно я родился не в свое время...

Эх, жизнь, жизнь... И кто тебя такую придумал? Мечтаешь, планируешь в молодости одно,

а вляпываешься в самое неожиданное и барахтаешься в нем всю жизнь. Если по-хорошему разобраться, ведь это все не мое. Всю жизнь здесь проработал только потому, что так получилось. Да и потом семью кормить надо было. Думал, ну хоть на пенсии осуществлю свои литературные мечты, вот дочь институт закончит... И на тебе — цирроз... Оказывается, жизнь уже заканчивается. И что я успел сделать из того, чего душа хотела? Ничего. Глупо думать, что время у тебя еще есть. Оно если и есть, то лишь здесь и сейчас. И использовать его нужно очень рационально, не упуская ни единого шанса этих бесценных мгновений жизни.

Кто знает, зачем вообще я родился на Земле... Дать продолжение роду? Но ребенок вырастает за каких-то восемнадцать лет. А дальше? Внуки, старость... Все в каком-то бешеном круговороте забот о потомстве, как у любого животного. Тогда чем от него отличается человек? Умением мыслить? Но мыслить о чем? Как устроить себе жилище, наплодить потомство, выкормить его и поставить на ноги? Получается, человек отличается от животного только тем, что оно делает все инстинктивно, а человек то же самое, но обдуманно? Судя по жизни, получается так. Но почему же тогда внутри хочется чего-то большего, чего-то выходящего за пределы этого веками прочерченного замкнутого круга? Потомство, да, это прекрасно. Но ты же рождаешься один, варишься в котле этой жизни тоже практически один (поскольку родные — это все-таки какой-то внешний стимул и поддержка твоей собственной жизненной платформы) и, в конце концов, умираешь один, переживая это явление опять-таки на сугубо своём, внутреннем уровне. Ведь никто, по сути, не знает ни твоих мыслей, ни твоих истинных переживаний, ни твоей настоящей жизни со всеми “видео” и “аудио” отображениями в твоём мозгу картинок восприятия действительности. Тогда зачем природе необходимо это накопление внутренней информации, мыслей индивида? Ведь это никому из живых существ не нужно, кроме тебя лично. Что кроется в глубине этой тайны природы? Если детей ты растишь восемнадцать лет (и то порой не понимаешь, кого вырастил, поскольку некоторые их мысли и поступки остаются для тебя непроницаемой загадкой), то на “выращивание”, или лучше сказать “накопление”, своего внутреннего состояния ты тратишь всю сознательную жизнь, начиная с раннего детства и заканчивая последним днем на Земле. Так в чем же смысл? Зачем даются все эти ступени трудностей и страданий? Почему быстротечная молодость дарит такие мгновения внутреннего счастья, о которых тоскуешь потом весь остаток своих дней? В чем подлинная основа человеческого бытия? Кто же я, наконец? Разве я просто тело? Однозначно нет. Почему этот мешок костей и жидкости движется лишь благодаря силе моей воли? Моей? А кто тогда я, если думаю независимо от боли в теле? Что вообще такое боль? Кто я?!»

От таких неожиданно нахлынувших новых мыслей, пробирающих до глубины души, Ребров даже вздрогнул. Он слегка встряхнул головой. В эту ночь с ним действительно творилось нечто необыкновенное, чего ни разу не случалось. Его сознание привыкло отвечать на вопросы логичными, исчерпывающими рассуждениями. А здесь он задавал сам себе такие вроде бы простые на первый взгляд, но в то же время невероятно сложные вопросы, затрагивающие что-то глубоко личное, что разум с его привычной логикой опера просто зашкаливало от такого перенапряжения в поисках ответов. Ребров снова слегка встряхнул головой, наивно полагая таким способом избавиться от этих мыслей. Но они не только не пропали, а усилили свою атаку, схлестываясь наперебой с привычными мрачными мыслями о бытии насущном. При этом тело продолжало непрерывно сигнализировать болью о серьезных неполадках. В таком жутком состоянии и застал майора очередной телефонный звонок в три часа ночи. Ребров поднял трубку и уставшим голосом автоматически ответил:

— Дежурный пятнадцатого отделения милиции, майор Ребров...

В трубке загараторил женский голос. Обычное явление — пьяный дебош. Чей-то очередной затянувшийся день рождения из-за непомерной дозы спиртного превратил квартиру в

боксерский ринг. И начались выяснения отношений до крови... Ребров соединился по внутренней связи с дежурной опергруппой. Через некоторое время в дежурку вошел капитан Онищенко с заспанным лицом.

— Ну, и кто там с похмелья да с голоду проломил буйну голову в три часа ночи? — спросил он, потирая глаза.

— Да вон, — кивнул Ребров.

Капитан бегло прочитал запись.

— Ничего себе, аж на другой конец района переться! Эх, дела наши тяжкие...

Онищенко глянул на дремавшего под газеткой Чмиля, улыбнулся и тихо подкрался к нему поближе.

— Рота, подъем! Старший лейтенант Чмиль, два наряда вне очереди! — громко скомандовал он.

Сонный Чмиль инстинктивно вскочил по стойке «смирно», грохнув об пол уцелевший стул и случайно смахнув с тумбочки пепельницу, полную окурков. Но тут же пришел в себя. Вместе с ним вскочил с перепугу и сержант Костюшкин.

Тьфу ты, Онищенко! Ты меня когда-нибудь бездетным сделаешь, — недовольно пробурчал Чмиль.

А почему бездетным? — удивился, смеясь, капитан.

Почему, почему... — передразнил его Чмиль. — По кочану... Знаешь как на психику влияет...

А-а-а... — протянул Онищенко и добавил: — Ну, так «власть без злоупотребления теряет свою привлекательность». Не твои ли это слова?

Ну да, это называется «без понукалки и сказочник дремлет».

Дежурная часть несколько оживилась. Пока Онищенко говорил с Чмилем, подошли еще двое оперов и водитель.

Все, мы покатили, — произнес капитан, выходя из дежурки.

Удачи, — ответил Ребров.

После ухода опергруппы Чмиль пошатался по помещению, как разбуженный медведь в зимнюю спячку. Пиная обломки стула, он ворчал себе под нос:

— Вот Онищенко... «сам не гам и другому не дам». На таком месте сон перебил, гад...

Сядь за пульт, я пока кофе заварю, — сказал Ребров, глядя на старлея.

Чмиль бросил свое «занятие» и грузно уселся за стол, посматривая по сторонам, на ком бы сорваться. Ребров явно не подходил для этих целей. Он был старший по званию, да и мужик неплохой, всегда поступал с ним по-человечески, не то что этот Онищенко. Чмиль окинул взглядом помещение. «В “обезьянник”, что ли, заглянуть?» — подумал он, остановив взгляд на камере. Но тут в дежурку вошел Костюшкин, отлучавшийся в туалет. И Чмиль выбрал себе идеальную цель для выпуска «пара». Он состроил грозный вид и, пользуясь тем, что Ребров ушел в другую комнату, властно произнес:

Сержант Костюшкин, почему мусор на рабочем месте? — он указал пальцем на валявшиеся на полу окурки и приказал: — Быстро взял в руки веник и убрал территорию!

А чего я? Я, что ли, их кидал? — в таком же претензионном тоне ответил ему Костюшкин.

Чмиль аж оторопел от удивления.

Во молодежь пошла! Ты как разговариваешь, твою мать, со старшим по званию?!

Да ладно тебе, Чмиль! Чего ты на меня наезжаешь? Сам уронил, сам и подметай.

Чего, чего?

Старший лейтенант стал медленно вставать из-за стола. Глядя на его внушительную фигуру, Костюшкин даже как-то съежился, поскольку сам не отличался особой мускулатурой. Так что

когда Чмиль угрожающе привстал в свой неполный дюжий рост, сержант не стал дальше испытывать судьбу и, выпрямившись по стойке «смирно», козырнул.

— Есть взять в руки веник и убрать территорию!

И тут же побежал с глаз долой за необходимым «очистительным» инструментом. Чмиль довольно причмокнул языком и, усевшись обратно, пробурчал:

— То-то же...

Когда Ребров принес кофе всем троим, старший лейтенант поучительно читал лекцию Костюшкину о том, как надо выполнять приказы, работая в милиции. Костюшкин тем временем уже подметал последние окурки, недовольно косясь на Чмиля.

— А, вы тут уборкой занялись? Молодцы! — похвалил Ребров. — Ладно, давайте перекусим.

Майор вытащил большой бутерброд, заботливо приготовленный женой, и разрезал его на три части.

— Вот, угощайтесь.

Попивая горячий кофе, Чмиль смягчил свой агрессивный тон.

— Да уж, кофе, — он посмотрел на часы, — в двадцать минут четвертого — это райское наслаждение! Костюшкин, цени мгновенья юности своей! Где бы ты еще попил так кофе в три часа ночи, поблизости вон от тех экзотических индивидов, — Чмиль кивнул на «обезьянник», — с такими специфическими примесями разных ароматов?

Ребров еле заметно улыбнулся, уже предвидя, к чему клонит Чмиль. А тот продолжал сгущать краски:

— Представляешь, ты сидишь и пьешь черный кофе в такую мрачную ночь (жаль, что не пятница и не тринадцатое), под светом полной луны в черных-черных облаках, когда вурдалаки и оборотни будоражат город своим протяжным воем...

В этот момент где-то поблизости действительно завывала собака. Костюшкин чуть чашку не уронил. Однако вслух произнёс:

Ага, сейчас ты порасскажешь про вурдалаков... Забыл из дома захватить кепку с козырьками на два уха, чтобы ты лапши на уши поменьше вешал.

Я?! Лапши?! Да никогда! Вон Ребров не даст соврать, — и зловещим голосом продолжил: — Два месяца назад здесь недалеко, в соседнем поселке, один вурдалак умер при очень странных обстоятельствах. Люкой звали. Ты бы побывал в его доме, а особенно в сарайчике... Точно бы со страху помер! Даже опытные оперативники и те после этих сцен две недели спать не могли, все им этот Люка мерещился. Представь, большой разделочный стол, кровь, кишки, вонь, десять трупов ободранных висят...

Костюшкин, будучи уже под впечатлением рассказа, поперхнулся кофе. Он закашлялся и выскочил в туалет.

Э-э-э, — махнул рукой Чмиль. — Слабак!

Ну, с десятью трупами ты явно перестарался, — заметил Ребров. — Там и одного было достаточно для впечатлений.

То я так, для щекотания нервов, — отшутился Чмиль.

В это время раздался резкий, оглушительный звонок телефона. Чмиль и Ребров одновременно вздрогнули.

Да, брат, нервы у всех у нас уже ни к черту! — усмехнувшись такой реакции, промолвил Ребров и взял трубку.

Дежурный пятнадцатого отделения милиции, майор Ребров.

Приезжайте быстрее, — раздался в трубке дрожащий голос какой-то старушки. — Там... там... выстрелы... что-то происходит, ребенок плачет...

Минуточку. Назовите свою фамилию, имя, отчество, адрес...

Старушка стала сбивчиво говорить, волнуясь и все время повторяя, что за стенкой что-то случилось, ребенок плачет, и нужно срочно приехать. Это тревожное состояние пожилой женщины на каком-то неведомом уровне передалось и Реброву. Внутри что-то сжалось. Но майор старался держаться спокойно, выясняя все подробности ситуации. Так было положено по инструкции. Хотя он прекрасно понимал, насколько дурацкими и нелепыми казались его вопросы на том конце провода. Человек в шоковом состоянии, а у него спрашивают имя и отчество. Но, с другой стороны, кто-то должен сохранять спокойствие, дабы рассуждать трезво и ясно, как бы ни была накалена ситуация. Ведь любая паника всегда лишь усугубляет и без того напряженное положение.

Минуты через две майор, наконец, выяснил суть дела. Звонили соседи из частного дома на двух хозяев. Старик со старухой проснулись оттого, что слышали звуки, похожие на выстрелы. Потом за стенкой начался шум, какая-то возня, крик ребенка. Они позвонили в РОВД.

Ребров напряг память. Названный адрес показался ему знакомым. И тут он вспомнил... Ну, конечно, когда Ребров был еще оперативником, его пути-дорожки пересекались с хозяином этого дома. Неплохой мужик, в те времена дружинник, он помог операм задержать матерого уголовника. Сейчас стал частным предпринимателем. Проживает с женой, сыном лет десяти и пожилой матерью. Торгует вместе с женой на вещевом рынке. Живут ни бедно, ни богато. Зарабатывают свою копейку. Мужик не пьет, не курит. Что-то со здоровьем у него, язва, что ли... Нет, если бы и были пьяные разборки, то только не в этом доме.

Ребров насторожился. Смутное, необъяснимое чувство беспокойства нарастало, словно снежный ком. «Нет, что-то здесь не так, что-то там случилось действительно серьезное. Надо срочно вызвать опергруппу. Стоп...» Опергруппа уехала на другой конец района. Ребров прикинул — пока он им сообщит, пока они приедут, может быть слишком поздно. Слишком!!! Ребров и сам не знал, почему был так уверен в том, что оперативники не успеют. Он чувствовал на каком-то подсознательном уровне, что необходимо действовать сейчас и быстро. Майор вскочил с места и бросился в соседнюю комнату за курткой.

Кого еще нелегкая... — Чмиль не успел договорить, его перебил Ребров, остановившийся на полпути.

Так, Чмиль, срочно сообщи опергруппе записанный адрес. Пусть немедленно выезжают как только смогут!

Ощувив всю серьезность ситуации, Чмиль спросил:

Да что случилось?

Бабка слышала выстрелы. За стенкой, похоже, борьба... Этот дом в двух кварталах отсюда... Не желаешь освежиться пробежкой? — попытался более-менее спокойно произнести Ребров, но это ему плохо удавалось.

Да всегда пожалуйста, — сказал растерянно Чмиль, пожимая плечами. — А РОВД?

В это время в дежурную часть вошел сержант.

— Ну и хороши у вас шутки по ночам! — произнес, смеясь, Костюшкин, приняв всю эту сцену за розыгрыш.

Так, Костюшкин, остаешься на телефоне. Чмиль, звони операм!

Ребров поспешил за одеждой. Чмиль стал связываться с дежурной опергруппой.

А что случилось? — всполошился Костюшкин.

В милиции же не всегда спят по ночам, иногда там еще и работают, — съязвил старлей. — Чё уставился? Выполняй приказ!

Он связался с опергруппой и объяснил ситуацию.

Я что, один здесь останусь?! — наконец-то дошло до Костюшкина, и глаза его

округлились. — Это не положено!

Ну почему же один? Вон сколько у тебя собеседников! — зло кивнул Чмиль на «обезьянник», накидывая куртку. — Один другого лучше.

Это по уставу не положено! — пытался в истерике прикрыть свой страх Костюшкин.

Слушай, ты, хлюпик! — Чмиль схватил сержанта за грудки и хорошенько встряхнул. — Заладил: «Не положено, не положено». Считай, чрезвычайная ситуация. Ты понял?! Мы с Ребровым сейчас вернемся. Посидишь, ничего с тобой не случится. Ты что боишься как баба?!

Последняя фраза подействовала на Костюшкина отрезвляюще. В это время появился одетый Ребров.

— Так, пошли, — скомандовал он, проверяя на ходу табельное оружие. — Костюшкин, закрой за нами.

Может мне начальству позвонить, если чрезвычайная ситуация? — в растерянности пробормотал сержант.

Я тебе позвоню! — пригрозил Чмиль. — Чего людей зря беспокоить в полчетвертого утра? Может там все в порядке, люди ослышались... Мы глянем и вернемся. Все ясно?!

Все, — обреченно пробормотал Костюшкин.

Не слышу?

Так точно, — отрапортовал тот.

Во, другое дело, — удовлетворенно заявил Чмиль.

Да брось ты ерундой заниматься! Пошли быстрее, — поторопил старшего лейтенанта Ребров.

* * *

На улице было довольно холодно. Дул колючий северный ветер. Землю слегка приморозило. Вокруг ни души. Ребров и Чмиль бежали по спящему кварталу серых девятиэтажек. Их топот гулко расходился по округе, однако вряд ли кто его слышал. В окнах давно уже был погашен свет, и население мирно дремало в предрассветный час в теплых постелях, наслаждаясь картинкой сладких сновидений.

Чмиль мчался впереди и еще умудрялся вести беседу с майором.

Да не переживай ты так! Может, бабке этой послышалось. Или молодежь гуляет, петарды запустили. Я ж сам молодой был, через это прошел.

Угу... тоже мне... «старик» нашелся, — с одышкой произнес майор.

Ребров несколько поотстал. Он старался бежать быстро, насколько это было возможным. Тело разваливалось на части от жуткой боли, и каждая встряска отдавала обжигающей резью в печени. Ноги казались ватными. В ушах стоял гул. В голове — какой-то туман. И все же Ребров продолжал этот трудный для себя бег как будто преодолевал не два квартала, а дистанцию, равную его жизни.

Чмиль оглянулся. Глядя на Реброва, сколько усилий прилагал этот человек, чтобы преодолеть данную дистанцию, сердце его сжалось. Старлей сбавил ход и побежал рядом с майором.

Слушай, чего мы летим как на пожар?! Давай пешком пройдемся. Там, может, бабке кошмар приснился, а мы, как идиоты, в полчетвертого утра к ней на свидание несемся! — и шутливым тоном добавил: — Чё мы с тобой, геронтофилы какие-нибудь, что ли? Я, лично, традиционной сексуальной ориентации.

Вперед!.. — прохрипел Ребров.

— Вперед так вперед... Я ж не возражаю, — и не без иронии в голосе Чмиль продолжал: — Эх, так уж и быть! Говорят же, в жизни все надо попробовать... Слушай, а может, я один к этой бабке сбегая? Разузнаю чё да как. А ты в райотделе подождешь, пока мы с ней отношения выясним...

— Не все ж... коту... масленица... — попытался так же шуткой ответить Ребров, задыхаясь от быстрого бега.

Наконец, квартал девятиэтажек остался позади. Начались запутанные лабиринты частного сектора.

Ты куда, Чмиль? — окликнул старлея Ребров.

Так улица в той стороне! — кивнул тот.

Нет... туда, — махнул майор и побежал первым, показывая дорогу.

Разбуженные от топота ног собаки подняли неугомонный лай по всей округе. Вот уже и нужная улица, необходимый последний угловой дом, расположенный на перекрестке дорог. Ребров подбежал к калитке и, остановившись, почти повис на ней, пытаясь отдышаться. Чмиль тоже сложился пополам, опираясь руками в колени и восстанавливая дыхание.

— За тобой... прямо не угнаться, — произнес он, тяжело дыша.

Чмиль поднял глаза на подозрительно затихшего майора. Ребров стоял как вкопанный, затаив дыхание и уставившись куда-то во двор. И если бы он не поднял руку, показывая жестом «Внимание!», Чмиль бы подумал, что тот умер. В боковом и переднем окнах дома, очевидно одной и той же комнаты горел свет. За шторкой мелькали чьи-то тени.

Ребров тихо открыл калитку и вместе с Чмилем вошел во двор. Недалеко лежала мертвая собака в небольшой темной лужице. Чмиль присел на корточки и попробовал пальцем липкую жидкость. «Кровь», — утвердительно кивнул он.

— Зайди слева, — шепнул майор, указывая на боковое окно.

Чмиль вновь кивнул. Пригибаясь, короткими перебежками вдоль хозпристроек, он в два счета достиг заборчика, отделявшего двор от небольшого цветника возле дома, куда выходило боковое окно. Несмотря на свою внушительную фигуру, старший лейтенант почти бесшумно сиганул через забор и скрылся в темноте.

Ребров вытер пот со лба. Достал из кобуры пистолет, снял с предохранителя и подошел к двери. Сердце стучало в груди, гулко отзываясь во всем теле. Дыхание было учащенным. Руки дрожали от быстрого бега и сильного перенапряжения. В горле пересохло. Он взялся за ручку двери и слегка потянул ее на себя. Та легко поддалась — дверь оказалась незапертой. Ребров как можно аккуратнее приоткрыл ее и тихо вошел в дом. Продвигаясь в темноте практически на ощупь, он наткнулся на что-то мягкое и осторожно присел. В слабом луче света, пробивающегося из-под двери следующей комнаты, он разглядел руку пожилой женщины. Прощупал пульс. Он отсутствовал, однако тело было еще теплым. «Очевидно, женщина приняла первый удар на себя, — промелькнуло в голове Реброва. — Причем совсем недавно...» Майор переступил через труп, крепче сжимая рукоять пистолета, и стал бесшумно продвигаться в сторону полосы света.

Дойдя до следующей двери, он снова медленно приоткрыл ее на себя. Эта комната была проходной. Слева, в соседнем помещении, горел свет. Именно оттуда доносился детский плач. Мужские голоса грубо требовали деньги. Слышались приглушенные удары и стон. Ребров присел у дверного проема и осторожно выглянул. Двое вооруженных бандитов в черных масках избивали связанного, лежащего на полу хозяина дома, требуя указать место, где лежат деньги. У одного из них висел через плечо автомат, другой сжимал в руке пистолет. Третий налетчик стоял слева с топором и наблюдал за действиями своих поделльников. За ним находился мальчик,

привязанный к батарее сбоку от окна. Он жалобно плакал, зажмурив от страха глаза. Справа на диване лежала женщина, связанная бельевой веревкой, с кляпом во рту.

Ребров лихорадочно пытался сообразить, как действовать дальше. Но тут один из налетчиков, что был с автоматом, схватил хозяина за волосы и, тыча пальцем в ребенка, крикнул: «Ну, сука, смотри!» Он кивнул своему подельнику. И тот замахнулся топором над хрупким тельцем ребёнка. Мальчик оглушительно заверещал...

Реброва точно разрядило. Не раздумывая, он рванул с места, выкрикивая какие-то стандартные фразы и не слыша даже собственного голоса. Единственная мысль, которая неистово пульсировала в его голове, — любой ценой спасти ребенка. В это мгновение он почувствовал, словно какой-то яркий, обжигающий луч пронзил его сзади в области затылка. Он точно взорвался в его теле, порождая множество мурашек, как после мощного разряда электрического тока. С этого момента для Реброва изменилась вся картина восприятия. Мысли исчезли. Наступила ясность и абсолютный покой. Время точно замедлило ход.

Он увидел направленное на себя дуло пистолета, но страх отсутствовал. Была лишь ясность и холодный расчет. Зрение необычно сконцентрировалось и отчетливо зафиксировало, как пуля вылетела из ствола бандита. Ребров машинально отклонил голову, увернувшись от траектории полета пули. И только потом увидел огонь, вылетающий из черного круглого отверстия.

Взгляд упал на правое плечо противника. Странно, но Ребров не видел ни одежды, ни даже кожи, а лишь разрывающийся от пули, плечевой сустав. Он машинально нажал на курок. И в следующее мгновение пуля пронзила противника точно в заданную глазами цель. Действуя почти автоматически, Ребров подлетел в невероятном для его возраста прыжке к бандиту с топором и врезал ему в грудь левой ногой так, словно всю жизнь только и занимался восточными единоборствами. Тот с силой ударился об стену. Потом, как мячик отскочил от нее, рухнув на пол и выронив из рук топор.

Ребров слегка повернул голову вправо. Третий налетчик, выпустив волосы мужчины, уже приподнимался, направляя на майора ствол автомата. Ребров действовал быстро, легко и слаженно, как будто годами нарабатывал до автоматизма эти движения. Правой ногой он отбил в сторону и вниз оружие, прижав его ногой к полу. Продолжая движение, полуприсев, с разворота нанес всем корпусом мощный удар левым локтем за ухо бандиту. Тот свалился без чувств, упав прямо на хозяина. Ребров переложил пистолет в левую руку, а правой стал поднимать автомат. В это мгновение он зафиксировал боковым зрением нечто странное.

Майор повернул голову. В глубине проходной комнаты возле дверного проема, где еще секунду назад стоял сам, он увидел прозрачный сияющий силуэт. Его черты становились все четче и яснее, и, наконец, проявился облик прекрасного лица. Его взор беспрепятственно проникал в душу, озаряя своим светом самые потаенные ее глубины. Ребров чувствовал, что не сможет выдержать силу этого взгляда, но и оторваться от его восхитительно приятного и доброго притяжения, радующего сердце, было невозможно.

Однако через секунду, к несказанному изумлению Реброва, его периферийное зрение сработало так, словно он смотрел в упор на происходящие сбоку события. Ребров разглядел в мельчайших подробностях, как разлетается на множество осколков стекло, как в комнату влетает кусок бревна, выбивая раму, а следом вламывается мощная фигура старшего лейтенанта Чмиля. Удивившись такому необычному свойству зрения, майор с трудом оторвал взгляд от сияющего лика и посмотрел на окно, которое, как ни странно, оказалось целым. Но в ту же секунду стекло вдребезги разбилось, и картинка, запечатленная мозгом Реброва, точь-в-точь повторилась наяву. Чмиль влетел в комнату как ураган. Но, увидев живого и невредимого майора, а также лежащих вокруг него преступников, он остановился, слегка опешив. Быстро выйдя из своего оцепенения, старший лейтенант принялся связывать руки бандитам.

Ребров сохранял все то же состояние абсолютного спокойствия. Он вновь глянул в сторону проходной комнаты, которая больше всего привлекала его взор. Но комната была уже пуста, зияя своей поглощающей тьмой. Лишь легкий рассеивающий свет плавно удалялся, отсвечивая из коридора. Ребров, не раздумывая, двинулся за ним.

С каждым шагом мир все сильнее менял свои очертания. Чем дальше удалялся от яркого света Ребров, тем больше фокусировалось и сжималось пространство вокруг него. Войдя во тьму коридора, он точно погрузился в медленно вращающийся тоннель. Круглые «стены» и «пол» находились в каком-то аморфном состоянии. Вернее, «стены» и «пол» были понятиями из прошлого Реброва. Сейчас он видел нечто вроде различных по конфигурации и тусклому свету скоплений атомов и молекул, которые словно живые изменяли свою форму, повторяя отпечаток его шага. Рука Реброва свободно проникала в «стенки» этой массы. Хотя и рука стала вовсе не рукой, а каким-то струившимся потоком разноцветных энергий, заключенных в оболочку таких же мельчайших частиц, как у «стены» и у «пола».

Впереди он увидел необычно сгруппированные атомы и молекулы вперемешку с рассеивающим светом угасающих энергий. «Старушка», — мелькнуло у него в голове. Легкое свечение окружало тело. В области головы, в самом центре, пульсировала золотисто-красноватым светом маленькая студенистая масса. Над телом завис небольшой ослепительно яркий сгусток. Каким-то образом Ребров понимал, что этот сгусток энергий и пульсирующий студенистый комок — одно целое, составляющее суть человека, пребывающего в телесной оболочке. Ему показалось, что столь маленькое сияющее Нечто — самое что ни на есть живое, извечное существо. Он почувствовал на себе его невидимый взгляд, напряжение и какую-то щемящую душу тоску. И он понял его, понял без слов. «Живы все, живы», — мысленно произнес майор. Существо точно восприняло его мысли. Оно засияло мягкими, невероятно теплыми переливами, дублируя эти оттенки на студенистом комочке и оставляя в душе Реброва аналогичное успокаивающе-умиротворяющее ощущение. И тут Реброва озарило. Он ясно понял — смерти, как таковой, не существует!

Это открытие поразило его, распахнув двери в неведомый доселе более чем реальный мир, мир вечности, наполняя жизнь совершенно новым смыслом существования. Очутившись на улице, Ребров попал вроде бы в знакомый, но в то же время совершенно другой мир. Потоки заряженных частиц омывали его тело порывом вполне ощутимой живой силы под человеческим названием «ветер». Эти частицы проникали в телесную оболочку и насыщали другие частицы своей энергией, которые по цепочке передавали свою силу остальным, порождая ощущение бодрости и свежести во всем организме.

Мир был отнюдь не в темных тонах. Он играл причудливым светом жизни, которого Ребров раньше абсолютно не замечал. Все вокруг сияло разноцветными красками. И не было здесь разделения на живые и неживые объекты. Все по-своему было живое: перемещалось, соединялось, получая неповторимую гамму переливов, разъединялось на отдельные пульсирующие оттенки, необычно преобразовывало свои состояния...

Потрясенный увиденным, Ребров присел на краешек крыльца. И только сейчас заметил, что видеть стал каким-то необычным способом, точно хамелеон. Его зрительный кругозор значительно расширился. Он созерцал, не поворачивая головы, практически все, что находилось вверху, внизу, сзади, с боков. Лишь небольшая полоска сзади внизу оставалась невидимой. Для обозрения этого участка пространства необходимо было слегка повернуть голову. Ребров не мог понять, что случилось с его зрением. Он закрыл глаза, прикрыв их рукой. Однако, несмотря на то что веки оставались сомкнутыми, Ребров, как ни странно, видел собственную руку, свои пальцы, наложенные на веки. Более того, он видел все, что происходило вокруг него, словно и не было вовсе никакой преграды.

Ребров в шоке отнял руку от лица и посмотрел на нее. Но тут он открыл другие удивительные способности своего зрения. Чем сильнее сосредоточивал внимание на кончике пальца, тем глубже проникал его взор, увеличивая видимый объем во много раз, как под увеличительным стеклом. Хотя в это же время Ребров чувствовал, что удерживает руку на том же расстоянии от глаз. Он увидел до мельчайших подробностей узорчатый рисунок своих пальцев в виде причудливых лабиринтов. Они напоминали петляющую местность, изрезанную неровными канавами и плоскими холмами. Под этим загадочным рельефом скрывался другой невидимый мир. Розовая масса окутывала разветвленные устья гибких синеватых трубок. Они интенсивно пульсировали, толкая по своим замысловатым ходам под огромным внутренним давлением бурные потоки красной жидкости. Но и в этом, невероятно живом мире существовал еще более утонченный мир. От такого углубленного сосредоточения Реброва даже немного затошнило. Он машинально оторвал свой взгляд от пальца, и зрение вновь стало расфокусированным, возвращая его палец в пределы привычных форм.

Пытаясь прийти немного в себя, Ребров сместил свое внимание на звуки. Но и здесь столкнулся с уникальным явлением. Он не слышал звуки как обычно, а реально ощущал их всем телом. С нескрываемым любопытством майор стал исследовать новые возможности своего организма. Сначала он почувствовал лай собак. Эти волны были точно живой, самостоятельной силой, с собственным запасом энергии. Рождаясь и проходя очень короткий жизненный путь, они своими колебаниями изменяли окружающее пространство. Ребров ощущал, как упругие волны ударяются о его тело, будто накатившиеся одна за другой волны морского простора, как они омывают его, словно стремительное течение подводный камень. Он почувствовал другие, более тонкие шумы и жизненную силу этих энергий.

Ребров с увлечением стал сосредоточиваться на разных ощущениях. И здесь ему открылась совершенно потрясающая картина мироздания. Все эти красочные оттенки окружающего пространства оказались не чем иным, как различными энергиями разнообразных волн. Более того, все живые и неживые объекты представляли собой именно энергетические частицы, порождающие специфические волны. Впечатляло их многообразие и взаимодействие. Волны были носителями разной силы и энергии, двигались со своими индивидуальными скоростями, усиливали друг друга, встречаясь в пространстве, отражались, поглощались, превращаясь в другую энергию. Наблюдая за всем этим великолепием, Ребров неожиданно сделал для себя еще одно потрясающее открытие: эта жизнь не прекращалась! В ней не существовало понятия «смерти». Энергии, которые и составляли суть жизни, лишь переходили из одного состояния в другое, меняя формы. Они существовали вечно!

От таких открытий у Реброва захватило дух. Бурным потоком нахлынула небывалая радость, безграничная любовь ко всему существу. Хотелось обнять душой весь мир и целиком раствориться в его поразительной гармонии. От охватившего его вдохновения Ребров восхищенно посмотрел на огромное пространство ночного неба, сверкавшего ослепительными звездами. Он ощутил доносившиеся оттуда шумы, которых раньше никогда не слышал. Вернее, это были даже не шумы, а какая-то симфония, которая то складывала все звуки в прелестную мелодию, то улаждала слух отдельным звучанием великолепного соло. Эта музыка зачаровывала своими нежными переливами, своей необычной внутренней красотой.

Ребров наслаждался гармоничным звучанием Космоса. Он явно ощущал какую-то внутреннюю неразрывную связь между собой и всем этим изумительным мирозданием. Было такое чувство, что он точно знал, где и что находится: где раскаленная звезда, где планета, где просто свет от давно видоизмененной энергии угасшей формы. А в некоторых темных местах Космоса явно ощутил существование невидимых глазу галактик и их планет с вполне реальным, схожим прототипом жизни. Ребров почувствовал не просто единение с Космосом, а какую-то

необъяснимую связь каждого атома его тела с каждым электроном небесных тел. На неведомом уровне своего сознания он понимал, что если еще немного побудет в этом потрясающем состоянии глубинного проникновения в тайны мироздания, то ему откроется нечто запредельное. Но в это мгновение ему стало по-настоящему дурно. Казалось — еще чуть-чуть и он потеряет сознание. Ребров опустил взгляд на землю, пытаясь прийти в себя.

Подъехала опергруппа. В дверях стали сновать туда-сюда люди. В ноздри Реброва остро ударил запах крови, пороха, бензина, смеси мужских парфюмов с едким запахом дежурной части и еще дюжина каких-то специфических запахов здешнего дома. Подъехали машины из прокуратуры, ОБОПа, «скорой помощи». Во дворе началось интенсивное движение.

Ребров отрешенно наблюдал за суетящимися людьми. Они были похожи на мощные источники исходящих от них различных волн. Своими энергетическими колебаниями эти волны быстро заполняли пространство вокруг дома. Майор впервые увидел, что человек занимает гораздо больший объем, нежели он себе представлял. С виду тело напоминало рой очень мелких пчел,двигающихся разными группами в своих направлениях. Этот рой атомов и молекул вперемешку с внутренними энергиями был окружен плотным туманом сантиметров на двадцать. А сверху его на полметра покрывало необычное свечение. И весь этот кокон интенсивно излучал какие-то энергии, которые и заполняли окружающее пространство с невероятной быстротой.

Реброва похлопывали по плечу, что-то спрашивали, он что-то отвечал, не отвлекая внутреннего взора от созерцания происходящего процесса. Подошел доктор, стал интересоваться, не ранен ли он. И тут майор обернулся и обратил внимание на этого человека. Он понял вопрос гораздо быстрее, чем тот успел произнести его до конца. Но одновременно Ребров воспринял и другие, более сильные мысленные волны, словно в докторе говорили разные люди о совершенно противоречивых вещах с явным перевесом негатива. Причем майор настолько явно чувствовал мысли врача, как будто все это происходило в его собственном мозгу.

Наконец суета сует закончилась. По распоряжению начальства Реброва отправили домой. Он сел в милицейский «бобик» вместе с другими сотрудниками, которые вызвались его сопровождать. Едва взревел мотор, майор переключился на другое восприятие. Его внимание привлек работающий двигатель. Как ни странно, но Ребров узрел то, что происходило внутри. Он ясно видел, как вспрыскивается переливающийся разными оттенками бензин и смешивается с воздухом. Как искра воспламеняет эту смесь, как происходит взрыв. Сила взрыва отталкивает поршень. Этот поршень передает энергию на коленчатый вал. Через коленвал она уходит на колеса. И колеса вращаются, цепляясь за асфальт. И вроде бы преобразующаяся энергия, движущая их, должна приближать Реброва к дому. Но, как ни странно, вместо этого он почему-то ощутил, что дом приближается к нему.

Майор смотрел на весь этот загадочный мир с нескрываемым удивлением. Он точно раздвоился. С одной стороны, это было для него в новинку. А с другой стороны, он чувствовал, что все это когда-то уже видел: и Космос, и атомы, и волны. Он знал этот мир!!!

Из предосторожности Ребров не стал ничего сообщать коллегам о своих потрясающих ощущениях, дабы не прослыть сумасшедшим. Хотя, глядя на всю эту реальную окружающую красоту изменившегося мира, он осознавал на каком-то глубинном уровне, что безумен как раз людской мир со всей его эмоциональной грязью и потребностями животного.

Добравшись до дома, Ребров тихонько вошел в квартиру, чтобы не разбудить близких. Он даже не стал включать свет, поскольку прекрасно видел в темноте. По сути и не было темноты как таковой. Мир переливался разнообразной световой гаммой. Каждый шаг майора и прикосновение к чему-либо порождало новый всплеск волновых колебаний и их взаимодействие.

Ребров постелил себе на диване и улегся. Вернее сказать, погрузился как начинка в слоеный

пирог в такую же необычную среду атомов и молекул, движущихся по разным траекториям. Он ощутил блаженное состояние расслабления и попытался закрыть глаза. Однако, даже прикрыв веки, по-прежнему видел все ту же объемную картинку помещения со всем его жизненным движением «недвижимого имущества». Ребров усмехнулся про себя: «Как же теперь спать-то?» Не представляя как быть, он стал рассматривать эту чудную самостоятельную жизнь его квартиры. Потом в голове сами собой стали прокручиваться в обратном порядке все события прошедшей ночи. И когда мысль дошла до потрясающего пронизательного взгляда светлого лица, перед глазами Реброва вспыхнула яркая ослепительная вспышка и он провалился в глубокий сон.

* * *

Майор проснулся, когда на улице был уже полдень. Зрение стало обычным, как и прежде. Однако Ребров чувствовал себя совершенно другим человеком, точно внутри него произошел глобальный позитивный переворот. Тело, как ни странно, вообще не болело. Наоборот, оно было полно сил, словно к нему вернулась вторая молодость. Весь организм стал легким и подтянутым.

Дома никого не было. Дочь ушла в институт, жена, очевидно, на рынок. Ребров, насвистывая веселую мелодию, сделал зарядку, чего давно уже не делал. Потягал запыхавшиеся гантели. И в бодром настроении отправился в душ. Помывшись, он привычным движением выдавил из тюбика крем для бритья и стал наносить его помазком на двухдневную щетину, не переставая напевать себе под нос. И тут, взглянув на себя в зеркало, Ребров замер. Его волосы, пятнадцать лет назад начавшие седеть, превратились в темно-коричневые. Мелкая сетка морщин на лице пропала. Исчезли мешки под глазами и желтизна кожи. Лицо каким-то непонятным образом восстановило свой естественный здоровый цвет. Но самое главное — глаза. Они стали не только насыщено-кариими, но и отражали такую силу и блеск, какие были не свойственны Реброву даже в молодости. Майор присел на краешек ванны. А затем снова вскочил, вглядываясь в собственное отражение. Он пытался осмыслить: какие метаморфозы произошли с его организмом? Но потом перестал себя мучить подобными «пустяками». Ведь это было всего лишь тело.

Закончив утренние процедуры, Ребров пошел на кухню. Заварил себе, как обычно, чай. Сделав глоток, он впервые, как ни странно, почувствовал настоящий аромат и вкус этой насыщенной воды. В нем проснулся здоровый аппетит. Пошарив в почти пустом холодильнике, он вытащил остатки продуктов и, сотворив из них бутерброды, с удовольствием стал их есть. Впервые за многие годы Ребров с наслаждением позавтракал. Напевая все ту же веселую мелодию, он оделся и отправился в РОВД отписываться за свой «несанкционированный героизм».

Ступая привычной дорогой, которой ходил уже столько лет, Ребров все больше убеждался в том, что вокруг него, оказывается, существует потрясающий мир, и он сам — частица этого природного чуда. Ребров шел и не чувствовал веса собственного тела. Краски стали намного ярче, насыщеннее, точно с глаз спала некая мутная пелена. Он видел подлинную, живую, окружающую красоту. Слышал, как в действительности поют птицы. Даже в чирикание воробьев уловил некий незатейливый спор. Он стал понимать этот мир на каком-то невербальном уровне.

Ребров подошел к остановке. Дожидаясь автобуса, он впервые за многие годы обратил внимание на кору дерева, находящегося неподалеку. Тонкие изящные изгибы чередовались с

толстыми выпуклыми частями, завораживающе играя светотенью каждой прожилки. А все вместе выглядело великолепным загадочным рисунком, похожим на таинственный лабиринт, прочерченный невидимой рукой от корней до самой верхушки. Целая жизнь внутри, целая судьба снаружи... Сколько всяких событий произошло возле этого дерева и благодаря ему у других существ...

Майор подумал: «Да, каждому определено свое место в этой жизни. И каждый в этой жизни — многократно судьбоносный элемент... Странно... Поразительно... Почему же эти тайны бытия открылись именно мне?» Этот вопрос не выходил у него из головы.

В это время подъехал автобус, и перед ним распахнулись двери. «Докажи» — услышал Ребров позади себя неестественно громкий, задорный девичий голос. Майор оглянулся, почему-то подумав, что это адресовано именно ему. Но, увидев обнимающуюся молодую пару, которая, не обращая ни на кого внимания, наслаждалась своим счастьем, слегка смутился и вошел в автобус.

Ребров с трудом протиснулся внутрь, чтобы не заслонять другим проход к выходу, и встал возле сидящих старушек, мирно болтающих друг с другом. В голове эхом повторялось слово незнакомой девушки. И тут одна из старушек с такой же необычной интонацией, как показалось Реброву, произнесла между разговором фразу: «Богу, что...» Майора несколько удивили эти совпадающие звуковые частоты. Слова запали в душу. Сколько он потом ни прислушивался к их разговору, больше ничего подобного так и не услышал.

Ребров озадаченно вышел на своей остановке. В голове сами собой складывались слова, произнесенные разными людьми: «Докажи Богу, что...» Проходя мимо театра, майор привычно скользнул глазами по афишам и тут же вновь возвратился к ним. Среди всей галиматьи слов необычно была написана фраза «ты Человек». Ребров для эксперимента отвернулся. Потом снова взглянул на пестрящую рубрику афиши. И снова его взгляд сразу безошибочно попал на эти слова, точно сейчас это была для Реброва самая важная информация. Он встряхнул головой, слегка опешив от своих открытий, и продолжил свой путь.

До РОВД оставалось совсем немного, буквально двести метров. Дорога пролегла через парк. Ребров шел не спеша, прогулочным шагом, раздумывая над необычной составленной фразой. «Докажи Богу, что ты Человек... Докажи Богу, что ты Человек», — прокручивалось в его голове. Неожиданно где-то совсем рядом звонкий детский голосок громко произнес: «...и Бог поверит в тебя». Майор вздрогнул и от удивления даже обернулся.

Правильно, бабуль? — счастливо улыбаясь, лепетал пятилетний мальш, теребя за руку свою пожилую бабушку, сидящую на лавочке.

Правильно, правильно, мой хороший, — ответила умиленная старушка и поцеловала внука в лоб.

Эта сцена и главное эти слова просто потрясли Реброва до глубины души. В голове моментально сложилось готовое предложение: «Докажи Богу, что ты Человек, и Бог поверит в тебя». Нечто Сущее общалось с ним, как вполне реальное живое существо. Оно давало в знаках ответ на волнующий его вопрос. Неожиданно Реброва осенило. Это же было всегда! Это Сущее не появилось из ниоткуда и никуда не исчезало, оно постоянно присутствовало рядом с ним в течение всей его жизни. Только он, словно слепец, не замечал такой поддержки, этих знаков, которыми щедро осыпала его Судьба. Как же все просто, мудро и ясно... «Докажи Богу, что ты Человек, и Бог поверит в тебя...»

Ребров зашел в райотдел и удивился сам себе, своим новым открытиями и наблюдениями. Люди, говоря о его вчерашних действиях, словно примеряли это «покрывало» на себя. Одни смотрели на все сквозь пелену зависти. Другие гордились за себя, что работают с человеком, который всегда придет на помощь. Третьи радовались за показатели и за ту награду, которая их ожидает за такого подчиненного. Четвертые тайно посмеивались, считая его «простофилей» и «дурачком», добровольно «подставившим свою задницу под пули ради семьи какого-то торгаша». И лишь единицы, его настоящие друзья, искренне были просто рады, что все обошлось и их друг остался жив и невредим. Ребров точно чувствовал людей изнутри. Каким-то непонятным образом он ощущал, что на самом деле они думают. Оказывается, из ста процентов всех высказанных поздравительных слов лишь десять соответствовали искренним чистым помыслам. Остальные девяносто процентов — точно от лукавого. Эх, люди, люди... Однако Реброва это обстоятельство, вместо того чтобы разозлить, изрядно рассмешило. Ведь каждый из сотрудников наивно полагал, что он один такой тайнодум своего «великого величества Мнения». Но в этом-то Ребров и узрел глобальный обман, поскольку вокруг находились такие же штампованные клоны легиона Эго, и мало кто из них был действительно по-настоящему индивидуален в блеске истины своего душевного мира.

Ребров взглянул на жизнь будто под другим углом зрения. Проходя мимо «обезьянника», он подумал: а чем отличались по внутренней сути сотрудники от задержанных? Ничем, такие же люди. Раньше задержанные являлись для Реброва потенциальными преступниками, грязью людского общества. Сейчас он впервые смотрел на них человеческими глазами. Это были те же люди, со своей душой, внутренним миром, своими хорошими и плохими мыслями, недостатками, слабостями. И внешнее отличие было всего лишь в том, что однажды они поддались на провокацию своего Негатива, не замедлившего поглотить их порожденными обстоятельствами. Но от этого ведь никто по большому счету не застрахован, в том числе и сотрудники, поскольку данная проблема является поприщем внутреннего глобального сражения между силами добра и зла в каждом человеке.

Удивительно, но люди с крайне злобным складом ума в этот день как-то сторонились Реброва, как будто боялись выделиться чем-то светлым и добрым и пошатнуть свою избранную некогда позицию. Но таких внутренних злыдней выявилось в стенах РОВД немного, впрочем как и искренне добрых. В основном люди показались Реброву стоящими на пограничной полосе между добром и злом. Куда их прельстит мысль, туда и клонило, словно пьяных штормило то в одну крайность, то в другую. Но они упорно карабкались на нейтральную полосу, будто боялись потерять из виду этот важный для них жизненный ориентир. Но люди не видели одного — объемной картины, всего того, что сразу бросилось в глаза Реброву. Ползали-то они по кругу.

Майор засел в дежурке писать рапорт, но его постоянно отвлекали поздравлениями, так что отписывался он практически до вечера. То один заглянет поговорить по душам, то другой... Люди словно не могли с ним наговориться. Они рассказывали разные жизненные случаи, анекдоты, всякие пустяки, лишь бы растянуть время и задержаться возле Реброва подольше. К вечеру, когда ушло начальство, в дежурке вообще собралась большая гогочущая компания. И если раньше сотрудники бежали после работы поскорее домой, то сегодня никто и не думал расходиться. Все смеялись, шутили, подбадривали майора, «благословляя» на новые подвиги. Люди заражали друг друга веселым смехом, отдыхая душой. Но, пожалуй, самым невероятным было то, что никто в этот вечер не только не пил, но даже и не вспомнил о водке. Как говорится, когда поет душа, тело всецело наслаждается.

Домой Ребров пришел далеко за полночь. Даже ложась спать, он никак не мог отойти от своих впечатлений насыщенного дня. Мир менялся вокруг него с поразительной быстротой. И он менялся вместе с ним, хотя и не успевал все осмыслить до конца и объяснить привычной

логикой. Теперь он просто доверял своей интуиции. Ребров был уверен — она знала о мире практически всё. Сегодня, когда он писал рапорт, интуиция подсказала ему, что это будут последние его отчетные бумаги в РОВД, хотя логика утверждала скорее обратное. «Ну что ж, — подумал он про себя, — поживем — увидим».

* * *

На следующий день Ребров должен был идти к своему другу-врачу на очередной осмотр. Он чувствовал себя вполне здоровым. Но остатки старого сознания требовали доказательств, каких-то подтверждений того, что его тело действительно в полном порядке.

Увидев посвежевшего, резко изменившегося майора, друг несказанно удивился. Он осмотрел его, пропальпировал печень, измерил давление... И в растерянности пожал плечами. Не веря собственным глазам, врач направил Реброва на повторные анализы. Попросил сделать УЗИ и часика два погулять.

Все эти два часа майор волновался, как студент на экзамене. Вернее, волновалось внешнее, какое-то поверхностное «я», с которым было связано его старое привычное мышление. Но новое большое «Я», набиравшее внутри него невероятную силу, от которой и исходила эта самая интуиция, оставалось спокойным. Поэтому и Ребров, размышляя, то ходил взад и вперед, со страхом ломая голову над неопределенным будущим, то проникался таким спокойствием, перед которым любые страхи таяли, как снег под теплыми лучами яркого солнца.

Еле дождавшись назначенного срока, майор поспешил в поликлинику. Подойдя к двери врача, он в нерешительности остановился. Перед глазами всплыла серая дверь того частного дома, за которой недавно ночью его ждала пугающая неизвестность. Но это видение длилось буквально секунду. Ребров на удивление легко справился со своим временным испугом. Что-то хорошее вновь охватило майора изнутри. И именно оно давало возможность увидеть мир в светлых тонах, настраивая сознание на исключительно положительную волну. Ребров уверенно открыл дверь и шагнул навстречу своей судьбе.

Его друг выглядел несколько озадаченным.

— Заходи... Только что принесли твои результаты. Присаживайся...

Некоторое время врач рассматривал бумаги, сверяясь с прошлыми записями. Ребров сидел молча. Следуя наработанной годами привычке опера, он исподтишка наблюдал за мимикой доктора. Тот тер лоб, поправлял очки, удивленно взмахивал бровями, с интересом что-то сравнивал. Пациент понял еще до разговора, что самое страшное для него уже позади.

Слушай, ничего не пойму... Вроде все нормально, все в норме... Здоров ты, паря, как бык. Ну-ка, колись, чем там лечился?

Да ничем, — пожал плечами Ребров и добавил: — Так, к знахарке одной съездил...

К знахарке, говоришь?! Наверное, молоденькая да смазливая? — хмыкнул доктор. — А меня не познакомишь?

Пожалуйста! Вот только адрес дома оставил...

Если дома, не беда, я терпеливый, умею ждать... Ну, что я могу еще сказать о тебе... — кивнул он на результаты медицинского обследования. — Как говорят в народе, если человек по-настоящему хочет жить, медицина здесь бессильна.

Они рассмеялись. Решив все вопросы, майор поспешил распрощаться.

Так адресок не забудь! — напомнил ему врач напоследок.

Постараюсь, — ответил Ребров, прекрасно понимая, что эту просьбу ему вряд ли удастся

когда-нибудь исполнить.

* * *

На третьи сутки Ребров несколько адаптировался в новом для себя состоянии необычного видения мира. Все вроде оставалось прежним, но воспринимал он все иначе. Точно сознание преодолело какую-то грань и за ней полноводной рекой бурлила жизненная сила, с помощью которой Добро и Любовь переполняли душу и изливались на мир своей изумительной внутренней Свободой. Ребров больше чувствовал это состояние, чем понимал. В нем пробудилась какая-то неутолимая жажда познания. Как будто он голодал веками, а сейчас перед ним распахнулись двери в мир, полный сочных плодов. Ему хотелось все попробовать, оценить разнообразный вкус, цвет, их красоту, напиться из живительного источника. В общем, насытиться вдоволь тем, чего он был так долго лишен.

Ребров искренне жалел людей, не видевших всего этого великолепия, существовавшего прямо у них под носом. Они, точно мумии, ходили, обмотанные в пелене каких-то нескончаемых забот. И, несмотря на то, что страдали от этого, в действительности не желали избавиться от своих повязок, отчуждающих их от настоящего мира, потому что боялись потерять свои надуманные устои, раствориться в неизведанной среде. Но Ребров отлично понимал, что все эти страхи на самом деле — иллюзия, обман, порожденный для своих рабов ненасытным Эго. В основном люди были лишены красоты из-за животной прихоти, ибо не ведали о самой главной своей силе — истинной Свободы Души.

В этот день майора вызвали в РОВД, хотя у него был выходной. Требовалось уладить кое-какие формальности по поводу того незабываемого дежурства. Сегодня он ощущал себя как-то по-особенному. Помимо удивительного состояния сознания, в котором Ребров пребывал уже несколько дней, он явно ощущал еще и чье-то стимулирующее присутствие рядом с собой. Это потрясающее ощущение силы добра, какой-то могучей, до боли родной души, вновь и вновь возвращало его мысленный взор к прекрасному лику, запомнившемуся в ту судьбоносную ночь. Сегодня эти подсознательные чувства почему-то особенно усилились. Это придало Реброву необъяснимую уверенность в своем будущем.

На подходе к РОВД, возле трассы, он столкнулся нос к носу с бомжом, тем самым Васькой, который постоянно дежурил в их «обезьяннике». Того, очевидно, выпустили, отметив перед начальством все свои «галочки». Увидев майора, бомж засиял в своей щербатой улыбке, словно встретил своего друга.

— Здравствуй, Ребров!

Майор улыбнулся. Впервые в жизни этот бомж произнес его фамилию полностью, с буквой «р».

Здорово, Иннокентий Петрович! Ну что, выпустили?

Да зачем я им теперь нужен! — махнул тот рукой. — Там появилась публика гораздо интересней.

Понятно.

Сигаретки у вас не найдется? — вежливо осведомился бомж.

Ребров поискал по карманам. Вытащил пачку и протянул своему случайному собеседнику.

— На, держи.

Тот с подчеркнутой аккуратностью взял одну сигарету.

Да можешь забрать всю! Я бросил курить.

Благодарствую... Это хорошо, что бросили, — пробормотал бомж, хищно пряча пачку в замусоленный карман. — А огоньку не найдется?

Ребров достал зажигалку и с улыбкой сказал:

Дарю.

Благодарствую, — довольным голосом произнес Иннокентий Петрович и, наигранно вздохнув, добавил: — Эх, мне бы вашу железную волю...

Да кто ж тебе мешает ее иметь? — усмехнулся Ребров.

Обстоятельства-с.

Майор с улыбкой покачал головой.

— Да, да, да, — затараторил бомж. — Не извольте-с сомневаться. Именно обстоятельства: отсутствие жилья, необходимых средств...

Ерунда! Знаешь такое выражение: «Тот, кто хочет, достигает большего, чем тот, кто может».

Так-то оно так... Да только поздно мне чего-то добиваться. Моя персона, знаете ли, не востребована-с на этом празднике жизни.

Ну, почему же... Все могут найти место под солнцем. Было бы желание.

Эх, да кабы солнце лишь растило... Оно ведь еще и разлагает.

Да, Иннокентий Петрович, философствовать ты мастак, — усмехнулся Ребров, собираясь распрощаться с этим «индивидуумом».

Однако бомжа точно заклинило в неудержимой болтовне.

Да я что... Была бы у меня подходящая работа... Да я бы горы свернул... Да хоть какая-нибудь крыша над головой...

Так устройся дворником или сторожем: и крыша, и заработок, — предложил Ребров, поглядывая в сторону РОВД.

Ученая степень-с не позволяет спускаться до таких низов.

Майор с удивлением уставился на бомжа и, еле сдерживая накативший комок смеха, спросил:

Какая такая степень?

Ученая-с... Вы не ослышались... Я ведь бомжем не всю жизнь был, вот последние десять лет... А раньше на Севере работал. Геохимик я... Занимался изучением распределения процессов миграции химических элементов в земной коре...

Смех у Реброва мгновенно пропал, уступая место неподдельному интересу.

А что же ты раньше об этом молчал?

А-а, — махнул тот рукой. — Какой смысл-то об этом рассказывать? Людей смешить? Целый кандидат и бомжует.

Реброву стало как-то не по себе. Столько лет общался с этим человеком и, по сути, совершенно его не знал.

— Да, да, — продолжал бомж, польщенный таким вниманием со стороны майора. — Было дело... Когда-то штудировал труды Вернадского, Ферсмана, Гольдшмидта... Кандидатскую даже защитил. А тут на тебе, развал Союза! Наше объединение и закрыли. Сразу никто никому не нужен стал. Эх, думаю, куда же теперь? Вот и поехал домой. Родители у меня в селе живут, тут недалеко. Ну, помаялся, поскитался, да и в город подался. У своей знакомой стал жить, вроде как в гражданском браке. Только с работой беда. Сунулся в одно место — не берут. В другое — то же самое. В третьем сказали месяца через три подойти, может быть освободится должность младшего научного сотрудника. Представляют, мне, кандидату наук, предлагают, как подачку, должность младшего научного сотрудника и то с приставкой «может быть»! — ткнул он себя в грудь. — Такая меня тогда злость взяла!.. Ну, я и послал их всех к такой-то матери. Получается,

мои знания на хрен никому не нужны стали! Обиделся я на весь свет. Все эта власть виновата, развалила такую страну...

Подожди, подожди... У тебя же было жилье, документы...

Было да сплыло, — недовольно буркнул бомж, досадуя, что его прервали на самом любимом месте. — С горя-то я к водочке малость пристрастился. И сожительница моя меня и выставила вместе с чемоданом за порог. Ну и пошло-поехало... Вещи свои пропил, документы украли... Стал по вокзалам да чердакам ночевать. Сначала страшновато было, потом ничего, привык.

А родители живы?

Не знаю. Я, как в город тогда подался, больше у них и не был.

Почему?

Да неловко как-то... Уехал кандидатом, вернулся бомжем... Нет уж, пусть лучше все село думает, что я остался кандидатом... Родители так гордились этим... Вот такая у меня горькая судьбинушка... Да была бы нормальная власть, не случилось бы такого...

И дальше бомжа понесло — он перешел на оскорбительные выражения в повышенной тональности относительно «виновников» его жизни. Ребров тем временем погрузился в собственные думы. Этот стареющий человек оказался практически на дне, но до сих пор жил иллюзорными амбициями прошлого. Для него важнее была не ежедневная работа над собой, над своей ленью и эгоцентризмом, а сохранение надуманного мифа о себе у тех людей, которым, по сути, это было не важно. Майор прекрасно понимал, что ни власть, ни время перемен не виноваты в судьбе собеседника. Виновен он сам. Он позволил гневу и гордости захватить сознание и обвинить его своими корнями. Он распустил свою лень и сделал из себя законченного алкоголика. Этот человек с треском проиграл свой жизненно важный внутренний бой. Поэтому и винит всех и вся вокруг себя, но только не главного носителя своих несчастий — собственное Эго, рабом которого он стал на всю свою оставшуюся жизнь. Рабами не рождаются, рабами становятся.

Жизнь продемонстрировала Реброву этот яркий пример, точно хотела подчеркнуть значимость внутренней победы над чудовищным владыкой — эгоцентризмом, который тяготеет над большей частью человечества. Она показала, что этого дракона нужно цепко приковать в своем сознании и удерживать его силой воли, веры и всеобъемлющей любви. Только тогда исчезнет черная туча негатива и в сознании наступит долгожданная ясность и четкость видения. Вот тогда мир и раскроет перед чистым взором все свои истинные ценности.

Майор стоял в задумчивости возле тараторившего о своем наболевшем бомжа, когда рядом взвизгнули тормоза новенькой иномарки. Водитель некоторое время присматривался к странной парочке, а потом, хлопнув по рулю, стал выходить из машины.

— Ё-моё, Ребров! Сколько лет, сколько зим?

Майор оглянулся, и глаза его живо заблестели:

— Вот это новости! Серёга!

Бомж обернулся и деловито засобирился.

Ладно, пойду я...

Бывай, — кивнул Ребров, не отрывая взгляда от своего однополчанина, благодаря которому он когда-то ступил на путь юриспруденции. — Глазам своим не верю...

Они крепко пожали друг другу руки и по-братски обнялись.

Сто лет тебя не видел... Молодец, хорошо выглядишь! — улыбаясь, сказал Серёга.

А ты, я смотрю, «момончик» себе наел, — пошутил Ребров, используя их старый студенческий жаргон.

Так не без этого! По должности вроде как положено, — похлопал тот по своему животу,

облаченному в дорогой костюм.

А ты куда пропал? Как смылся из милиции, так ни слуху ни духу. Хоть бы открытку прислал, мол, жив-здоров.

Ты же знаешь, какой из меня писатель! Помнишь, как сочинение сдавал?!

Они засмеялись, вспоминая подробности.

Да разве такое забудешь, — заметил Ребров.

Честное слово, до сих пор писать не умею.

А как же ты работаешь?

Так я ведь не пишу, я только расписываюсь.

А, тогда понятно...

Они снова рассмеялись.

И где ты «обитаешь»?

Я сейчас концерном владею.

Да ну?!

Уже седьмой год. Спасибо, что хоть юридическое образование в молодости «поимел». Сейчас в бизнесе глаз да глаз нужен, в документах особенно. Все норвят полруки оттяпать. Конкуренция, сам понимаешь... Слушай, хорошо, что я тебя встретил! А я тут голову ломаю... Мне начальник службы безопасности позарез нужен. Пойдешь ко мне работать? Ты мужик честный, порядочный. О твоих оперподвигах я наслышан. Земля, как никак, слухами полнится... Машину тебе дам, с жильем, если надо, подсоблю. Оклад две тысячи баксов...

В год?

Ну, Ребров, ты в своем РОВД совсем отстал от жизни! — хмыкнул приятель. — В месяц, конечно. Плюс квартальная премия. Ну, как, согласен?

Ребров стоял, опешив от такого неожиданного предложения. Кто-то одобрительно похлопал его по правому плечу. Майор повернулся, но сзади никого не было. Он взглянул на серое здание РОВД, и точно камень с души свалился. Ребров почувствовал, что все, что должен был сделать на этом перекрестке судеб, он уже сделал. Ничего его больше здесь не держало. Майор ощутил эту внутреннюю свободу. Посмотрев на небо, он увидел, как из-за туч выглянуло ослепительное солнце. Ребров зажмурился и ему на миг привиделся улыбающийся знакомый светлый лик. Повернувшись, он с улыбкой ответил:

— А почему бы и нет?

*В простоте проявляется Он.
Простоту усложняя,
Мы теряем Его.
А всё так просто!*

Ригден Джанпо

Солнце медленно поднималось над горизонтом, озаряя теплым, ласковым светом все живое вокруг. Заискрилась движением вод небольшая речушка, кокетливо подмигивая окружающей природе. Плавные изгибы реки очаровывали изящной красотой бескрайнее зеленое поле, которое ревностно удерживало ее в изумрудных объятиях. Тысяча бриллиантовых капелек росы на травинках поля каждое утро дарили речке минуты восхищения неповторимой игрой ярких бликов. И чем выше поднималось солнце, тем реже томно вздыхала речка, тем больше она оголяла свою подлинную красоту из-под легкой вуали молочного тумана.

На берегу этого чуда природы сидел пожилой рыбак. Сегодня клева почему-то не было. От этого и настроение соответствующее. Туман, поднимающийся от речки, точно специально скрывал в мутной пелене окружающий ландшафт, отдаляя человека от внешнего мира и погружая во внутренний. Завораживающее однотонное покачивание поплавок невольно наводило на грустные думы о себе, о своей прожитой жизни, необычной судьбе.

Чего только не пережил Григорий Дмитриевич Тимонников за свои годы! Было все: трудное детство, бурная молодость, большая любовь, страшная война, голод, разруха, семья, дети, тяжелая работа, почет и уважение, пенсия, внуки, смерть жены... Судьба точно испытывала его во всех своих ипостасях: то неожиданно осыпала долгожданным счастьем, то жестоко его отнимала, потом снова вознаграждала и снова отбирала. Невозможно было привыкнуть к ее внезапным поворотам, резким взлетам и падениям. Но Григорий упорно преодолевал эти трудности, шаг за шагом. Они закаляли его характер, воспитывали волю, порождали целеустремленность. И казалось бы жизнь прожита, каких еще подвохов можно ожидать в старости? Однако...

Он никогда не задумывался всерьез о том, что такое старость. В юности казалось, что пьянящее счастье молодости и наслаждение ею будет длиться вечно. Во время войны о старости вообще и мысли не было, поскольку никто не знал, что с ним произойдет через минуту. В зрелом возрасте эта тема тоже прошла как-то вскользь, хватало ежедневных хлопот на работе и в семье. Он видел вокруг себя стариков, помогал им... Но реально не представлял, что сам когда-то доживет до столь почтенного возраста.

Жизнь, как ни странно, пролетела, словно одно мгновение. И вот она, старость... Тело сморщилось, кожа обвисла, поредели волосы, движения стали ограниченными. Да и всякие болезни начали привязываться. Григорий и раньше-то на себя в зеркало редко смотрел, а теперь и подавно страшновато глядеть. Его лицо в старости стало совершенно другим. Только выражение глаз, пожалуй, осталось прежним, лишь поблек их цвет да исчез озорной огонек. Но самое парадоксальное — в душе он остался молодым. Сохранились в первозданном виде все те же душевные порывы радости, восторга, да вот тело уже не способно с прежней полнотой выразить эти чувства.

Вот в чем вся обида и соль старости — этот невероятный разрыв между внутренним

состоянием и внешним. Наверное, поэтому ему всегда было трудно представить себя стариком. Он не мог прочувствовать состояния именно внутренней старости.

Странные ощущения... Не успел как следует пожить, глядь, а ты уж на пороге в вечность... В чем же смысл этого бытия? Зачем судьба давала тебе столько трудностей, лишений? Ради чего все эти испытания на прочность, напряженная работа? Ведь по сути, если разобраться, все, над чем ты ежедневно трудился, на что тратил нервы и силы, чему отдавал себя целиком, оказалось результатом одномоментным. Значит годы растрочены на мгновения, которые когда-то считал важными, но если посмотреть на них с высоты прожитых лет — они выглядят абсолютно ничемными и бессмысленными. И для чего такие сложности определяют человеку судьба? Копошится он всю жизнь, как червяк... Толку-то от этого? Нет, конечно, можно найти себе много оправданий, что, мол, жизнь все-таки прожита не зря. Но если сам по себе возникает вопрос «ради чего же ты жил?!», ясно,

что подсознательно человека что-то тревожит, что-то волнует, словно он чего-то не успел сделать, завершить... Но что именно?

В который раз Григорий перебирал свои воспоминания. Он вырастил хороших детей, которые, в свою очередь, родили славных внуков. Как говорится, и дом был построен, и сад посажен. И все же оставалось какое-то необъяснимое волнение... Оно будоражило не в плане бытия, а на каком-то уровне внутреннего осознания. Иногда Григорий чувствовал, что близок к разгадке, а иногда ему казалось, что эта тайна откроется только перед смертью. Он боялся не самой смерти как таковой. На фронте война научила преодолевать страх перед гибелью. Но он боялся последующей неизвестности, боялся, что в тот момент осмысление прожитой жизни окажется слишком поздним, чтобы что-то исправить или изменить.

В последние годы Григорий довольно часто размышлял об этом. Времени у него было предостаточно. Некуда спешить, лететь сломя голову. Он уже давно не был связан обязательствами перед обществом, коллективом и семьей. Тело было дряхлым и не требовало былых забот. Так что все, что ему осталось, — это подводить итоги прожитых лет. И Григорий вновь погружался в свои думы — один-одинешенек.

Старческое одиночество — это, пожалуй, единственное испытание, к которому трудно привыкнуть. Оно убивало своей окружающей тишиной, безысходностью, какой-то тотальной подавленностью. Заставляло чувствовать горечь утрат, бессмысленность существования. Оно угнетало и порождало страх, что тебя все забудут, ощущение, что ты — ничемная, ветхая вещь, брошенная на пыльный чердак. Григорий не предполагал, что старость будет вызывать такое неприятное чувство, будто тебя за ненадобностью списали с корабля на необитаемый остров. Вокруг бурлит целый океан жизни, но ты уже — лишь сторонний наблюдатель этой волнующей стихии. Память о проведенных в ней днях не дает покоя. Душа рвется назад, да вот «тело-лодка» слишком изношенная да дырявая. И нет сил ее починить, нет возможности построить новую...

Человек боится одиночества всю свою сознательную жизнь и в итоге получает его как неизбежное обстоятельство. Кому нужна старая материя? Да никому, в том числе и самому себе. Ведь тебе так же, как и раньше, хочется жить и наслаждаться всеми прелестями мира. Но старость лишает многих удовольствий. Ее звенящая окружающая тишина заставляет человека задуматься о смысле своего существования. Она многократно усиливает то внутреннее состояние и мысли, которые преобладали в течение всей жизни.

Григорий не было в чем упрекнуть себя. Он всегда следовал законам своей Совести. Это был главный критерий всех его поступков, жизненных решений. Он жил для людей и ради людей. И люди отвечали ему своей любовью и уважением. У Григория было много приятелей. Но вот близких друзей, с кем можно поделиться всем, что наболело в душе, к сожалению, уже не было в живых. Жена умерла. Дети жили далеко со своими семьями. Он не хотел обременять их

своей старостью и тем более своими переживаниями. Вот и получалось, что под конец жизни не с кем даже думами поделиться. А ведь именно сейчас, как никогда, хотелось услышать теплые, ласкающие душу слова, почувствовать рядом родственную душу, развеять свой страх перед той неизвестностью, которая ожидала его за неизбежной чертой бытия.

Старик сидел на берегу, слегка сгорбившись от навалившихся на него мыслей. Рыба по-прежнему не клевала. Он машинально вытащил удочку из воды, проверил наживку, поправил поплавки и вновь закинул ее в реку.

— Э-хе-хе, — вздохнул старик, помяв свою затекшую шею.

Шрам на лице, тянувшийся от правого уха до нижней челюсти, слегка заныл. Старик несколько удивился и в то же время насторожился. Это всегда происходило в самые важные минуты его жизни. Такой чудной внутренней «звоночек» да еще красновато-розовое пятно в районе верхнего шейного позвонка появились у него во время войны, после одного самого загадочного случая в его судьбе.

Это случилось осенью 1942 года. После очередной атаки немцев красноармейцы отдыхали, устроившись кто где. Григорий вместе со своим другом Колей Веперским лежали в блиндаже. На улице моросил дождь. Гитлеровцы время от времени обстреливали позиции русских. То тут то там раздавались взрывы, слышались редкие автоматные очереди. Молоденькое пополнение вздрагивало, озираясь по сторонам. Бывалые же бойцы относились к этому более спокойно, пытаясь хоть чуть-чуть подремать, экономя силы.

В блиндаж вошел солдат, парень лет тридцати, и громко произнес своим необычно мелодичным голосом:

— Тимонников, Веперский, срочно к командиру!

Григорий мельком взглянул на солдата. Очевидно новобранец, поскольку одет в новенькую форму. Их взгляды неожиданно пересеклись. Григория даже как-то пробрало — такой необычно сильный и в то же время родной и добрый был взгляд у этого парня. Его ясные глаза светились какой-то необыкновенной внутренней силой и чистотой. Ничего подобного за всю свою прожитую жизнь Григорий не встречал — ни раньше ни позже.

Невдалеке прогремел очередной взрыв. Григорий с другом быстро накинули плащ-палатки, взяли оружие, вышли из блиндажа и стали продвигаться по окопу. Сапоги утопали в жиже грязи. Хлестал усилившийся дождь. Дул пронизывающий ветер.

Первым шел Веперский, за ним Григорий, а замыкающим был тот незнакомый солдат. И только они стали заходить за первый поворот окопа, который находился буквально в десяти метрах от блиндажа, как послышался нарастающий свист летевшего в их сторону снаряда. Григорий, как бывалый фронтовик, моментально сориентировался. Судя по всему, снаряд должен разорваться где-то совсем рядом. Времени почти не было. Резко развернувшись, он хотел повалить того парня на землю. Григорий крикнул «Ложись!», но его рука прорезала пустоту. В этот момент произошел взрыв.

Снаряд попал в блиндаж. Григорий увидел, точно при замедленной съемке, как разлетаются бревна, куски грязи, какие-то предметы... И тут из-под его ног внезапно вылетел неизвестно откуда взявшийся белоснежный голубь. Да так близко, что ослепительно голубовато-белое крыло даже задело лицо Григория. Он почувствовал, как закружилась голова, и стал падать, словно опускаясь в мягкую перину. Все было как в тумане. Он видел наклонившихся над ним сослуживцев и санитаров. Его тормозили. Кто-то где-то вдалеке кричал: «Контузия». Потом его куда-то понесли. А он все думал о том парне, который позвал их к командиру. Жив ли он? Успел ли спастись? Лучистые голубые глаза стояли перед его взором так же живо, как он видел их тогда, в блиндаже, на короткий, но столь памятный миг...

Но самое странное началось после того, как он пришел в себя.

В рубашке ты родился, парень, — говорил пожилой санитар, перевязывая Григория. — Задержись на секунду — и все. Я и так удивляюсь, как тебе взрывной волной голову не снесло.

Он... жив? — спросил Григорий слабым голосом.

Кто? Веперский? Да куда он денется... Он же на дне окопа залег, в отличие от тебя. Только запястье сломал, когда падал.

Тот... парень, который позвал... нас к командиру?

Да вроде не было никого с вами... Да и кто вас мог позвать к командиру? Командир три часа назад в штаб уехал. Бредишь ты, наверное, парень... Попробуй уснуть, тебе сейчас силы нужны. А после разберемся...

Ужасная новость пришла на следующий день: в ночном сражении погиб практически весь их батальон. Такой поворот судьбы взбудоражил Григория своей невероятностью. Он вновь и вновь возвращался к загадке своего спасения, анализируя каждую деталь. Григорий вспомнил, что когда в блиндаж вошел тот парень, одежда его была не просто новая, а совершенно сухая, хотя на улице шел дождь. В такую погоду обязательно намокнешь, пока дойдешь от командпункта до их блиндажа... И этот голубь... Откуда взялся посреди поля боя белоснежному прекрасному созданию? Ведь это не было миражом. Григорий ясно его видел, как и все остальное, реально чувствовал, как птица взлетала, задев его своим крылом. Хотя доктора и уверяли, что это был всего лишь осколок снаряда, поцарапавший его лицо. Ничего страшного, даже кость не задета. Просто рассекло кожу от правого уха до нижней челюсти. Так и остался этот аккуратный шрам у него на всю оставшуюся жизнь. Он да появившееся тогда розово-красное пятно в районе верхнего шейного позвонка — две памятки того незабываемого дня. Доктора почти убедили его в том, что все эти «пометки» имеют вполне естественную природу происхождения. Там поцарапало, там ушибся. Да к тому же Веперский почему-то все начисто отрицал, утверждая, что не было никакого парня, что они вдвоем вышли якобы совершенно случайно, сходить в соседний блиндаж за махоркой. И выписываясь из госпиталя, Григорий уже почти в это поверил.

Да только жизнь на крутых поворотах стала постоянно опровергать такие убеждения. Каждый раз, когда Григорию грозила опасность или наступали моменты ответственного выбора, шрам начинал потихоньку ныть. По степени боли Григорий чувствовал, как лучше поступить. Благодаря такому своеобразному «диалогу», ему удалось избежать многих опасностей и выдержать в жизни верную линию своей совести.

И сейчас, рассматривая тот военный эпизод с позиции прожитых лет, он понимал, что тот случай не только спас ему жизнь, но и определил нечто важное в нём, что повлияло на дальнейшую судьбу. Он часто вспоминал того парня, мысленно общался с ним, когда на душе было совсем тяжко. Удивительно, но от этого становилось гораздо легче, пропадали страх и отчаяние. И незабываемый устремленный на Григория лучистый взгляд возвращал спокойствие, придавал уверенность и давал прилив сил.

Но еще более странные метаморфозы произошли с его другом — Николаем. Они знали друг друга с детства, жили в одном районе и были друзьями. Вместе их призвали на фронт. Они делили пополам последний паек и вместе переносили все тяготы военной жизни. Николай был неплохим товарищем и другом. Еще до того судьбоносного дня он познакомился с одной девушкой из хозчасти. Ее звали Кларой. Коля стал с ней встречаться и с этого момента его словно подменили. Сначала изменения были незначительны, но с каждым днем они набирали свою негативную силу, опутывая его сознание какими-то навязчивыми идеями. Причем эти идеи имели явно чужеродную природу, никак не его собственную. Клара вертела душой Николая как хотела, превратив нормального парня в нытика, скупердя и зануду. Он стал сторониться друзей, оставаясь себе на уме. Его бывшее мужество сменилось страхом даже перед самой

незначительной опасностью. Николай старался лишней раз не высовываться из окопа. Во время атаки заметно отставал, теряясь на заднем плане и ссылаясь потом на плохое самочувствие.

Случись такое в мирной жизни, на это мало бы кто обратил внимание. Но на фронте, где резко обостряются и проявляются все человеческие качества, подобные слабости просматриваются, как на ладони. Некоторые расценивали это как трусость, предательство. Некоторые считали, что человек попросту сломался. На фронте встречалось немало таких, психика которых просто не выдерживала ежедневных сильнейших стрессов. И только Григорий, зная друга много лет, понимал истинную причину столь губительных перемен. По идее, любовь должна утраивать мужество и силы. Но в случае с Николаем все происходило в точности наоборот. Григорий видел, как гибнет друг. Он всячески пытался отговорить его от встреч с этой женщиной. Тот вроде бы соглашался, поскольку ему самому был противен новый образ, который усердно лепила из него «возлюбленная». Но едва появлялась возможность, он, словно одержимый, вновь летел к ней на свидание.

После того памятного эпизода, спасшего им обоим жизни, Николай изменился окончательно. Вместе с Григорием он попал в госпиталь с переломом запястья правой руки. Необычное спасение начисто отрицал, как и все, что рассказывал Григорий, и повторял как попугай свою версию случившегося. Нельзя сказать, что самого Григория это сильно раздражало. В нем не было гнева, лишь единственный вопрос: «Почему Николай отрицает то, что было совершенно очевидным?»

После этого их фронтовые дороги разошлись. Клару перевели работать в тыл по снабжению. Пока Николай лежал в госпитале, она умудрилась женить его на себе, оформить ему документы на инвалидность и перевести к себе на новую службу в тыл. Тот уже не сопротивлялся, как бывало раньше. Наоборот, всячески ее защищал перед другом. Так Григорий и расстался с ним ещё в годы войны.

После победы они встретились в родном районе. Николай значительно поправился на казенных харчах. Оба были уже в звании майора. У обоих — грудь в орденах. Но в отличие от Николая совесть у Григория оставалась спокойной. Каждый орден для него — не просто кусок металла. Это, прежде всего, память о незабываемых героических днях его жизни, вершинах его храбрости и мужества. Ему не стыдно было смотреть в глаза людям. И в первую очередь не стыдно перед самим собой за прожитые годы.

Григорий устроился трактористом в родном колхозе. Николай же, по настоянию своей жены, пошел работать в райком. Когда Григория выбрали председателем колхоза, Николай почти одновременно стал председателем райкома. И если раньше их пути-дорожки редко пересекались, то на этом этапе жизни они вновь сошлись в одну колею.

Несмотря на то, что Николай и Григорий были бывшими друзьями, однополчанами, Николай постоянно провоцировал конфликты, а в совместной работе что называется, вставлял палки в колеса. И какую бы Григорий ни проявлял инициативу для улучшения благосостояния и жизни людей, Николай давил его горой инструкций. Так происходило их невидимое противостояние. Несколько раз Григорий пытался вызвать Николая на откровенность, чтобы раз и навсегда решить все проблемы. Ведь от такой, ничем не оправданной злости, страдал не только он, но и что намного обиднее окружающие их люди. Однако Николай все время уходил от этого разговора, то ссылаясь на занятость, то грубо и высокомерно обрывая дружескую инициативу. У него с годами появились надменность и чувство недоступности своей партийной персоны.

Годы пролетали. У Григория сложилась относительно счастливая семейная жизнь. Родилось пятеро детей. Клара же после нескольких неудачных попыток с трудом родила одного. Мальчика холили и лелеяли, растили в комфорте и со всевозможными удобствами. Однако

вырос из него отъявленный тунядец и пьяница. И чем быстрее бежали годы, тем сильнее хлестала их жизнь по самым больным местам. Сначала погиб единственный сын, по сути, глупой смертью — пьяный попал под поезд. Клару разбил паралич. Долгие годы она была прикована к постели и очень тяжело умирала. Николай перенес два инфаркта. Он единственный из всей своей семьи остался жив. И никакие так тщательно накапливаемые им в течение жизни деньги, никакие высокие знакомства и связи не смогли предотвратить трагедию семьи.

На старости лет Николай остался совершенно один. На него страшно было смотреть. Весь осунулся, глаза впали, кости обтянулись кожей, как у высушенной мумии. Жил он за две улицы от Григория, в хорошем добротном доме, который построил, работая в райкоме. Колхоз у Григория со временем стал передовым. Дома были со всеми удобствами, дороги заасфальтированы. Так что колхоз вполне претендовал на районный центр. Да и природа тут была особенно живописная: поля, леса, речка... Здесь многие руководители соорудили себе на старость дачи, как и Николай, который немало препятствий создал в свое время Григорию, старавшемуся для колхоза.

Несмотря на обеспеченную старость Николая, дом его был пуст. С ним мало кто общался даже из соседей, поскольку он слыл жутким брюзгой, вечно всем недовольным. Так получилось, что единственным человеком, который регулярно его проводывал, стал Григорий. И хотя Николай доставил ему в прошлом много неприятностей, Григорий все равно по-стариковски помогал ему то свежим хлебушком, то добрым словом. Он был единственным собеседником, у которого хватало терпения выслушивать все жалобы друга и терпеть его возмущение и недовольство.

Но однажды, буквально перед смертью, Николай неожиданно для Григория стал самим собой, тем добрым парнем, которым был до начала войны. Он внезапно открыл свою душу, рассказывая Григорию о своей подлинной жизни. Но, пожалуй, самое потрясающее для Григория прозвучало в конце его исповеди.

Ты помнишь тот день, когда взорвался блиндаж? — охрипшим слабым голосом произнес Николай.

Да разве такое забудешь?

Я хочу, чтобы ты знал... Я тоже видел того белокурого парня. Он действительно заходил к нам в блиндаж и позвал нас к командиру... До сих пор не могу забыть его глаза... Они преследовали меня всю жизнь, как кошмарный сон... Прости меня... Я врал тебе, но на самом деле врал себе. Этот парень не выходил у меня из головы. Этот момент... Я его отчетливо помню и сейчас как наяву. Когда я услышал свист, понимаешь, я... я струсил... Точно раздвоился... Я ведь тоже оглянулся. В это время ты поворачивался к блиндажу, а сзади тебя никого не было. Я хотел прикрыть тебя, ведь ты подставлял себя под неминуемую смерть. Но потом вдруг испугался... Испугался за свою драгоценную жизнь и решил спасти свою шкуру!!! Ты понимаешь? Решил спасти свою шкуру!.. А потом мне стало так стыдно... Я, как последняя сволочь...

На глазах Николая выступили слезы горечи давно минувших дней.

Да брось ты, что ты себя так мучаешь, все ведь обошлось, — поспешил его утешить Григорий.

Подожди, не перебивай... Я хочу все успеть сказать. Понимаешь, это не просто проступок. Я как надломился... Точно стал предателем самому себе. Понимаешь, предателем!!! Потом мне было так плохо, так плохо! Мне бы, дураку, с тобой поговорить. А я струсил, побоялся, что ты меня осудишь. А душа-то ныла. Я и рассказал все Кларке. Ну, она и настояла на том, чтобы я молчал и все отрицал, сделав из тебя посмешище, мол мы вышли за махоркой. А я, идиот, и послушал... Хотя видел блеск в твоих глазах, видел в тебе какой-то прилив сил. И я понял, что с

тобой тоже что-то произошло, но хорошее. Понимаешь, хо-ро-шее!!! А я упал в свое дерьмо, которым воняло от меня потом всю жизнь и невозможно было от него отмыться! Не знаю почему, но каждый раз когда я встречал тебя, передо мной всплывал образ того парня, его глаза, полные укора... Это меня так угнетало, в душе рождалась такая боль!

А память все время прокручивала тот момент, момент моей гнусности и непростительной слабости. И я никак не мог переступить через себя, чтобы попросить у тебя прощения. Однажды почти созрел, но так и не решился подойти. И вместо того чтобы поговорить с тобою по-человечески, я с каждым днем все больше злился на себя, изливая эту злобу в первую очередь на тебе. Ты себе не представляешь, сколько гадостей я тебе сделал, о которых ты и не догадывался...

Не надо, Коляша, не надо... Я тебе все прощаю, мы же друзья. Я знаю, ты ведь хороший человек. Если бы не Клара...

Ведьма эта Клара! Всю жизнь мне испоганила! — рыдал Николай, не стесняясь своих слез. — Если бы я знал... Я ж не думал, что ты... такое скажешь. Я боялся, что ты никогда меня не простишь... Какой же я дурак! Всю жизнь прожил с этим злом! Оно меня уже изъело изнутри, истерзало всю мою душу... А все оказалось так просто! Мой дорогой дружище, ты один остался рядом со мною перед лицом смерти...

Ну, ну, будет тебе... Мы еще повоюем с ней, — утирая накатившиеся слезы, произнес Григорий. — Нас же двое, а она одна.

Да, как тогда, в том окопе. Мы снова с тобой вместе, мой друг...

Когда Григорий уходил, Николай попросил его:

— Ты принеси мне завтра кружечку парного молочка. Очень хочется выпить, как в далеком детстве...

На следующее утро Григорий встал пораньше и поспешил к соседке за молоком. Он еле дождался надоя и почти побежал с трехлитровым бутылем парного молока к знакомому дому. Впервые за много лет он нес его своему настоящему другу! Но когда вошел в комнату, Николай был уже мертв. Его лицо выражало жуткое смятение, в открытых глазах застыла печаль. Григорий присел на краешек кровати и тихо затрясся в беззвучном плаче...

Несмотря на все перипетии судьбы, ему было искренне жаль этого человека. Столько лет прожить со своим злом! Ведь выходит, что внутри себя он и не жил вовсе, а топтался на месте с того памятного дня, погрязая в трясине своего же страха. Григорий считал, что перед смертью человек должен осмыслить нечто глубинное, нечто запредельное. А Николай говорил о такой сентиментальности, как прощение. Григорий его давно простил. Впрочем, возможно это ему казалось сентиментальностью, а для Николая это было чем-то большим, каким-то непреодолимым жизненным барьером, который он сам себе по кирпичикам ежедневно выкладывал своей злостью. Григорий понимал, насколько трудно было другу пробить этот барьер, переступить через собственную стену эгоцентризма. Жаль, что он лишь собирался совершить этот поступок, этот шагочек Совести столько лет, почти всю жизнь. А мог бы все разрешить еще той осенью 1942 года. Глядишь, и жизнь бы сложилась совсем по-другому, больше бы в ней было внутренних побед, и на одре смерти открылись бы настоящие истины. Хотя... Григорий и сам сомневался, нужны ли они будут в тот час, ведь это всего только внутренние откровения. Но вспоминал незабываемое выражение лица мертвого друга, полное скорби и страдания, и сомнения как-то сами собой рассеивались, вытесняясь извечными вопросами. Ведь кто знает, что ожидает человека после смерти... Неужели лишь разложение тела в безотходном производстве природы? Зачем же тогда такие сложности жизни, это постоянное противостояние человеческих мыслей? И, в конце концов, эта старость с неизменным подведением опять-таки мысленных итогов? Куда же потом девается мысль, коль

она всю жизнь главенствовала и управляла телом? Сплошные вопросы и никаких толковых ответов...

* * *

— Эх-хе-хе, — снова вздохнул старик, выдернув очередной раз удочку из воды, словно пытался найти на крючке ответы на свои бесконечные вопросы.

Но, увидев вяло подергивающегося червя, вновь забросил удочку в реку с тайной надеждой, что теперь на нее хоть что-нибудь клюнет.

«Так, наверное, и в жизни, — продолжал рассуждать про себя старик. — Подцепил на крючок хорошую мысль — будет добрый улов, подцепишь плохую — и природа тем же ответит. Все в ней продумано, все взаимосвязано...»

Здорово, Дмитрич, — прозвучал сзади чей-то мелодичный мужской голос.

Здорово, коли не шутишь, — ответил Григорий, по-стариковски оборачиваясь назад.

К нему подошел, улыбаясь, светловолосый парень лет тридцати, крепкого телосложения. На нем был современный спортивный костюм. На голове бейсболка с длинным козырьком от солнца, прикрывавшим его глаза. В руках он держал новенькую удочку. Григорий как-то видел такую у городских, которые приезжали в их места порыбачить. Хорошая, ничего не скажешь. Да говорят, уж шибко дорого стоит.

Как клев?

Да какой там! — махнул рукой старик. — С самой зорьки сижу. Хоть бы одна клюнула!

Наверное, у них сегодня выходной, — пошутил парень. — А на что ты, батя, ловишь?

На червя.

Так они его уже объелись! На вот, попробуй на мотыля. Может клюнут на этот деликатес.

Спасибо.

Старик взял протянутую баночку с наживкой.

Не возражаешь, если рядом присяду?

Да чего возражать! Садись, все веселей вдвоем-то время коротать.

Пока парень готовил свою удочку, старик усердно пытался вспомнить, чей же это сын. Парень показался ему очень знакомым. Явно проживал в городе, а сюда, вероятно, приехал проведать родителей. Раз знал Григория и так просто общался, значит вырос здесь. «Дмитричем» называли бывшего председателя колхоза только местные. «Ну вот, — сетовал про себя старик, силясь вспомнить, как же зовут этого парня, — еще и старческий склероз к моему “букету” добавился...»

— Ничего, ничего, Дмитрич, — как-то по-доброму сказал парень, точно в такт его мыслям. — Прорвемся! Где наша не пропадала! — И немного погодя добавил: — Сейчас как рыбы учуют мотыля, так мы будем едва успевать удочки дергать.

Старик усмехнулся такому оптимизму.

Был у меня фронтовой друг, сибиряк. Тоже такой же живчик, веселый мужик. Вместе до Берлина протопали. Все к себе в Сибирь звал на рыбалку. Озеро Байкал, слышал о таком?

А как же! Самое глубокое в мире пресноводное озеро с редкой флорой и фауной.

Да-а-а... Места там замечательные. Мы с другом долго переписывались. Он фотографии слал, все в гости зазывал. Ко мне пару раз приезжал. А у меня никак не получалось вырваться, постоянно какие-то неотложные дела находились... Да, рыбу он привез, вот такую, килограмма на четыре. Байкальский омуль называется. Она больше нигде в мире не водится, кроме

тамошних мест. Во как! Вот это рыбалка, я понимаю! Я как увидел ту рыбу, так прямо заболел поездкой на Байкал. Так мне хотелось ее поймать! Думал, вот на пенсию выйду и осуществлю свою рыбацкую мечту. Да какой там! То денег не хватало, то детям помогал, а сейчас и совсем дряхлый стал. Какая там поездка! Так и остался мой омуль несбыточной мечтой...

Как знать, — пожал плечами парень. — Все мечты когда-нибудь сбываются.

Может у кого-то и так. А у меня... Да и от друга уже два года нет никакой весточки. Может заболел, а может и помер. Годы-то наши уже какие... Как говорится, седина напала — счастье пропало. Уплыли годы, как вешние воды.

Да... Если бы человечество знало о своем будущем, оно бы не так смеялось, расставаясь со своим прошлым.

Что, что? — переспросил Дмитрий, погрузившись в свои думы.

Это я так, — махнул рукой парень и сменил тему разговора. — Как там Ваня поживает?

Ваня был самым младшим сыном Григория. И когда парень произнес его имя, старик и вовсе перестал себя мучить вопросом, откуда он знает этого парня. Раз тот спрашивает про Ваньку, значит либо его друг, либо знакомый, а может быть учились вместе.

Слава Богу, хорошо устроился. Женился наконец-то. Невестка — славная девушка. Дочка у них родилась. Они вот недавно, по весне, приезжали всем семейством в гости. Ты их не видел?

Да нет... Меня в районе не было.

А-а-а... Теперь у меня душа и за него спокойна.

А чего за него волноваться? Парень он добрый, с золотыми руками. Такой не пропадет.

Да кто его знает? Жизнь — сложная штука...

Ну, это как на нее посмотреть. Живи по чести да по совести, глядишь и судьба будет тебе в подмогу.

Так-то оно так. Да только... Вот я, например, жил вроде бы и по чести, и по совести, ничего не могу сказать, не в чем себя упрекнуть по большому счету. Да много ли я сахара от судьбы наелся? То война, то голод, то разруха...

У каждого от жизни свои, сугубо личные впечатления. Ведь розу, к примеру, тоже люди воспринимают по-разному. Одни видят в ней прекрасное творенье, чувствуют изумительный аромат. А другие замечают лишь колючки и ощущают неприятные уколы ее шипов. Все зависит от человека, от его умения созерцать и воспринимать этот мир.

Тоже верно, — согласился старик и, немного помолчав, добавил: — Нет, если конечно хорошенько подумать, то я на жизнь не в обиде. Все-таки в войну я приобрел себе настоящих друзей, хоть и страшное было тогда время... Да и жену встретил, когда везде царил повальный голод. Есть, помню, было нечего, траву жевали, а в голове все мысли-«почесушки» о свидании да о любви. Смешно даже как-то сейчас это вспоминать... Кругом разруха да голод, а мы семью не побоялись создать. Мальцы один за другим пошли. Мы тогда временно в «мазанке» жили. Помню, как все там ютились. И ничего... Главное тесноты как-то не чувствовали. Наоборот, сплоченно жили, друг другу помогали... А сейчас молодежь вон в каких комфортабельных условиях живет, а ладу в семьях нет.

Все, батя, в голове. Построит человек внутри себя дворец из добра, глядишь, и люди к нему душой потянутся, и жизнь наладится. А если он внутри себя будет жить, как медведь в берлоге, и лень ему будет построить дворец, то всю жизнь в этой берлоге и проживет, как животное. И никакие внешние комфортные условия не смогут удовлетворить его ненасытных внутренних потребностей.

Насчет ненасытности это ты верно заметил. Вот, к примеру, жил здесь недалеко мой друг... Веперский?

Да, — кивнул старик, а про себя подумал, что раз и про Николая знает, значит точно

местный. — Все свою дачу перестраивал, никак не мог удовлетворить запросы своей жены.

Клары?! — усмехнулся парень. — Да в кои времена ее можно было чем-либо удовлетворить? У нее же в роду генетически заложена потребность: сколько ни дай, все мало будет. С молоком матери из поколения в поколение передается одна «святая любовь» — к серебру да злату. Что еще от нее можно было ожидать?

Вот, вот. Николай тоже это понял, но, к сожалению, слишком поздно. А всю жизнь промучился с ней, словно больной с неизлечимой болезнью. Я ведь помню их встречу. Все произошло так стихийно...

Да ну, Дмитрич, не оправдывайте его. Стихийно у человека могут произойти только те события, с которыми он внутренне согласен. И если Веперский встретил эту женщину, значит подсознательно в нем преобладали именно те тайные желания и черты, которые он нашел в ней. Не жена его превратила в раба, а собственные слабости, которым он дал волю, вместо того чтобы цепко их сдерживать. А Клара лишь стимулировала и поддерживала их. Так что все происходило по его личному выбору. Ведь жизнь — это отражение внутренних убеждений.

В общем-то может быть и так... Интересно ты рассуждаешь. Признаться, я хоть и прожил жизнь, но такие простые и мудрые слова в голову еще не приходили, — улыбнулся старик. — Даже не подозревал, что молодежь в наше время так подкована в столь тонких вопросах жизни человеческой. Это приятно. Может, век ваш технический сказался, что мозги работать лучше стали, чем у нас.

Да нет, батя. Дело не во времени, не в подкованности и не в мозгах. Просто истинная мудрость — это достояние души. А молодое тело — это еще не показатель истинного возраста души.

Души? — переспросил старик и сам себе ответил: — Да, души... Кабы ведать наверняка, что она есть в человеке...

Да уж, душу под микроскопом не рассмотришь, — усмехнулся парень. — В принципе как и мысль человеческую. Вон нейрофизиологи предполагают, что мысль — это движение некой электромагнитной волны в коре головного мозга, переходящей от одного нейрона к другому. Но как она на самом деле зарождается и что является побуждающей причиной, до сих пор не ведают. Впрочем, как и о многих других вопросах, касающихся человеческой сути. Люди всего-навсего предполагают, но не располагают данными. Потому что ответы на эти вопросы таятся гораздо глубже, за гранью их очерченного эгоцентризмом круга восприятия мира. И чтобы добраться до них, нужно переступить через Эго, проникнуть в глубины собственного подсознания... А тут один только плавающий на поверхности сознания хлам чего стоит разгрести, пережитки нашей внутренней нечистоплотности. Хотя, если сильно захотеть, всего можно достичь.

Оно, конечно... Однако знать бы, что ты сам не прибавляешь этот хлам в голове, а разгребашь...

Совість всегда подскажет верное направление.

Да-а-а, Совість — добрый помощник, — согласился старик.

Они на время умолкли. Старик пытался осмыслить сказанное парнем, но так и не разобравшись, задумчиво промолвил:

Оно ведь как в жизни-то? Как на фронте. Все время пытаешься выдержать линию обороны своей Совести. Чем больше лет, тем сильнее атака с той стороны окопа, тем больше вокруг тебя рвется бомб, оставляя сплошные воронки жизненных проблем. Оно, конечно, и страшновато, но все равно удерживаешь свою позицию во что бы то ни стало. Ведь отступить-то некуда. Позади твоя Родина и тебе в ней жить. Так что оставлять позиции Совести никак нельзя... Я воочию видел, как сдался мой друг, и чем все это закончилось. Я наблюдал его смерть в течение жизни,

чувствовал, как побеждающее зло его мучило, терзало, уничтожало изнутри. Нет, по мне так уж лучше жить по Совести или не жить вообще.

Древние писали, что Совесть — степень величия Духа. А в старости она особенно оголяет «нервные окончания» и проявляет истинную природу. Поэтому для кого старость превращается в лунный свет, мерцающий в черных, клочковатых облаках иллюзии и мрака, а для кого старость — сияющий ослепительный закат, проявляющий для внутреннего ока свой редкий зеленый луч, исполняющий все желания.

Красиво сказано. Только какие в старости могут быть желания? Одни размышления... Вот кабы знать свою истинную природу...

Истинную природу? — таинственно улыбнулся парень, меняя на своей удочке крючок и наживку. — По поводу истинной природы есть очень древняя восточная притча...

Он закинул удочку подальше в реку, присел и закурил сигарету. Старик приготовился слушать.

— Так вот, эта притча такова... Высоко в горах, на сверкающей белоснежной вершине родился прозрачный, как младенческая слеза, кристалл льда. Днем он любовался солнцем, играя светом на своих гранях, искусно созданных природой. Ночью радовался звездам, разглядывая эти удивительные блестящие создания. Постепенно он рос, впитывал в себя все большую энергию ласкового светила. Однажды, когда кристалл стал настолько большим, что мог разглядеть не только небо, но и окружающий мир, ему открылось нечто удивительное. Облака, скрывающие подножья гор, расступились, и перед его взором предстала великолепная долина, утопающая в необычных ярких красках изумруда. Это зрелище настолько захватило дух кристалла, что у него родилось жгучее желание во что бы то ни стало спуститься в этот необыкновенный уголок природы и познать все его прелести.

Кристалл напряг всю свою силу, чтобы превратиться в воду, и стремительно ринулся вниз. Чем быстрее он спускался, тем могучее становился. Поток делался все шире и бурлил, вскипая необузданной страстью. Он мчался навстречу мечте, с завидным упорством преодолевая на своем пути каменные препятствия, сокрушительные пороги, головокружительные водопады. Его будоражил дух новизны и стремление достичь заветной цели.

И вот в одно прекрасное мгновение это случилось. Его воды мощным потоком хлынули рекой в долину. Как прекрасны были ее берега, утопающие в яркой зелени! Как изумительно переливались блики солнца на водной глади! Как радовалось все вокруг живительной прохладе вод! Кристалл чувствовал, как насыщал упоительной влагой каждое растение, как с наслаждением утоляли жажду те, кто приходил к его берегам. Ощущал, как в его водах плескалась зародившаяся жизнь, и он стал вместилищем этой жизни. И это было для него настоящим счастьем!

Так и протекала его жизнь. Днем он утолял жажду всех страждущих, а по ночам разглядывал отражение звездного неба в своих водах, дивясь чудным мирам и вспоминая свой далекий дом. Ему казалось, что это счастье будет длиться вечно.

Но однажды его воды внезапно достигли конца долины, разлившись в озеро. Жизнь стала размеренной и спокойной. Постепенно некогда великолепные бурлящие воды стали затягиваться бурой тиной, превращаясь в затхлое болото. Редко кто теперь посещал эти берега... Не было в его водах и прежней силы, и прежней жизни. Страх и отчаяние охватили бывший кристалл. Он стал панически бояться солнца. Появление светила каждый раз рождало в нем ужасающую картину, сотканную из его же испаряющихся вод, — мираж своей кончины и неумолимой предопределенности. Один за другим вздувались пузыри сомнения. Он боялся стать паром, утратить свою индивидуальность, потерять свободу. Ночь стала для него единственным утешением, окутывая его прохладой былых воспоминаний. Он с тоской глядел на сияющие

звезды, вздыхая по недоступным далеким мирам и восхищаясь их неизменной красотой.

И однажды, в час рассвета, его осенило: он понял суть жизни, суть вечности, прочувствовал свою истинную природу, которая пробудила в нем душу! В этот момент над горизонтом появился ослепительный диск солнца. «Боже, — вырвался возглас из глубины остатков его вод. — Как все просто!» Он ринулся навстречу ласковым лучам могучего светила, превращая воду в пар. Порыв ветра с легкостью подхватил его и понес ввысь, удаляя от привычного пространства. Он летел и испытывал удивительное чувство невесомости и новизны. И только сейчас понял, что это и есть самая настоящая, давно забытая им упоительная истинная свобода. Его переполняло ощущение всеобъемлющего счастья, своей неповторимой индивидуальности и в то же время бесконечного единения с этим огромным потрясающим мирозданием, которое, оказывается, оказалось гораздо шире, чем он себе представлял. «Как все просто» — не переставал повторять его дух, наслаждаясь полетом. «Да, теперь я знаю свою истинную природу», — подумал он, плавно опускаясь на одну из очередных сверкающих вершин...

Парень умолк. Старик сидел в глубокой задумчивости, пораженный сокровенным смыслом этой притчи. И тут его лицо просияло. Глаза заблестели живым огоньком. И он тихо воскликнул: «Господи! Это же действительно так просто!» Полный восторга старик повернулся, чтобы сообщить о своем потрясающем открытии собеседнику. Но... его уже не было. Старик привстал и в растерянности оглянулся по сторонам. Однако вокруг простиралось лишь бескрайнее зеленое поле. Нигде ни души... Григорий даже засомневался, не галлюцинации ли у него начались на старости лет. Но оставленная удочка парня да тлеющий на земле окурок говорили о недавнем, вполне реальном его присутствии.

Старик с сожалением и какой-то щемящей душу тоской глянул на одинокую удочку своего необычного собеседника. Неожиданно ее поплавок стал стремительно погружаться в толщу вод. Пожилой рыбак машинально подбежал к удочке парня, дернул и... В лучах утреннего солнца, взметнув россыпи бриллиантовых брызг, из воды вылетел огромный, сверкающий на солнце байкальский омуль. Оторопев от такого счастья, старик замер, дивясь полету этой редкой, небывалой в этих местах рыбы. А затем, спохватившись, стал вытаскивать ее на берег и дрожащими руками избавлять от крючка. Не веря своим глазам, он поднял трепыхающегося омуля двумя руками, изумленно разглядывая это чудо природы. На глазах старика заблестели слезы радости. И тут Григорий вспомнил. Он вспомнил, где видел этого парня... Громкий раскат старческого смеха оглушил округу. Старик подошел к воде, стал на колени и бережно отпустил рыбу в реку. Подняв сияющий взор, он устремил его на могучее светило. И купаясь в лучах ослепительного внутреннего счастья, воскликнул:

— Господи! Как все просто!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удивителен морской берег во всей его необъятной красе. Здесь гармонично сочетаются, казалось бы, совершенно противоположные друг другу элементы разных стихий. С одной стороны, раскаленный песок — неумолимый и беспощадный воин разрушительной Пустыни. С другой стороны, прохладная вода — животворящая сила создателя форм Мирового Океана. Точно смерть и жизнь переплелись в этом месте, создавая необычные условия существования для тех, кто находится по воле судьбы на границе их миров.

Отшлифованные до блеска гладкие камни и камешки, разбросанные вдоль берега, претендовали на звание долгожителей столь таинственного Портала. И казалось, кому как не им должны быть ведомы главные тайны сего бытия. Но так ли это на самом деле? Ведали ли они о том, что находилось за пределами занимаемого ими пространства?

Камень есть камень, как говорится твердое ископаемое. Когда-то он являлся частью огромной скалы, упиравшейся своей вершиной в само Небо. Однако, пребывая в единстве, камень мечтал о самостоятельности. Многочисленные трещины сомнений со временем сделали свою разрушительную работу, воплотив тем самым его мечту в реальность. Но долгожданная самостоятельность оказалось не такой уж радостной, как он представлял. Каждый день стихии, точно соревнуясь, стали испытывать его на прочность. Камень распирало от злости и обиды. Он отчаянно сопротивлялся ветру, отслаивавшему его песчинки и постепенно превращающему его в пыль. Он супротивничал солнцу, накалявшему его поверхность. Камень противостоял даже воде, к которой тайно тяготел, особенно когда она омывала его своей живительной прохладой, спасая от палящих лучей солнца. Ему нравилось быть столь непреступной сущностью даже перед ритмично накатывающимися волнами.

Камень гордился собой, своей формой, своей независимостью. Посмеивался над песком, которым легко управляли стихии. Он и не подозревал, что со временем и его постигнет та же участь.

Большую часть своих дней камень скучал, глядя на угнетающее однообразие и монотонность окружающего ландшафта. Иногда он забавлял себя вопросом: «А в чем же смысл?» Часто, созерцая полеты птиц, камень завидовал их свободе и легкости, с которой они достигают самых лучезарных высот и неведомых заоблачных далей. Бывали секунды, когда он жаждал обменять всю свою долгую тоскливую жизнь на краткий миг их восхитительного, стремительного полета.

Так и проживал камень все свое «валунное» бытие в себе и только для себя. Он даже не замечал, в какое удивительное и таинственное место забросила его судьба. Он не видел, сколько сил и времени тратили на него солнце, ветер и вода, чтобы преобразовать его глупую, твердую сущность в качественно новое состояние. Уж слишком прочна была его гордыня на протяжении веков. Уж слишком тяжела была его материя.

Видимо поэтому камням, лежащим на стыке двух миров, ведома лишь собственная будничная жизнь. И хотя у некоторых из них внешние грани давно уже идеально отшлифованы, все же внутри они остаются всего-навсего камнем.

*Я подкинул камень,
А он упал.
Я подкинул птицу,*

И она полетела.

Ригден Джаппо

На переполненном пляже копошилась большая, пестрая толпа людей. Сверху она казалась единой живой массой, скопившейся здесь исключительно ради желания получить удовольствие от даров природы. И это понятно. Солнце, воздух и вода — что может быть лучше и заманчивее в жаркую летнюю пору? Разве только горы. Но это, как говорится, удел для избранных.

Если приблизиться к этой причудливой массе, то можно разглядеть группки разных людей, чем-то схожих разговорами и поведением. Ну, а если проникнуть в ее гущу, то вполне можно рассмотреть и отдельных индивидов. Каждый из них, безусловно, разнился друг от друга не только внешностью, но и своей жизнью. Однако, если повнимательнее присмотреться, то можно обнаружить, что даже сия так называемая индивидуальность находилась на одном и том же фундаменте одних и тех же нескончаемых человеческих проблем, желаний и потребностей. Даже немного скучновато от такого созерцания однотипных мыслей о бытии насущном, облаченных разве что в разные формы. Наверное, поэтому, когда среди такой массы штампованных «индивидуальностей» появляется действительно Личность — Homo Verus (Человек Настоящий), — даже боги перестают зевать от людской многовековой однообразности и с интересом начинают следить за ходом изменяющихся судеб и развивающихся событий.

Но если для богов Homo Verus сияет среди толпы, как гигантский алмаз посреди дорожной пыли, то людям разглядеть его трудно. Уж слишком толсты да кривы их линзы собственного высокомерия. Все окружающее им кажется мелким и никчемным. И лишь чистый взор, полный «силы любви», без труда рассмотрит сквозь безликость серой массы многогранный алмаз, то Сущее, что помогает двуногому животному стать Человеком Настоящим.

Погода стояла великолепная. И сегодня все было так же, как и год, и век, и тысячелетие назад. Разве только людей стало побольше, одежда иная, да и говорили они на других языках, хотя смысл речей не изменился. Отдыхающие все так же грели свои тела на солнышке, периодически охлаждая их в прохладной воде. Детвора все так же резвилась возле кромки моря, со смехом и визгом убегая от накатывающихся волн. И вокруг стоял все тот же причудливый гомон. Кто-то кого-то звал, где-то раздавался задорный смех веселившейся молодежи. И все эти неумолкаемые человеческие шумы, как и в прошлые времена, сливались с ритмичным прибоем волн да криками кружащих над морем белоснежных чаек.

Недалеко от большого скопления отдыхающих лежал белокурый мужчина, подставив свою спину под теплые лучи утреннего солнца. Он дремал. Метрах в двадцати от него располагалась компания из четырех мужчин кавказской национальности и молодой светловолосой женщины с четырехлетней девочкой. Взрослые распивали вино. С каждым бокалом их смех становился все громче, движения раскованнее, а речи горячее. Ребенок постоянно ерзал на месте, выводя молодую мать из терпения своими нескончаемыми просьбами. Девчушка не понимала, почему мама и чужие дяди так долго едят и пьют, когда гораздо интереснее поиграть, попрыгать или просто похлопать в «ладушки». В конце концов, ей наскучило сидеть. Она взяла свою единственную игрушку — синюю лопатку, которую нашла в песочнице, и побежала к морю. Ее мать лишь небрежно обернулась, кинув ненавистный взгляд в сторону убегающего ребенка, а затем снова растянула свои молодые губки в очаровательной улыбке, повернувшись к своим щедрым случайным знакомым.

Девочка вприпрыжку приблизилась к морю. Пошлепала ножками по воде. Пробежалась по берегу в одну сторону, потом в другую. Побарахталась на мелководье, пока зубы не стали

выбивать мелкую дрожь. Потом погрелась на солнышке, подражая взрослым. И стала сооружать из песка домики, украшая их ракушками да камешками. И чем выше она пыталась их соорудить, тем чаще они рушились под тяжестью сырого материала. Девочка сердилась, кривила губки, все разбивала и вновь приступала к сооружению недолговечных конструкций. В одной из своих неудачных попыток она раскидала песок возведенного очередного домика в разные стороны. Часть его случайно попала на спину лежащего невдалеке мужчины.

Макс?! Опять ты! Ну сколько можно?

Мужчина повернул голову к девочке.

Ну что тебе еще от меня надо?

Девочка с удивлением уставилась в глаза мужчине. Потом ее как-то неестественно передернуло, и она часто-часто заморгала. И, наконец, произнесла изменившимся более грубым голосом:

— Сэнсэй?!

Он самый, — устало произнес мужчина и, глянув на песочные кучки, с грустью усмехнулся. — А ты, я смотрю, до сих пор возводишь свои замки на песке?

Замки?

Макс оглянулся и даже привстал.

Где я? — никак не мог он прийти в себя, испуганно озираясь по сторонам.

Где, где... На Земле, естественно. Где тебе еще быть? — нехотя ответил Сэнсэй.

Тут Макс увидел свои детские ручки и даже отшатнулся, словно от чужих.

Что это со мной?!

Да что с тобой может стать, кроме того, что уже имеется.

Нет, правда, Сэнсэй?! Что это еще за фокусы? Это что, гипноз?

Гипноз? Фокусы?! — Сэнсэй усмехнулся, развернулся и присел на песок. — Добро пожаловать в мир твоей реальности! Как ты там говорил: «Жизнь такова: либо се ля вы, либо се ля вас».

Да нет, Сэнсэй, кроме шуток, — испуганно водил глазами Макс вокруг. — Где это я? Что со мной случилось? Как я здесь оказался? Что за ерунда?

Ерунда?! — ухмыльнулся Сэнсэй.

Но ухмылка тут же пропала с его лица. Он серьезно посмотрел на Макса глазами, полными строгости и укора.

— А ты вспомни.

Макс зажмурился больше от страха, чем от попыток что-либо вспомнить. В темноте он почувствовал себя даже лучше, чем в пугающей невероятной действительности. Но чем больше успокаивался, тем чаще стали проявляться в его сознании фрагменты какой-то запредельной, глубинной памяти. Эта память была необычной, живой и реальной.

* * *

Макс ощутил себя в салоне собственного нового автомобиля, купленного буквально два месяца назад. К нему вернулось чувство удовлетворения жизнью. Наконец-то он достиг своей долгожданной мечты — стал по-настоящему богатым. Перед ним открылись большие перспективы. И воображение рисовало ему красочное будущее. В руках он с гордостью сжимал новенький руль, пахнувший кожей. Макс возвращался домой. И не в какую-то там замшелую комнатуху, а в роскошный особняк. Всего полгода назад он выкупил его и сделал шикарный

евроремонт на зависть всем своим друзьям. Но главное — через подставных лиц переоформил на себя фирму разоренного им друга, которая обеспечит ему, как он думал, безбедное существование на долгие годы.

Макса переполняло чувство довольства собой. Он включил погромче радио, где звучал новомодный хит и стал напевать себе под нос мелодию. Жизнь наконец-то удалась! И все же, где-то глубоко внутри, было как-то дискомфортно. Оттуда зарождалось неприятное ощущение, что он все-таки упустил что-то очень важное. Хотя золотая мечта и реализовалась, у Макса почему-то не было чувства полного удовлетворения. Да, он достиг желаемого. Однако не получил ожидаемого ощущения всеобъемлющего счастья, мечта о котором так долго прельщала его мысли. Почему? Сомнения относительно своего счастья как-то сами собой стали всплывать на поверхность сознания, точно поднимаясь из неизведанных глубин его «я». Макс пытался им сопротивляться, переводя мысли на обретенные материальные блага. Но это внутреннее Нечто неумолимо наступало на империю Эго, порождая невыносимую боль в груди. Что же не так? Макс терялся в догадках, отыскивая причины подобного тревожного состояния.

Из-за поворота на огромной скорости вылетел джип. Он несся навстречу прямо в лоб. Глаза Макса расширились от ужаса. Сердце бешено заколотилось в груди. Руки вмиг похолодели. Расстояние неумолимо сокращалось. Яркий свет фар джипа осветил кабину новенького салона автомобиля Макса. Он резко крутанул руль, пытаясь уйти от столкновения. Машину завертело. В сумасшедшем вираже у Макса захватило дух, словно вертело не автомобиль, а саму прожитую жизнь. Он беспомощно болтался в этой скорлупе своих долгожданных иллюзий и не мог спастись от холодящей душу неумолимой реальности. Животный страх сковал его тело, а в голове промелькнула лишь одна единственная, давно забытая им фраза Сэнсэя: «Жизнь — это иллюзия самообмана». И точно в подтверждение ее Макс почувствовал мощный, невыносимо болезненный удар. Он так и не понял, был ли этот удар снаружи или его душа разорвалась в этот миг на части.

* * *

Девочка отчаянно встряхнула головой, точно пытаясь избавиться от кошмарного сна.

— Не может быть, — прошептал Макс, ужаснувшись своей догадке.

Руки его слегка тряслись. Он ощущал такой же панический страх крушения всех надежд, как и тогда в автомобиле. Холодный пот выступил на вздрагивающем тельце. Невыносимая душевная боль с новой силой давила на грудь, сохраняя свою щемящую остроту даже в этой странной реальности.

Не может быть, — вновь повторил Макс, попытавшись успокоиться. — Нет, нет... Если я думаю, значит, я живой... Наверное, я без сознания или в больнице и это мне все снится.

Ага, а я твой самый лучший кошмар! — усмехнулся Сэнсэй. — Эх, человеки... Оглянись по периметру, спящая красавица! Что ты там бормотал тогда по поводу фактов? Если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться. Ну давай, попробуй теперь избавиться от очевидного.

«Очевидного»?! «Тогда»?! Я что, действительно умер? — запаниковал Макс. — Умер, да?!

Ой, Макс, я понимаю, что каждый имеет право на глупость. Но нужно же пользоваться ею умеренно.

Нет, я что, действительно умер?! Умер?!

Да что ты заладил «умер, умер»!.. По крайней мере, я тебя вижу в теле, — с улыбкой

промолвил Сэнсэй.

В теле?

Макс перепугано стал разглядывать свое тело, ощупывая его детскими ручками, как будто не веря самому себе.

— Но... это же... это же не я...

Когда он добрался до нижней части туловища, глаза его еще больше округлились. Он перепуганно посмотрел вниз, потом на Сэнсэя и полушепотом, словно под страшным секретом, сообщил ошеломившую его новость:

— Оно же... оно же... женское!

Сэнсэй не удержался, глядя на его лицо, и расхохотался.

А ты что хотел? Что заслужил!

Что заслужил?!

Ужасу Макса не было предела. Он всегда считал женщин низшими созданиями, которые сотворены исключительно для обслуживания и удовлетворения его мужской персоны. «Заслужил... заслужил... заслужил...», — пронеслось вихрем в его голове, увлекая сознание в неведомый стремительный круговорот. После яркой вспышки Макс снова ощутил себя в родном теле. Он стоял в спортзале, в толпе, окружающей Учителя.

Каждый получает то, что заслуживает, — ответил Сэнсэй на очередной вопрос Макса. — Если ты не изменился внутренне при жизни к лучшему и не доказал Богу, что ты — Человек, а не животное, то, соответственно, и получаешь участь животного, только еще в более худших условиях. Как говорится, каковы твои деяния, таковы и Божьи воздаяния.

Но человек может покаяться, я знаю, ну вроде как перед смертью, и будет прощен. Считается, что Бог всепрощающий.

Знаешь, есть такая хорошая русская пословица: «И в раскаянье проку мало, если раскаянье опоздало». Да, Бог всепрощающий. Но если ты собираешься откладывать Бога на неопределенное «потом», удовлетворяя свою животную прихоть, и придешь к Нему с пустой корзиной, на дне которой будет валяться твое жалкое раскаяние, то будь уверен — и Бог отложит тебя на неопределенное «потом».

Нет, ну почему же я буду откладывать на неопределенное «потом»? Вот, традиционно к старости...

К старости? А ты уверен, что доживешь до нее? С чего ты взял, что будешь знать, когда наступит твой последний день? Ведь смерть тебя не спросит, придет да скосит. И на что тебя хватит? Осмыслить, насколько глупо и никчемно потратил отведенное тебе время, так и не совершив главного, ради чего ты пришел в эту жизнь?!

Да, — пробасил стоящий рядом Володя, командир подразделения спецназа. — Перед смертью не надьшишься, а после — поздно думать о враче.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй.

Макс не нашелся, что ответить. Возникла долгая пауза.

Все-таки обидно, что человеческий век столь короток, — заметил Андрей, друг Макса. — Вон, какое-то дурацкое дерево секвойя живет до четырех тысяч лет. А ты и сотку с трудом натягиваешь!

Ну почему же дурацкое дерево? — произнес Сэнсэй. — Вполне прекрасное и полезное. А насчет скоротечности жизни... Люди и так не в меру ленивы, а если им отпустить гораздо больше времени, они вообще утонут в материи.

Вы правы, — задумчиво произнес полненький мужчина лет пятидесяти, один из слушателей беседы. Ребята за глаза называли его «Вареник», так как его лицо с пухлой, выпяченной нижней губой чем-то напоминало этот продукт. — Осознание кратковременности жизни и

неизбежности смерти заставляет человека ценить жизнь и использовать время плодотворно.

Смерть точно подводит своеобразный итог прожитого, — промолвил Володя.

И побуждающее действует на живущих, — добавил «Вареник».

Совершенно верно, — вновь подтвердил Сэнсэй. — Осознание неизбежной тленности своего тела заставляет искать ответы на вопросы о вечности, заставляет шевелиться в духовном развитии и изменяться внутренне. Для того смерть и дана человеку, чтобы, помня об ее неминуемости, он научился понимать свою сущность, научился преобразовывать себя и свою природу, ценить отведенное ему время для духовного созревания. Смерть — это своего рода дверь в настоящую реальность. И общий итог прожитого подводится именно по накопленным духовным богатствам человека. То, что ты насобираешь здесь за жизнь, такая реальность ожидает тебя за дверью.

Да, но почему в нас так крепко сидит стремление обеспечить себе будущее, точно мы собираемся жить вечно? — спросил «Вареник».

Потому что, по большому счету, эти стремления идут из глубины подсознания. Они исходят из самой души. А душа всегда стремится соединиться с Богом, то есть обеспечить себе долгожданное будущее, а не мыкаться в мгновеньях по разным телам. Но наша материя через разум человека все время пытается поставить это глубинное стремление на собственную службу, службу Эго. Оттого человек почти никогда не бывает удовлетворен тем, чего достигает внешне в жизни. Ибо истинные сокровища для обеспечения будущего — духовные, а не материальные.

Даже как-то не верится, что все мы когда-то умрем, — промолвил парень, стоящий за Максом.

Почему когда-то? Никто не ведает, что с ним может случиться через минуту. Но разве вопрос в нитях судьбы? Вопрос в том, с каким багажом мы предстанем перед реальностью. Людей тянет к вечной жизни, поскольку в них самих заключена частичка вечности. Но разум со своим животным началом эту внутреннюю тягу перелопачивает на свой манер — к вечной жизни в теле, естественно на Земле, поскольку другая реальность, кроме этого пространства, животному началу неизвестна, да и неприемлема...

Уж как только люди не наловчились сами себя обманывать! Многие думают: «Зачем в духовном упражняться, молитвами, медитациями заниматься, мысль под строгим контролем держать, да и хоть просто возлюбить ближнего? Жизнь на это потрачу. А вдруг она дается только один раз? Вдруг после смерти — лишь гроб и земля сырая, в которой истлеешь сам, и гроб в труху превратится».

Некоторые из присутствующих, в том числе и Макс, того не замечая, одновременно потупили взоры. Видно, сказанное Сэнсэем явно совпадало с их мыслями.

— Не правда ли, самый крутой довод животного начала, чтобы подавить в разуме всплески души и усилить тягу к миру материи?! Другие же люди просто стараются не думать о смерти. Пытаются уйти от этой свербящей, тревожащей мысли по методу страуса — спрятал голову в песок и кажется, опасности нет. Глупости все это! Почитайте житие святых. Возьмите хотя бы Серафима Саровского. Он гроб у себя в келье держал, чтобы перед глазами было постоянное напоминание о смертности тела. Святые люди не витали в иллюзиях относительно мирского будущего. Их жизнь была — сегодняшней день. Они всегда ожидали, что именно сегодня предстанут перед Судом Всевышнего, потому и старались на духовной стезе, потому и результаты имели по пробуждению «силы Любви». А отсюда и их чудеса проистекали, излечения людей как духовные, так и телесные... Основная же масса оставляет дела свои духовные на «завтра», даже не задумываясь, что для них это «завтра» может никогда не наступить... Вся печаль, что каждый в свой час понимает безвозвратность ушедших ценных мгновений, да поздно становится, слишком поздно...

* * *

«Слишком поздно, слишком поздно...», — отдавалось эхом в голове у Макса. Перед внутренним взором мелькали картины прошлой жизни. Какие-то яркие моменты наиболее потрясающих эмоциональных впечатлений вперемешку с его мыслями, а также различными образами бывших друзей, родных и близких. В некоторых местах картинки замедлялись. И в большинстве случаев это было связано именно с Сэнсэем. Макс словно раздвоился, заново переживая данные мгновения. Теперь он уже смотрел на эти события совершенно под другим углом зрения. И если в той жизни Макс оценивал происходящее со стороны своего материального бытия, то сейчас именно с позиции своей души...

* * *

Макс попал на тренировки Сэнсэя можно сказать случайно. Просто он так много о нем уже слышал, что решил вместе со своим другом посетить эту секцию по восточным единоборствам, уже ставшую в их городе легендарной. Пришли, посмотрели да так и остались. И если друга больше тянуло к боевому искусству, то Макса занимала необычная философия самого Сэнсэя. Макс был достаточно эрудирован, начитан и философски подкован, сказывались профессорские корни его семьи. Поэтому в лице Сэнсэя он нашел действительно достойного себе собеседника и оппонента для своих догм.

Неординарное мировоззрение Сэнсэя все больше захватывало любознательный ум Макса. Он верил и одновременно не верил услышанному. Верил, скорее, как-то изнутри, руководствуясь лишь отдаленными интуитивными чувствами. А не верил именно логикой, умом, подвергая все сказанное Сэнсэем сомнению и пытаясь отыскать этому свои доказательства, подтверждения в литературе, в жизни, собственным опытом и ощущениями.

Как-то раз он случайно услышал за дверью разговор Володи и Сэнсэя по поводу его компании.

Зачем ты возишься с ними, как с маленькими детьми? Только время зря тратишь. Да разве из них выйдет что-нибудь путное? Они же ленивы! Работать даже над телом не хотят, не то что над духовным. Вечно их сомнения гложут! Все колотятся, думают, что из них здесь хотят вылепить что-то такое непонятное, развести их драгоценную персону... Да кому они нужны, кроме самих себя любимых?! Хотят познавать себя — пусть познают! А если не хотят — флаг им в руки! Чего ты на них распыляешься?! Возьми хотя бы Макса, вечно в чем-то сомневается...

Нет, Володя. Если человек сомневается, значит ищет. А раз есть стремление искать, значит, есть желание познать... Внутри него — противостояние двух мощных начал. С одной стороны, душа трепещет, звенит, как колокол, покоя не дает. А с другой стороны, материя давит полным набором. Вот и получается, что для него постоянные сомнения в порядке вещей, так сказать издержки внутреннего конфликта.

Раз он не тверд в выборе, значит и шансов у него нет.

Шансов вырваться, конечно, маловато. Но все же есть. Все в его руках.

Макс, слушая весь этот закулисный разговор, пребывал в смятении. То в нем вскипала злость, то вспыхивала некая обреченность, то его радовало заступничество Сэнсэя. И, наконец,

последние слова Сэнсэя окончательно его воодушевили, пробуждая в нем родной дух поиска.
«Да, все в моих руках!!!»

* * *

Дни пробегали, мгновения улечивались, а Макс все колебался, как маятник, из стороны в сторону от материального к духовному. Его мятежная сущность никак не могла обрести точку опоры. Он метался в поисках ответов на свои вопросы. Натыкался на разные варианты. Подвергал одно за другим сомнению и вновь оставался один на один с теми же вопросами. Это становилось его естественным состоянием. Однако, пребывая рядом с Сэнсэем, он ощущал себя другим. Он не мог ничего объяснить, но чувствовал необычное спокойствие... Иногда Макс слушал Сэнсэя, но совершенно не слышал его. Скорее ему нравилось просто звучание их обоюдного диалога. Но бывали и такие моменты, когда Эго отпускало свои узды, и Макс не только слышал, что говорил Сэнсэй, но и чувствовал, как трепещет его собственная душа, наполняя тело необыкновенной радостью. Такие моменты и всплывали сейчас из глубинной памяти. Моменты встреч, где важны были даже не сами слова, а то, что происходило в душе, какой-то внутренний всплеск, во время которого разум заполняла любовь ко всему сущему, а животное начало временно уступало свои позиции.

Макс снова четко услышал слова Сэнсэя, уводящие его в те незабываемые мгновения прожитой жизни. В тот день со своим другом он остался на дополнительные занятия исключительно ради интереса поболтать с Сэнсэем после тренировки.

А начались эти нерегулярные посещения дополнительных занятий с того, что однажды, случайно задержавшись после обычной тренировки, Макс услышал, как личные ученики Сэнсэя обсуждали между собой довольно-таки интересную для Макса духовную практику «Цветок лотоса». Его поразило, что это была не просто медитация. Это была практика, которая привела к духовному пробуждению самого Сиддхартхи Гаутамы, сотворив из него богоподобное существо — Будду. Именно ею владели избранные фараоны Древнего Египта. Отголоски совершенства данной практики восхвалялись в индуистских книгах, написанных еще на санскрите, в трактатах китайских мудрецов, в эпосе Древней Греции. Такую информацию Макс просто не мог пропустить. Его привлекало здесь все одновременно: и древность, и таинственность, и божественная святость, которой достигали те, кто занимался этой практикой. Он расценил ее как возможность преобразовать себя и главное — стать значимым в этом мире.

Макс пристал к Сэнсэю с расспросами о данной духовной практике. И, добившись своего, побежал домой, радуясь как воришка украденному сокровищу. Первые три дня он старательно все выполнял и у него, как ни странно, эта практика получалась гораздо лучше, чем другие медитации по внутреннему созерцанию, которые Сэнсэй давал на занятиях по восточным единоборствам. Потом Макс отвлекся на текущие проблемы материального бытия и его желание заниматься духовной практикой угасло. Вскоре и быт заел до основания. Для Макса наступил дежурный период уныния, во время которого он снова стал предпринимать безрезультатные попытки взрастить в себе «цветок». И поскольку ничего не получалось, он побежал к Сэнсэю «плакаться в жилетку» и вновь искать ответы на свои безутешные вопросы.

— Сэнсэй, где же я ошибся? Вроде делал все правильно... В состоянии покоя представил, что сажаю внутрь себя в районе солнечного сплетения зерно. Затем стал «подпитывать» его силой Любви, держал позитив мыслей в голове... Вначале я даже почувствовал какую-то легкую вибрацию в районе солнечного сплетения, представил, вроде как оно у меня проросло... А

потом прошло несколько дней — и ничего... Даже этой самой первичной теплоты не могу почувствовать...

Ну, правильно. Когда ты делал все именно с чувством Любви, у тебя получалось. А когда отвлекся и попытался делать только умом, у тебя ничего не вышло. Это естественно. «Цветок лотоса» — это постоянный контроль и постоянное вождение Любви. Для того чтобы взрастить «цветок», нужно всегда настраивать себя на любовь к Богу, ко всему существу. Поддерживать это внутреннее состояние, несмотря ни на какие перипетии судьбы. И я еще раз подчеркиваю — нужно растить «цветок» не мыслями, а искренним чувством. Суть этой духовной практики заключается в пробуждении чувства Любви с последующим его усилением и постоянным, повторяю, постоянным сохранением, вплоть до проявления физического ощущения в области солнечного сплетения.

А почему именно там? Это вообще как-то объясняется с точки зрения физиологии человека? — понесло Макса в расспросах.

Сэнсэй еле заметно усмехнулся. В это время к ним на лавку подсел Володя. А так как время дополнительных занятий подходило к концу, за ним потянулись и другие ребята.

Можно объяснить и с точки зрения физиологии человека, так сказать на самом грубом, примитивном уровне, — ответил Сэнсэй.

А почему физиология — примитивный уровень? — со своей любимой издевкой спросил Макс, чувствуя, что его персона находится в центре всеобщего внимания.

О, еще какой примитив! — улыбнулся Сэнсэй. — Человек на самом деле — чистейшая физика, сплошные формулы движения энергий. И вся его химия проистекает именно оттуда. А то, что я пытаюсь тебе объяснить, — это всего лишь самый примитивный расклад на пальцах в виде твоих физиологических ассоциаций.

Я бы тоже с большим удовольствием лишний разок послушал об этом «примитивном раскладе», — пробасил Володя. — Хотя в твоём исполнении «лишний разок» никогда не бывает лишним. Все время слышу какое-то новенькое дополнение.

И я того же мнения, — промолвил Стас, высокий парень атлетического телосложения.

Его друг Женька, не уступающий ему по росту и габаритам, привстал с лавочки и в шутку торжественно потряс руки Стасу и Володе.

— Абсолютно с вами согласен.

— Ну, раз пошла такая петрушка, то поехали, — махнул рукой Сэнсэй. — Повторим урок из прошлого. Итак, все вы представляете, что такое солнечное сплетение. — Он остановил взгляд на Максе, который растерянно кивнул, не сказав ни да, ни нет. — Так, понял. Данное сплетение, которое еще называют чревным сплетением, представляет собой совокупность различной величины и формы нервных узлов, связанных между собой большим количеством соединительных ветвей разнообразной длины и толщины. Оно очень варьируется как по количеству подходящих к нему нервных стволов и входящих в его состав узлов, так и по форме этого мощного конгломерата. В своем центре солнечное сплетение больше напоминает соединенные вершины треугольника. А по общей внешней форме — чаще всего неровный круг, так как нервы от солнечного сплетения радиально расходятся во все стороны к органам брюшной полости, как свет от солнца. Ну и, естественно, там имеется множество нервных окончаний. Солнечное сплетение относится к самым крупным вегетативным сплетениям. Его даже называют «брюшным мозгом».

Так вот, что происходит, когда человек выполняет духовную практику «Цветок лотоса»? Если процесс циркуляции внутренних энергий образно спроецировать на физиологию человека, то получится следующая картина. При целенаправленной концентрации внимания на солнечном сплетении с чувством, подчеркиваю положительным чувством, происходит раздражение

нервных окончаний, в том числе и *nervus Vagus*, одного из двенадцати пар черепных нервов, или так называемого блуждающего нерва. Кстати, хочу обратить ваше внимание, что в образовании солнечного сплетения в качестве парасимпатической его части принимают участие как правый, так и левый блуждающий нерв. Более того, в состав сплетения входит большей своей частью общий задний ствол обоих блуждающих нервов. Теперь возвращаемся к нашему сосредоточению. После раздражения блуждающего нерва сигналы передаются по нему в головной мозг. И проходя через распределительные узлы, попадают в гипоталамус.

Гипоталамус? — встrepенулcя Макс и уже явно заинтересованно спросил: — Это не тот, что называют «древним мозгом» или «змеиным мозгом»?

Да, — подтвердил Сэнсэй. — И «первичным мозгом», и «мозгом динозавра», и «мозгом рептилий», как его только не называют. Гипоталамус действительно одно из древнейших образований. Прообраз гипоталамической области существует даже у хордовых, то есть самых примитивных из всех позвоночных. В человеке же гипоталамус, можно сказать, доведен до совершенства.

А почему его называют именно мозгом рептилий, динозавров, а не, к примеру, мозгом хордовых или амфибий?

Понимаешь в чем дело, именно во времена древнейших рептилий, поскольку это были первые по-настоящему наземные позвоночные, гипоталамус пришлось значительно усовершенствовать и дифференцировать с учетом адаптации для наземного существования. А человеческий вариант гипоталамуса — это всего лишь надстройка над базовой разработкой гипоталамической области древнейших рептилий. И разница между ними... ну, скажем, как между моделью первого ЭВМ и моделью современного компьютера. В принципе одно и то же, но совершенно другие возможности...

Нормально, — только и ответил Макс, пораженный услышанным.

Так вот, вернемся к нашему человеческому гипоталамусу. Чтобы понять, что именно там происходит после передачи возбуждения, давайте вспомним сначала, что представляет собой гипоталамус, хотя бы то, что известно о нем на сегодняшний день. Гипоталамус — высший центр, в котором собираются все данные о внутреннем состоянии организма. Он словно посредник между нервной системой, внутренними органами, тканевыми жидкостями и, я бы еще добавил, преобразователь энергии. Получая нервные импульсы из мозговой коры, гипоталамус перешифровывает их на язык, понятный жидкостным средам организма.

А это как?

Ну, меняет там соотношение, концентрацию в них гормонов, ферментов, солей и так далее. Между прочим, ни одна часть головного мозга не находится в таком привилегированном положении по снабжению кровью, как гипоталамическая область. Химические вещества, поступающие из крови, постоянно сигнализируют, в каком состоянии находятся внутренние органы и системы в каждый отдельный момент. Проще говоря, гипоталамус — это хороший управляющий, который отлично ладит как с хозяином предприятия, так и с рабочими, и умело распоряжается вверенными ему ресурсами. Оттого и предприятие работает как единый механизм. В общем, этот управляющий обеспечивает предприятию полный гомеостаз.

— Гоме... чего, чего? — тихо переспросил Макс у сидящего рядом Женьки.

Тот еле заметно улыбнулся и так же тихо, на полном серьезе ему ответил:

Таз, конечно. Чего, не слышал такое выражение? Это когда на предприятии давно не было налогового инспектора.

А-а-а, — многозначительно протянул Макс и растерянно добавил: — Да, теперь припоминаю.

Сэнсэй, услышав это, улыбнулся:

— Гомеостаз — это постоянство внутренней среды организма.

Он посмотрел с легким укором на Женьку. Но тот состроил невозмутимое лицо и стал оправдываться:

— А я чё? Я так и сказал. Когда на предприятии постоянство внутренней среды? Когда там давно не было налогового инспектора.

Ребята засмеялись, а Сэнсэй безнадежно махнул рукой в его сторону.

А кто же хозяин организма? — поинтересовался Макс у Сэнсэя, с опаской косясь в сторону Женьки.

Эпифиз, — просто ответил Сэнсэй, словно само собой разумеющееся. — Итак, выяснили, что гипоталамус — главный подкорковый центр вегетативного обеспечения и контроля. Он принимает самое активное участие в регулировании деятельности сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, температуры тела, биохимии организма, также регулирует биоритмы, чувство голода, аппетита, жажды, влияет на половое поведение и так далее. Ну и, конечно, гипоталамус координирует самые разнообразные формы нервной деятельности, начиная от состояния бодрствования, сна и заканчивая формированием положительных и отрицательных эмоций, поведением организма во время реакции адаптации... Но, как говорится, это все к сведению, чтобы вы лучше понимали последующее. Теперь о главном. Именно в гипоталамусе находятся два древнейших центра... Если на черепную коробку смотреть сверху, то эти центры в совокупности с шишковидной железой составляют своеобразный внутренний треугольник, вершина которого — эпифиз. В разные времена они назывались по-разному, но суть их от этого не менялась. Одно из их названий, упоминающихся в древних рукописях, —

«агатодемон» и «какодемон». Агатодемон стимулирует рождение положительных мыслей, а какодемон — рождение отрицательных мыслей.

Как, как? «Демон»? — переспросил Макс. — Это что, в переводе типа «дьявол»?

В переводе с греческого «демон» (daimon) означает «божество», «дух». А уже позже христианство позаимствовало это слово у греков и наделило его таким определением, как ты сказал.

А «како»? — вновь спросил Макс.

«Како» оно и есть «како», — пошутил Сэнсэй. — Приставка «како» происходит от греческого «kakos», что означает «плохой».

— Вот! И я всегда говорил о многофункциональности этого интернационального слова, — весело подметил Женька.

Ребята опять рассмеялись.

Значит, если «како» — «плохой», то «агато», следовательно, — «хороший»? — уточнил Макс.

Совершенно верно, «благой». Между прочим, это определение центра положительных мыслей было известно ещё древним египтянам. И отнюдь не случайно в Древнем Египте появился медальон, ставший позже талисманом, названный в греко-египетской традиции «агатодемоном». На нём было изображение змеи с головой льва и семью сияющими звёздами (которые позже переделали в короны).

Так получается, греки эти знания переняли у египтян? — спросил Володя.

Да. И если у египтян хоть что-то присутствовало из разряда первоначальных знаний, то греки, позаимствовав, превратили знания в мифологию. Так в греческой традиции появился агатодемон — добрый дух, следующий за человеком в течение жизни. Он считался посредником между людьми и богами.

И сделав из внутреннего внешнее, люди его утратили, — с улыбкой прокомментировал

Володя, используя выражение Сэнсэя.

Совершенно верно.

Так мысли рождаются именно в гипоталамусе? — Макс поспешил вернуться к разговору на столь интересующую его тему.

Ну, не в самом куске материи, как ты думаешь, — ответил Сэнсэй. — Я же сказал, это образное сопоставление, проектирование энергий на материю. Мысли рождаются не именно в веществе мозга под названием гипоталамус. Они рождаются в этих центрах, о которых я говорил. А данные центры — своеобразные чакраны тонкой материи, из природы которой и состоят наши мысли. И если тебе удалят данный участок мозга, то у тебя будут наблюдаться нарушения определенных психических функций мышления, восприятия, памяти и так далее, но мыслить ты от этого не перестанешь.

Ясно.

Данные центры — своеобразные полупроводники между тонкой материей и нервной системой. Они принимают сигналы нервной системы, переводя их в тонкую материю, и в то же время сами могут кодировать информацию в сигнал и, что называется посылать по нервным путям «приказ мысли»... Добавлю к этому уже известные вам сведения, что при возбуждении как положительных эмоций, так и отрицательных преобладает активность парасимпатического отдела нервной системы, один из важнейших нервов которого — блуждающий нерв.

Вернемся теперь к началу. Что происходит при выполнении духовной практики «Цветок лотоса»? Когда в гипоталамус поступает раздражение от блуждающего нерва, вызванное именно таким сосредоточением положительных чувств, то эти нервные сигналы в свою очередь проходят через оба центра. Причем, наряду с большей стимуляцией агатодемона происходит также и менее выраженная стимуляция какодемона. При стимуляции центра агатодемона данной разновидностью энергий, скажем проще, энергией «Любви», человек ощущает состояние блаженства, всеобъемлющей радости.

Теперь рассмотрим случай с Максом. Через нечто подобное, в принципе, проходят почти все начинающие. Стоит человеку ослабить свое внимание или полностью отвлечься на свое животное чувство, как происходит всплеск, накопленный одновременной стимуляцией центра какодемона. Это выражается сначала в виде появления отрицательных мыслей, возбуждением отрицательных эмоций. Отсюда рождаются сомнения. А когда ты, прошу особо отметить, придаешь этим мыслям свою силу — внимание, то, как следствие данного синтеза, происходит возбуждение ряда других центров нервной системы, из-за чего человек впадает в депрессию, появляется угнетающее, подавленное настроение или агрессия. Затем этот процесс захвата твоего внимания отрицательными мыслями еще больше усугубляется, тем самым сильнее стимулируя центр какодемона. Получается замкнутый круг. И человек, как говорится, вновь попадает в сети своего животного начала.

А как же разорвать этот замкнутый круг? — поинтересовался Макс.

В том-то и весь фокус! Мозг человека с рождения настроен на частоту животного начала, хотя это самая примитивная программа из всех его возможностей. Центр какодемона практически постоянно стимулируется человеком, который живет обычной жизнью, не принимая участия в развитии своего духовного начала. Поэтому в данном индивидуе устойчиво присутствуют такие элементы, как зависть, злоба, ненависть, жадность, корысть, ревность, страх, эгоизм и так далее. У кого-то они более выражены, у кого-то — менее. Но изо дня в день эти люди сами себя кусают за собственный хвост и от этого укуса еще больше страдают. Стимуляция агатодемона у них происходит крайне редко. В основном лишь в виде незначительных раздражений данного центра и то на очень короткий промежуток времени. Причем с последующим подавлением этого всплеска более простимулированным центром

какодемона.

А вот люди, идущие по духовному пути, целенаправленно занимаются стимуляцией центра агатодемона. К чему это приводит? Возьмем, в частности, «Цветок лотоса», поскольку именно его схема работы в организме человека является итогом любого духовного пути, скажем так, приводящего к одним и тем же внутренним Вратам. Итак, если правильно выполнять «Цветок лотоса», контролировать свои эмоции, мысли, силу своего внимания и постараться большую часть времени, а еще лучше постоянно, пребывать в состоянии Любви, локализуя это чувство в районе солнечного сплетения, то можно добиться следующего. Постоянное раздражение и стимуляция центра агатодемона усиливает его работу, включая определенные механизмы, которые заглушают малую побочную стимуляцию центра какодемона... Тут уже идет чистая физика, поэтому я не буду вдаваться в непонятные для вас подробности. Короче, если опять-таки образно выразиться на языке физиологии, происходит нечто похожее на полное или частичное торможение участка какодемона. В результате освобождается энергия, которая резко усиливает работу агатодемона, что в свою очередь приводит к всплеску, активно стимулирующему работу шишковидной железы. Ее еще называют эпифизом или пинеальной железой. И именно в результате работы эпифиза в обновленных условиях, проще говоря, изменения волновой частоты, у человека и открывается духовное видение, или, как называют на Востоке, «Третий Глаз». Ну а это, в свою очередь, уже способствует пробуждению колоссальных сил души. Человек не просто меняется внутренне, ему открывается кладезь настоящих знаний, реалии высших миров...

Сэнсэй умолк.

И все-таки я не понимаю, — проговорил Макс, пожимая плечами, — как какая-то шишковидная железа может так глобально преобразовывать человека? Я еще допускаю центральная нервная система. Но эпифиз?!

ЦНС действительно занимает одно из привилегированных мест в системе управления организмом. Но хозяин всего внутреннего — именно эпифиз. Это своеобразный орган высшего контроля, который оказывает свое значительное влияние только тогда, когда в человеке происходят по-настоящему глобальные изменения. А если этого нет, он просто «наблюдает», время от времени контролируя общий настрой структур мозга, корректируя его работу: либо активизируя, либо подавляя те или иные процессы. Но самое главное, именно в эпифизе содержатся информационные матрицы, своеобразные голограммы, в которых хранится информация обо всем, что касается данного индивида, в том числе и о его предыдущих жизнях. Это самый секретный «сейф» памяти, имеющий «двойное несгораемое дно», поскольку является еще и чакраном. Все, что ты видишь в течение жизни, ощущаешь, переживаешь, в общем, все твое внутреннее и внешнее фиксируется именно в шишковидной железе. Это своего рода внутренний Страж Врат, который всегда все знает о тебе, все твои тайные и явные желания. Кстати, у первых последователей Христа эта информация интерпретировалась как личная страничка в книге жизни в руках у Бога, где записывалось все о человеке... И поэтому, если в тебе преобладает животное, мыслишки о неустанном накоплении материального, то как бы ты внешне не занимался показухой своей «ангельской» натуры, все твои старания будут «до лампочки». Врата могут открыться только через духовное, постоянное искреннее желание, наполненное твоей чистой Верой и Любовью... И вот еще что интересно. Этот Страж не просто фиксирует помыслы и деяния человека, но и усиливает то, что доминирует в мыслях. То есть, если ты переключаешь свое внимание на негативное восприятие, — Страж будет поддерживать в тебе негатив, усугубляя то, что имеешь. Если переключишь на добро, — Страж будет усиливать в тебе эти чувства.

А эпифиз такой же древний, как и гипоталамус? — поинтересовался Макс.

Безусловно. Эпифиз, как и гипоталамическая область, — древнейшие образования. Эпифиз имеется у всех позвоночных, хотя и неодинаков по своей организации. К примеру, у низших позвоночных животных (ящериц, амфибий, некоторых видов рыб) шишковидная железа представлена парным органом в виде внутримозговой и поверхностно расположенных частей.

Поверхностно расположенных? — переспросил Стас. — А это как?

Ну, в виде третьего, так называемого теменного глаза, находящегося непосредственно под кожей и крышкой черепа.

И что, ящерица видит через этот теменной глаз?

А как же! Там имеется и своеобразный хрусталик в виде верхней стенки глазного пузырька, и полость, заполненная светопреломляющим веществом, и пигмент, — все как положено.

Она что, видит прямо через кожу? — удивился Макс.

Да. Эпифизарная роговица, то есть кожа над теменным глазом, — она ведь прозрачная. А высшие позвоночные обладают непарным эпифизом. У человека вообще данная шишковидная железа, находящаяся в задней части третьего желудочка между буграми четверохолмия, представляет собой нечто уникальное и особенное. Эпифиз человека, по сравнению с этим органом других высших позвоночных, был существенно преобразован в связи с двойственностью индивида: материальной и духовной. Поэтому эпифиз является не только хозяином тела человеческого, но и вратами в духовный, более высший мир, своеобразным порталом. Так что любое изменение состояния сознания проходит именно под контролем эпифиза.

А как он выглядит, этот эпифиз? — задумчиво проговорил Макс.

Да такое небольшое шероховатое образование треугольно-овальной формы, несколько уплощенное в передне-заднем направлении. На вид серовато-розовый, хотя цвет может изменяться в зависимости от степени наполнения кровеносных сосудов. А на вес... у каждого, конечно, индивидуально. Но где-то в среднем 0,130 грамма. Хотя у совсем потерянных личностей его вес может быть гораздо меньше, иногда достигает всего лишь 0,025 грамма. А у духовно развитых людей бывает и 0,430 грамма и более. У кого как.

Надо же, такой маленький, а такой крутой! — удивился Макс.

Ты рассуждаешь чисто субъективно, меряешь привычной материальной меркой. А если рассматривать объективно, по существу, то размеры в пространстве для энергетических объектов особой роли не играют. Вот, к примеру, частица «По». Она настолько мала, что до неё до сих пор не могут докопаться современные ученые со всеми их передовыми технологиями. Но из ее наложений соткано все: не только мы, но весь бесконечный Космос со всеми галактиками. Так что, по сути, размеры — понятие относительное.

А эпифиз как-то растет в течение жизни?

Как сказать... Вес эпифиза постоянно нарастает до достижения человеком десяти — четырнадцати лет, то есть до периода полового созревания. Затем происходит существенный всплеск жизненной энергии — праны. И начиная с этого времени, если человек грязнет в материальном, как свинья в луже, вес эпифиза практически не изменяется. А если работает над собой духовно — это уже другой вопрос... Подними хотя бы медицинскую литературу о проявлении у людей, в том числе и детей, необыкновенных умственных способностей при увеличенной пинеальной железе, и ты сам все поймешь.

Но если эта шишковидная железа столь важна в человеке, почему о ней нигде нет такой информации? — с легким упреком произнес Макс.

Ну, как это нет?! — возмутился Сэнсэй. — А ты кардинально искал? Ведь нет же! Удивительно, как люди обожают утверждать, что нигде нет упоминаний, абсолютно не прилагая усилий для поиска. Запомни, Макс: кто ищет, тот всегда найдет, кто стучится, тому отверзнется.

А про шишковидную железу знали давно и именно как железу, а не какое-то другое

образование. Возьми хотя бы древнюю Индию. За две тысячи лет до нашей эры там был целый расцвет учения об эпифизе. Уже тогда знали, что данная железа является в человеке не только органом ясновидения, памятью о прежних воплощениях души, но и основным чакраном концентрации высших энергий... Более того, эти же знания имелись еще раньше, в Древнем Египте у первых фараонов, хотя в несколько иной интерпретации. О шишковидной железе знали и в Древнем Китае, в том же Тибете. Кстати, там издревле существовал ритуал сожжения умерших высоких духовных лиц, после которого ближайшие ученики начинали отыскивать в пепле так называемое рингсэ. Это твердое вещество, больше похожее на янтарный камушек. По нему ученики судили о степени духовности своего Учителя. Считалось, чем оно больше, тем духовно выше был умерший человек. Так вот, рингсэ — не что иное, как мозговой песок эпифиза. Этот песок до сих пор остается загадкой из загадок для современных ученых. А в древнем Тибете о нем уже знали как о месте накопления психической энергии...

Так что о шишковидной железе было известно очень давно. Только называли этот орган по-разному. В принципе, шишковидной ее начали называть со второго века нашей эры, когда древнеримский врач Гален сравнил ее с сосновой шишкой. Так оно и пошло. В переводе на латинский язык эпифиз стали называть *glandula pinealis*, по названию итальянской сосны — пинии.

А эпифизом?

Эпифиз — это уже греческое название «epiphysis», что означает «приросток».

Да, запутаться можно с этими «обзываниями», — пошутил Женька.

Но самое интересное в том, что чем больше люди отдалялись от древних познаний, чем интенсивнее развивалась ортодоксальная медицина, тем быстрее утрачивались настоящие знания о функциях этой железы. Эпифиз длительное время вообще считали рудиментом. Хотя пытливые умы все равно, так или иначе, докапывались до истины. Взять хотя бы Рене Декарта, жившего в начале семнадцатого века. Замечательный человек! Неудивительно, что с его умом и стремлением к самосовершенствованию он был и философом, и математиком, и физиком, и методологом наук одновременно. Так вот, он тоже высказал мнение о том, что душа имеет свое местонахождение в маленькой шишковидной железе, расположенной в центре мозга. Скажем так, он был близок к истине и почти докопался до сути... Более того, еще в те времена Декарт указывал на наличие функциональной связи между шишковидной железой и зрительной системой, что было доказано гораздо позже.

Ты думаешь людям когда-нибудь удастся научно доказать связь эпифиза с душой? — недоверчиво спросил Макс.

— Вполне. Ведь сейчас уже ведется интенсивное изучение эпифиза, хотя только на стадии химизма. Но уже признается его ведущая роль в организме как важнейшего звена нейрогуморальной системы и нейроэндокринного органа. Ни у кого уже не вызывает сомнения, что эпифиз — главный посредник между внешней и внутренней средой организма, обеспечивающий регуляцию жизнедеятельности всех органов и систем в зависимости от условий обитания, то есть смены дня и ночи, времен года, температуры, влажности, активности электромагнитного поля Земли, уровня ионизирующей радиации и так далее. Известно, что именно шишковидная железа оказывает значительное влияние на поведение, в частности на исследовательское поведение, способность к обучению, память, локомоторную и судорожную активность, половое и агрессивное поведение. Уже открыли не только взаимодействие шишковидной железы с гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковым комплексом, но и наличие эпиталамо-эпифизарной системы как параллельного дублирующего механизма при чрезвычайных ситуациях. Изучают иннервацию эпифиза с верхними шейными позвонками, то есть симпатическими нервами. Предпринимаются попытки изучить его связь с парасимпатикой.

Отмечается влияние шишковидной железы на иммунитет, на нейроэндокринные железы... Благодаря последним достижениям науки, людям стала доступна информация о гистоструктуре, химическом составе, о некоторых эпифизарных гормонах и гормоноидах. Ведется изучение частотных характеристик шишковидной железы...

Но это только старт к познанию загадочного во многих отношениях органа. Все изученное на сегодняшний день — всего лишь соринка на поверхности воды. Люди пока даже не знают, что эта вода — океан, не говоря уже об отсутствии сведений о свойствах самого океана. Хотя медицина будущего, если, конечно, такое будущее настанет, раскроет тайну эпифиза. Это в принципе не так уж сложно. Достаточно научиться считывать информацию с его голограмм. Но если людская наука успеет добраться до этого, то мир перевернется.

В какую сторону?

Всё зависит от людей. Если сейчас люди копаются в изучении материального мира и грубых энергий, механизмов его управления, то, расшифровав структуры и информацию голограмм эпифиза, люди смогут научиться управлять и тонкими энергиями...

Да... Я, наверное, не доживу до столь просвещенных веков, — пошутил Макс.

А зачем тебе их ждать? — таким же тоном ответил Сэнсэй. — Кто захочет, тот всегда отыщет эти знания в себе, причем в любое время, вне зависимости от общего уровня просвещения человечества. То, что пытаются сейчас сделать люди сообща, с помощью своей науки, — всего лишь попытка, мягко говоря, достать правой рукой левое ухо. Несколько усложнено, но как занимательно... Древние знали более короткий путь — через свое внутреннее. Ведь по большому счету суть не в том, чтобы дотянуться до уха, а понять, что это за орган и как им пользоваться.

Для отдельно взятой личности всегда важнее проходить через свое внутреннее, чем бестолково созерцать внешнее. Ведь, в принципе, если кто-то, трудясь над собой, достигнет каких-то духовных высот, то лично тебе легче от этого не станет. Ведь каждый должен самостоятельно трудиться на своем внутреннем поле, чтобы обрести ценный для себя урожай.

А инструментов для возделывания своего духовного всегда было в изобилии. Выбирай, какой хочешь. Но, работая с ними, так или иначе, человек всегда приходил к одному и тому же результату — через возвращение силы Любви с преодолением в себе животного (древнего дракона), то бишь гипоталамуса, к стимуляции эпифиза. Это закономерность, которая и была отражена в самой первой, изначальной духовной практике «Цветка лотоса» из науки «Белая Дзы», адаптированной в свое время для людей. А все, чторосло потом, — всего лишь различные усложненные комбинации данной практики, которые, в итоге, так или иначе, приводят к первоначальному зерну.

— Ну, в частности, понятно, — кивнул Макс, поскольку ему показалось, что Сэнсэй скорее объяснял ему, чем ребятам. — Но по большому счету... ничего не понятно. Как «Лотос» мог стать основой всего, если в мире масса самых разнообразных путей? В моей голове, например, «Цветок лотоса» больше ассоциируется с буддизмом. Но есть же и христианство, и мусульманство, и, я знаю, кришнаиты. И если тут, как ты говоришь, динамическая медитация, то там идут молитвы, какие-то словесные вдалбливания в подсознание. Это совершенно другое воздействие на организм!

— Как тебе сказать... Первоначальное воздействие другое, — промолвил Сэнсэй. — Однако это лишь различные способы избавления от отрицательных мыслей, от своего животного. Но последующий путь к пробуждению души у всех одинаков.

Вот возьми христианство, к примеру, то же Православие. В духовной практике для достижения состояния святости там используется древняя внутренняя молитва, называемая в христианстве как «непрестанная молитва», «умная молитва» или «сердечная молитва», но

больше она известна как «Молитва Иисусова». Состоит она всего из нескольких слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Или сокращенно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И, в принципе, она приводит к тому, что человек, постоянно повторяя ее «устаами, затем умом, а после сердцем», постепенно погружается в то состояние, которое достигается в «Цветке лотоса». Многие люди с помощью нее пришли к пробуждению души.

Эта молитва очень сильная и действенная. Подробно она расписана в старинной книге «Добротолубие». Для людей умных и сведущих в духовных таинствах данное произведение — вторая книга после «Евангелия». В ней излагаются советы и наставления двадцати пяти мужей, которые описывают практику по этой молитве. И хотя им всем и приписывают «святость», но, к сожалению, лишь немногие из них в действительности ее достигли, познав таинство внутренней молитвы. Старцы описывают три ключа этой молитвы: частое повторение имени Христа и обращение к нему, внимание к молитве или, проще говоря, полное сосредоточение на ней без посторонних мыслей, и, наконец, уход в себя, что считается церковниками великим таинством этой молитвы и называется ими «вхождением ума в сердце».

В принципе, это религиозный, более длинный путь к чистому знанию, то есть к тому же пробуждению в «Цветке лотоса», раскрытию души. Но на этом пути в христианстве, заметьте именно для начинающих, а не для людей, уже следующих этой молитве, применяется определённые религиозные правила. Им запрещают начинать практиковать без соответствующего руководства, то есть живого наставника. Мотивируют это тем, что якобы те, кто будет без наставника читать эту молитву, попадут «вдруг во власть каких-то неуправляемых психических состояний».

А фактически, ничего там страшного нет, поскольку начинающий проходит самый обыкновенный аутотренинг, самодисциплинируя себя, самые первые ступеньки в медитации, учится концентрировать свое внимание на молитве, убирая все посторонние мысли и постепенно увеличивая время ее исполнения. Так что, по большому счету, те этапы, что проходит начинающий, произнося эту молитву «устаами, а затем умом», — это попросту вбивание ее в подсознание, чтобы легче было бороться со своим животным началом, концентрируясь именно на молитве и добываясь тем самым «чистоты помыслов».

Многие приступают к данной внутренней молитве либо из-за страха «мук адовых», либо из-за личной корысти в будущем. Хотя те святые мужи, которых эта молитва действительно привела к открытию собственного внутреннего храма души, писали, предупреждая, что «боязнь муки адовой есть путь раба, а желание награды в Царствии, — при этих словах Сэнсэй глянул на Макса каким-то необычным, пронизательным взглядом, у Макса даже мурашки по спине пробежали, — есть путь наемника. А Бог хочет, чтобы вы шли к Нему путем сыновним, то есть из любви и усердия к Нему вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с ним в душе и сердце». Бога можно постичь только с помощью внутренней, чистой Любви. В Иоанне в 4 главе 18 стихе упоминается: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви». Как писал в своих наставлениях Григорий Синаит в «Добротолубии», в первой части на странице, — Сэнсэй прикрыл глаза, припоминая, — на странице 119 об Иисусовой молитве: «Эту одну возлюби и взревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда не мечтательным. С нею не бойся ничего; ибо Тот, Кто сказал: дерзайте, Аз есмь, не бойтесь, — Сам с нами». «Иже будет во Мне и Аз в нём, той сотворит плод мног», — как сказано в «Новом Завете» Иоанном в 15 главе 5 стиха.

Так вот, первые два этапа молитвы «устаами и умом» — это всего лишь прелюдия. Самое же большое таинство у церковников считается «снишествие ума в сердце», когда «имя Иисуса Христа, сходя в глубину сердечную, смирит змия пагубного, душу же оживотворит», когда молитва «опускается умом в сердце и сердце начинает её произносить». Это есть, в принципе,

переход от словесного к чувственному, проще говоря — начало медитации. Ибо медитация есть не что иное, как работа именно на чувственном уровне без слов.

Сведущий человек, читая «Добротолюбие», отмечая религиозную шелуху, поймет, в чем суть этого пути и взгляд его отыщет нужное. К примеру, Симеон Новый Богослов в 68-м Слове «Добротолюбия», излагая способы «вхождения в сердце», писал: «Три вещи надлежит тебе соблюсти прежде всего другого: безпопечение о всём, даже благословном, а не только не благословном и суетном, или иначе умертвие всему, совесть чистую во всём, так чтобы она ни в чём не обличала тебя, и совершенное беспристрастие, чтобы помысл твой не клонился ни к какой вещи». Это есть первейшие основы к раскрытию души.

В «Добротолюбии» можно найти разные способы, с помощью которых познававшие таинство внутренней молитвы достигали «умом вхождение в сердце».

А почему разные? — поинтересовался Макс.

— Ну, каждый человек по-своему индивидуален, так сказать у каждого своя ширина шага... Так вот, одни, сосредоточиваясь на сердце, пытались умом вообразить, как с каждым ударом сердца произносится молитва. Другие упражнялись в дыхании, произнося на вдохе: «Господи, Иисусе Христе», а на выдохе — «помилуй мя!» и опять-таки сосредоточивая эти слова на сердце. Третьи просто занимались самосозерцанием. К примеру, тот же Григорий Синаит упоминает так: «...низведи ум свой из головы в сердце, и придержи его там: и оттоле взывай умно-сердечно: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!” Удерживай при этом и дыхание, чтоб недерзостно дышать, потому что это может рассеивать мысли. Если увидишь, что возникают помыслы, не внимай им, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые». Или, к примеру, Никифор Монах во второй части «Добротолюбия» советует, если не получается с помощью дыхания во внутрь, то «... понудь себя, вместо всякой иной речи (мысли), это одно вопить внутри. Продержись терпеливо в этом делании только несколько времени, и тебе откроется через это вход в сердце без всякого сомнения, как и мы сами опытом это дознали».

Все это замечательно. Но они сосредоточивались на сердце. Поэтому в скором времени те, кто практиковал внутреннюю молитву, начинали чувствовать боль в этом органе. И на такой острый крючок многие попадались. В каком плане? Сердце — это мышца, мотор организма, там никогда не было души. Сердце должно работать автономно. И сосредоточение на этом органе — огромный риск. Риск в чем? Если у человека во время сосредоточения появляются хоть малейшие сомнения, если он упражняется в этой молитве ради праздного эксперимента, не меняя глобально свою внутреннюю жизнь, не приняв твердого решения следовать своей душе, то есть не пробуждая в себе истинной веры в Бога, а просто играет ею по прихоти своего хорошего настроения, то может схлопотать себе хорошенький инфаркт. Но истинно духовные люди со стойкой верой, искренней, чистой любовью к Богу, проходили и этот этап, хотя и не безболезненно для сердца, пока не уходили в глубь души, в область солнечного сплетения. Они ощущали, как их сознание словно опускается туда. И именно оттуда начинали чувствовать тепло, растекающееся из груди по всему телу и вызывающее приятные ощущения. Как писали святые мужи, «возгорался костерок, который охватывает изнутри тебя пламенем Любви Божьей». Проще говоря, начинал работать чакран солнечного сплетения. И человек чувствовал, как из груди исходила вибрация, теплая волна, которая как бы несла в себе эти слова из глубины души: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Человек ощущал в себе изливание Любви Божьей и сам усиливал эту Любовь своим последующим сосредоточением на ней. «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Как написано в изречениях Феолипта Митрополита во второй части «Добротолюбия»: «Уединившись внешне, покушайся далее войти во внутреннейшее стражбище (сторожевую башню) души, которое есть дом Христов, где всегда присущи мир, радость и тишина. Мысленное солнце Христос дары сии, как некие лучи из Себя испускает, и как некую

мзду подаёт душе Его приемлющей с верою и добротолубием».

Что-то я насчет сердца не совсем понял, — сказал Макс. — Как это у духовно продвинутых так получалось, что их инфаркт обходил? Ведь они тоже концентрировали своё внимание на сердце, а срабатывало солнечное сплетение.

Потому что, если человек открывается с Любовью к Богу, Любовь Божья его и уберезет, каким бы путем он ни шел. Главное — стремление в пути. Тогда, рано или поздно, ищущий придет к нужному результату. По существу, если человек стоек в своем духовном рвении и даже в мыслях не допускает никаких сомнений, то все срабатывает так, как должно сработать.

Макс смотрел на Сэнсэя по-прежнему непонимающим взглядом.

Ну, как тебе еще объяснить... Если ты не поленишься раскрыть нейрофизиологию человека, то увидишь, что сердце иннервацией связано с солнечным сплетением.

Ну, и...

Сила Любви есть определенная энергия. Постоянное ее чистое сосредоточение, даже на сердце, все равно так или иначе будет локализовать эту силу в солнечном сплетении.

А-а-а, — наигранно протянул Макс. — Тогда понятно.

Ну, слава Богу, — таким же тоном произнес Сэнсэй, в шутку вытирая «пот» со лба.

Окружающие ребята заулыбались.

В начале разговора ты упомянул, что молитва древняя, — напомнил Володя, желая продолжить тему.

Да. Ее корни уходят в глубь веков. Когда-то ее называли «Молитвой души» и сосредоточивались именно на центре «между грудью и животом», то есть на солнечном сплетении. В общем это — своеобразная адаптация «Цветка лотоса». Внутреннюю молитву можно отыскать в тайнознании любой серьезной религии.

А почему в христианстве она называется «Молитвой Иисусовой»? Иисус что, давал ее своим ученикам? — поинтересовался Макс.

— Ну, скажем так, для себя и своих личных учеников Иисус использовал чистые знания, тот же «Цветок лотоса» как самый простой и эффективный способ укрощения животного начала, поскольку работа здесь шла на чувственном уровне. Для умных людей он давал внутреннюю молитву как наиболее приемлемую для них привычную форму духовной практики. Конечно, небольшой крюк через словесность и подсознание, но результат — опять-таки выход на чувственный уровень. Ну а для остальных, в которых все-таки главенствовало животное начало, Иисус излагал знания в виде притч с двояким ключом, который подходил как для ума мирянина, так и для сведущего человека. Каждый открывал этим ключом свои внутренние сокровища.

После Иисуса внутренняя молитва стала ключевой для основного состава его истинных последователей. И апостолы передавали ее своим ученикам уже с присутствием в ней имени Иисуса, поскольку Его имя, как сына Бога, у многих людей и по сей день вызывает абсолютное доверие, что весьма важно. Ведь когда отпадают все сомнения, это значительно упрощает шествие по духовному пути. Так ее и стали называть «Молитвой Иисусовой», а также «сердечной молитвой». Ведь Иисус часто употреблял слово «сердечный» в значении «душевный», как было в те времена. И, кстати, вначале она передавалась правильно, как и учил Иисус, — с последующим сосредоточением в области солнечного сплетения. Очень многие люди из первых последователей Христа освобождались благодаря ей от своих материальных оков.

Но по прошествии времени в среде христиан стали появляться такие индивиды, которые, нахватавшись верхов Учения, пытались организовать с помощью этих знаний свой культ, утвердить собственную значимость в массах, прикрываясь именем Христа. Люди, по большому счету, все-таки остаются людьми... Вот именно от них и пошло сокрытие истинных знаний,

исполнение внутренней молитвы с последующим сосредоточением на сердце. И все же некоторые истинные последователи Христа сумели сохранить знания для своих потомков в чистом виде. Они называли свою тайну между собой не иначе как великой.

А в Библии есть упоминания о внутренней молитве?

Да так, сохранились кое-где. Библия же формировалась по выборочным записям, тем более под контролем императора Константина. То, что там сохранилось, это в основном притчи да косвенные намеки на данную внутреннюю молитву.

Ну к примеру? — не отставал Макс.

Ну к примеру, притча Иисуса о мытаре. Она описана в Евангелии от Луки в главе 18 с 10 по 14 стих. Там говорится, как два человека пришли в храм помолиться. Один фарисей, второй мытарь. «Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже, будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

Конечно, это не точные слова Иисуса, кое-что добавлено, кое-что не дописано, но общий смысл верен. Для основной массы людей Иисус пытался раскрыть в притче самые элементарные понятия о сущности человеческой... Поскольку невозможно животному рассказать, что такое духовное в чистом виде. Это все равно, что объяснять слепому от рождения, прошедшему всю жизнь в песках пустыни, что такое красота осеннего леса во время заката солнца. Поэтому и приходится пользоваться ассоциативными сравнениями и образами. Духовные же люди понимают друг друга без слов. Это совершенно другой уровень восприятия.

В этой притче опять есть упоминание о «грешнике», — заметил Женька. — Ох, и любят попы эту заморочку!

От того и любят, что это их хлеб. Вменяя человеку, стоящему на духовном пути, греховность, они вбивают ему в подсознание комплекс вины. А это в дороге «аки камень, привязанный к ногам»... На пути же к Богу не должно быть никаких сомнений, все отбрасывается, остается только чистая Любовь. Если человек становится внутри истинно свободным, отменяя все, кроме Любви, Любви к Богу, любые пути просто исчезают. Потому что они — не что иное, как иллюзия. Человек осознает, что его тело — лишь повозка. И она поедет туда, куда хочет он истинный, то есть его душа.

Так получается, что человек, следуя путем внутренней молитвы, тоже вначале уравнивает в себе духовное и материальное начало? — задумчиво произнес Макс.

Да, просто потратит на это больше времени.

А для выполняющего эту внутреннюю молитву вот эти стадии «уст» и «ума» и будут тем самым генеральным сражением, личным Армагеддоном, о котором ты рассказывал? — уточнил Макс, пытаясь для себя что-то уяснить.

Нет, — ответил Сэнсэй. — Это так, артподготовка. Генеральное сражение для человека, движущегося по духовному пути, будет тогда, когда начнется серьезная внутренняя работа, когда человек, отменяя все условности, будет по-настоящему возвращать внутреннюю Любовь, идти к Богу, несмотря ни на что, как говорится напролом. Проще говоря, когда он будет приближаться к Вратам, вступая на единственно ведущий к ним мост или тропу, как угодно это называй. В принципе, этот главный конечный отрезок предстоит пройти всем людям, достигающим определенной степени духовной зрелости. Причем независимо от того, каким именно путем они пришли к нему. По большому счету, все эти разнообразные пути — всего лишь различные способы поиска, нащупывания той единственной тропы, которая ведет к Вратам.

А как же ты узнаешь, ту ли ты тропу нащупал или вновь пошел по кругу в дремучий лес? — высказал сомнение Макс.

Не беспокойся. Любой человек, вступивший на эту тропу, все почувствует. Более того, его начнут сопровождать знаки.

Знаки?

Ну да, так сказать указатели в духовном путеводителе.

А если расширить данную тему?

Можно и расширить... Я опущу все те внешние знаки, которые человек начинает видеть и понимать, благодаря усилению своего интуитивного восприятия. А расскажу о самом главном внутреннем знаке, который появляется, как только человек вступает на этот мост или тропу, то есть вступает в окончательную битву со своим животным началом за главенство души в данном теле. Этот знак проявляется в виде головы древней рептилии, змея или дракона. Но чаще всего люди начинают видеть, словно на них смотрит кобра с раздутым капюшоном. Взгляд ее не агрессивный, а спокойный. Смотрит глаза в глаза, скорее даже в область переносицы. Причем человек видит ее образ перед собой как с закрытыми, так и с открытыми глазами. На этом отрезке духовного пути она периодически появляется перед взором даже в обычной жизни. Иногда людям кажется, что у них начинаются какие-то навязчивые галлюцинации. То там змея промелькнет, то там проползет. Это нормально для идущих через мост.

У каждого, конечно, возникает свой образ рептилии. Отчасти это связано с внутренним воображением, имеющимися на данный момент вариантами из ассоциативной памяти. И отношение к появлению этой рептилии тоже разное. Если человек вырос в той местности, где змею почитают как священное животное, то и реагировать он будет соответственно более-менее спокойно. А у того, кому с детства прививали страх, естественно сначала будет возникать такая же ответная реакция — чувство боязни и отвращения. Но как бы там ни было, когда человек преодолевает свои иллюзии, в том числе и страх, когда он полностью отказывается от своего негатива и осознает истину, вот тогда он и понимает, что Змея — всего лишь Первый Страж. Поскольку проход дальше осуществляется только под наблюдением, так как на данном отрезке духовного пути начинают работать уже более серьезные энергии...

А насколько серьезные? — поинтересовался Макс.

Ну, суди сам. Прошедшему Первого Стража открываются такие возможности, благодаря которым он может управлять не только природными стихиями, но и судьбами людей...

Да уж, не хило, — удивленно произнес Макс.

Так вот, когда человек завершает так сказать свой переход через данный мост, то есть выходит с победой из этой последней битвы, личного Армагеддона, посадив свое животное начало на цепь, вот тогда Змей исчезает. Человек становится гораздо выше и чище духовно... Проще говоря, весь этот процесс есть не что иное, как этап работы центров гипоталамуса, о которых мы говорили, до полного или частичного торможения центра отрицательных мыслей — какодемона. Кстати, подобный процесс в древней йоге ассоциируется с пробуждением спящего змия и поднятием его по позвоночнику до чакрана «Тысячелистника», коим и является проекция эпифиза.

А дальше? — разобрало любопытство Макса.

Дальше?! — усмехнулся Сэнсэй. — Ты хотя бы этот путь пройди. Из всей массы людей, топающих по духовным путям, лишь немногие добираются до моста, тем более до Врат. Хотя это самое примитивное и элементарное в настоящей духовной работе... А дальше... Дальше уже начинается путь избранных, связанный с раскрытием эпифиза. На этом пути появляется другой, более высший знак — Глаз, или как его еще называют Всевидящее Око. На Востоке данный знак именуют Всевидящий Глаз Востока. В Древнем Египте его величали Глазом Бога Гора. А самое

первое, древнейшее ему название — Глаз Богини Фаэтона или планеты Фаэтона. Лишь единицы всего когда-либо жившего человечества, проходили этот путь... Так что вам это ни к чему пока знать. Ваша задача — хотя бы до Врат добраться. В принципе, «Цветок лотоса» доводит именно до этого уровня. А дальше начинаются совершенно другие медитации, где ставятся новые цели и задачи... Но вообще-то это людям ни к чему. Это путь Бодхисатв...

То есть «Цветок» — это как бы этап приобретения внутренней Свободы, — сделал выводы для себя Макс.

Совершенно верно. Люди, прошедшие этот последний участок духовного пути до Врат, когда встречаются, понимают друг друга без слов. Они встречаются как братья, хотя могут принадлежать к абсолютно разным религиозным организациям. Почему? Да потому, что внутри они становятся свободными и понимают, что по существу служат одному и тому же Богу и неважно как его люди называют. Просто каждый из них служит по-своему. И данное понимание находится вне слов...

Человек, находящийся в Боге, полностью свободен от каких-либо предрассудков. Обретая Бога внутри себя, он, по сути, обретает самого себя истинного, свое вечное счастье, ни в какое сравнение не идущее с земными удовольствиями. И такой человек никогда не променяет один час, минуту, секунду этого блаженного состояния жизни в Боге на десятилетия молодости, здоровья, материальных удовольствий и наслаждений, даже если ему будет принадлежать власть над всем миром. Потому что для данного человека это равносильно променять, ну, к примеру, чаепитие в теплом, уютном доме с самым близким, дорогим человеком на сидение на колу посреди площади, когда тебя бьют, пытаются, прижигают каленым железом. Вот такая разница для тех, кто это понимает.

Человек без Бога в душе — словно в изгнании. И практически вся его жизнь проходит в пустых миражах, горьких и сладких иллюзиях, которые, как бы он ни хотел, все равно заканчиваются. И эту призрачную жизнь своей материи он не продлит ни на секунду. Многие люди задаются вопросом: «Зачем мы живем?» Неужели для того, чтобы набить свой живот, сотворить потомство да приобретать и властвовать?! Это ведь всего лишь пыль в мгновении. А потом?..

* * *

После этого разговора Макс несколько дней пребывал в какой-то эйфории. Находясь на этой волне, он капитально прошелся вдоль и поперек по имеющейся литературе, сопоставляя то, что он нашел в книгах о древних цивилизациях с информацией, полученной от Сэнсэя. Результаты поисков не то что удивили, а просто поразили его.

На следующую тренировку Макс пришел пораньше. К его счастью, Сэнсэй вместе со своими ребятами уже находился в спортзале...

Смотри, что я нашел, — раскладывая перед Сэнсэем результаты своих поисков, похвастался Макс. — А вот на это взгляни. Эта находка датируется временем шумерской цивилизации... Сейчас хранится в Париже в Лувре.

А, кубок Гудеа, — спокойно сказал Сэнсэй, глядя на фотографии, сделанные в разном ракурсе, словно речь шла о давно знакомой ему вещи.

На картинках был изображен кубок со странным рельефным рисунком. Две змеи извивались вокруг жезла. Пасти змей были обращены одна к другой и соприкасались с углублением для выливания воды на верхнем крае кубка. По бокам от змей стояли два крылатых

чудовища с головами дракона, телами пантеры или льва, когтями хищного зверя на передних лапах и орла на задних. Хвост каждого из них оканчивался жалом скорпиона. В лапах они держали нечто похожее на меч с рукояткой или жезл.

А что это? — поинтересовался Володя.

Это ритуальный кубок, — ответил Сэнсэй, — изготовленный в двадцать втором веке до нашей эры для царя Гудеа, правившим Лагашем.

Чем правившим? — переспросил Володя.

Лагашем. Лагаш — это древнее шумерское государство с одноименной столицей, расположенное в Южном Двуречье... Кажется, сделан этот кубок из зеленого стеатита.

Макс порывлся в своих записях и недоуменно произнес:

— Там ничего про это не сказано.

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся. Макс снова пролистал записи.

Ну, неважно. Ты посмотри на рисунок. Ведь если вспомнить твой рассказ о процессах, происходящих в мозге при духовной практике, то гипоталамус тут представлен в виде древнего дракона, как бы внешнего Стража, причем в двойном виде, открывающим двери для стимуляции эпифиза. Помнишь, ты говорил, что в йоге эта ассоциация связана с поднимающейся по позвоночнику змеей... Я так понял, эти рисунки на кубке означают зашифрованные знания?!

Ну что я могу сказать, — улыбнулся Сэнсэй. — Я рад, что мои слова на сей раз не превратились для тебя лишь в очередное колебание воздуха. Да, действительно. На кубке изображен вход в Портал через стимуляцию гипоталамуса и эпифиза.

Макс тоже улыбнулся, вполне довольный собой. Он вновь заглянул в свои записи.

— Тут еще написано, что «... как гласит расшифрованная на нем надпись, кубок посвящен...» какому-то Нингишидзе...

Женька, слушавший их беседу, усмехнулся.

— Ну надо же, двадцать второй век до нашей эры и туда грузины затесались! Я и не знал, что они такие древние.

— Да не Нингишидзе, а Нингишзиде, — поправил с улыбкой Сэнсэй.

Макс внимательно прочитал данное слово.

Точно!

Вот, вот! — весело посетовал Женька. — Из-за такой малюсенькой невнимательности и совершают такие большие, я бы сказал роковые исторические ошибки самые «светлые умы»...

Все засмеялись.

Да ладно вам, — обиженно промолвил Макс и продолжил прерванный рассказ. — Короче, этот Нингишзиде, — произнес он членораздельно, — был местным божеством весны, целителем и покровителем плодородия. Его называли также «господином леса жизни», «господином избытка воды». А в энциклопедии я нашел, что этот Нингишзиде... — он глянул в тетрадку и прочитал, — «является хтоническим божеством, сыном бога подземного царства Ниназу, именовавшимся «прислужником далекой земли», сторож злых демонов, сосланных в подземелье, бог, защитник и покровитель Гудеа». А еще считается, что, по представлениям древних шумеров, Нингишзиде был посланцем Великой Матери-Земли, во владения которой он приносил с небес от Нингарсу в весеннее время влагу и тепло. То есть выступал в качестве посредника между Землей и Небом. А этот самый Нингарсу или Нингирсу якобы был один из богов, сыном бога Энлиля, который нагоняет ветрами с гор дождевые тучи.

Чего, чего?

Настала очередь удивиться Сэнсэю. Он не выдержал и расхохотался.

Тут так написано, — смущенно сказал Макс, пробегая глазами строчки и полагая, что где-то вновь ошибся в названиях.

Ну накуролесили, ну накуролесили! — смеясь, заметил Сэнсэй. — «Хтоническое божество»... Вот клоуны! Нингишзида, говоря по-русски, был просто Сокровенником, а Нингирсу — Межанином.

А кто это? — удивился Макс.

Межанин — это человек, имеющий доступ в Шамбалу через Преддверье, общающийся непосредственно с Махатмами. А Сокровенник — это ученик Межанина, также обладающий определенными духовными знаниями. Он способен посещать лишь Преддверье Шамбалы... «Нингишзида» в переводе с шумерского означает «владыка чистого (святого) дерева». Проще говоря, он обладал некоторыми знаниями науки Шамбалы. «Нингарсу» переводится как «главный сеятель», позже его стали переводить как «верховный пахарь», «владыка земледелия». Энлиль — это одно из имен Махатмы, входящего в семерку Бодхисатв Шамбалы.

Макс подумал-подумал, перечитал про себя предыдущие предложения и сказал:

— Вообще-то конечно. В данном ключе информация воспринимается совсем по-другому. А то я вижу, что вроде на кубке серьезные рисунки, а текст к нему — сплошной детский лепет.

Ну, Макс, серьезными рисунками они и для тебя стали совсем недавно. Еще неделю назад ты бы их даже вниманием не удостоил, пролистнув страницу и подумав лишь, насколько наивны были древние. Так всегда: для толпы данная информация подается в ассоциативных образах для забавы, а для людей сведущих — в качестве знания для внутренней работы.

Я вот еще о чем хотел спросить. А почему там изображены две переплетенные между собой змеи, поднимающиеся по жезлу?

Ну, во-первых, это указывает на специфические моменты стимуляции эпифиза в духовной практике... Во-вторых, две змеи по восточной символике входят в одно из обозначений знака Шамбалы и переводятся как «Преддверье». А в-третьих, до периода полного антропоморфизма...

Не понял, чего? — переспросил Макс.

Изображения человеческих форм... Так вот, богов в те древние времена изображали в виде животных. И одним из основных символов была змея. Две спарившиеся змеи означали «приносящие обильный плод», то есть олицетворяли самую плодовитую форму жизни. Ну а уж из этого определения каждый выносил свое понятие, согласно уровню внутреннего развития.

Макс снова порылся в записях.

А еще я нашел древнюю легенду о шумерском и аккадском мифическом герое Гильгамеше.

Ну не такой уж он и мифический, — как бы между прочим заметил Сэнсэй.

Макс сделал паузу, ожидая, что Сэнсэй что-то добавит, но тот молчал.

В общем, — продолжил Макс, — согласно мифу был такой человек по имени Ут-Напишти, получивший от богов великий дар бессмертия. Он открыл Гильгамешу «тайное слово» о цветке вечной молодости. И посоветовал ему опуститься на дно океана, чтобы сорвать это растение бессмертия. Гильгамеш так и сделал, но неосторожность погубила его. На пути домой он увидел водоем. Пока Гильгамеш купался, змея похитила цветок и сразу же, сбросив кожу, помолодела. Гильгамеш же, как и все человечество, остался смертным.

Совершенно верно. Этот, как ты говоришь, миф был описан в «Поэме о Гильгамеше», произведении Вавилонской культуры. Однако сама поэма своими корнями уходит в дописьменный период Месопотамии. А вообще, Гильгамеш был вполне реальным человеком, пятым правителем первой династии шумерского города-государства Урука. И «цветок вечной молодости», его еще называли древние «растением бессмертия», «травой бессмертия» — не что иное, как лотос, семена которого сохраняют всхожесть на протяжении тысячелетий. Гильгамешу были действительно открыты знания Ут-напишти. Работая над внутренним, он смог побывать в глубинах своего знания. Гильгамеш очень многое постиг. Однако не смог пройти Стража-Змея,

то есть побороть свое животное начало. Оттого и остался смертным.

Ведь жизнь ставит всевозможные барьеры, какие только можно себе представить. И все для того, чтобы тебя остановить. Чем выше человек становится духовно, тем серьезнее бывают барьеры. А когда ему глубоко на них наплевать, они просто исчезают, как мираж, как иллюзия. По факту их нет. Когда же человек попадает в ловушки своего животного, это говорит о том, что он материален, что он в конфликте с собой и полностью не принадлежит духовному. Когда человек сдается, значит, он не достоин покинуть круг реинкарнаций...

Тут еще говорится, — сказал Макс, — что это один из первых письменных документов в истории, где упоминается о бессмертии змеи.

Ну допустим, пока он является одним из первых общеизвестных.

Слушай, я еще здесь нашел греческий миф о змее. Там говорится, что верховный бог Зевс подарил людям чудесное средство вечной молодости. Но вместо того чтобы самим нести этот драгоценный дар, люди возложили его на осла, который отдал свою ношу змее. С тех пор люди несут тяжелое бремя старости, а змеи наслаждаются вечной молодостью, набирая с годами знания и приобретая мудрость.

Ну, скажем так, это греческий вариант мифа о Гильгамеше.

Скорее всего, — кивнул Макс. — А вот в другом греческом мифе тоже почти о том же говорится... Вот! «Однажды Асклепий был приглашен во дворец легендарного царя Крита Миноса, сына Зевса и Европы, чтобы оживить его умершего сына. На своем посохе он увидел змею и тут же убил ее. Но явилась другая змея с целебной травой во рту и воскресила убитую. Асклепий воспользовался той же травой, и ему удалось воскресить ею умершего». А дальше тут пишется, что он исцелял этой травой людские болезни. В другом же варианте этого мифа Асклепий был приглашен к Главку, пораженному молнией. Во время осмотра пациента в комнату вползла змея, и он убил ее своим посохом. Тотчас появилась вторая змея с травой во рту и оживила убитую. Асклепий этой же травой исцелил Главка и взял ее себе на вооружение». Из всего этого тут делается вывод, что Асклепий как бы нашел ту траву, которую потерял Гильгамеш, и вернул ее на службу людям.

— Вот именно «как бы», — в шутку ответил Макс Сэнсэй. — Кабы не кабы, да не но, то был бы генералом давно, — и обращаясь к Володе, добавил: — Видишь, как со временем начинают трактовать древность. Это то, о чем мы с тобой говорили.

Макс увидел молчаливое согласие Володи и поспешил продолжить свою тему, чтобы разговор не перешел в другое русло.

— Я так понял, символ змеи почитался издревле, ведь раньше был целый культ. Оказывается, еще в эпоху матриархата, когда люди жили группами, родом или племенем, одним из популярных тотемов тогдашнего времени являлась змея. Особенно это было распространено на Древнем Востоке. Там главной богиней была Мать-Земля и связанные с нею образы быка и змеи. В трипольскую культуру змеи были глубоко почитаемы. По исследованиям археологов, в трипольской орнамике эпохи матриархата змеиный узор был одним из распространенных сюжетов. И причем, встречались змеи одиночные и парные, обвивающие грудь Великой Матери. Им приписывались оберегающие, охраняющие функции. Трипольцы считали змей посредниками между Небом и Землей, вестниками их единения.

Сэнсэй молчал, никак не реагируя на то, что с таким воодушевлением рассказывал Макс.

— Я также заметил, что в первых древних цивилизациях, в Месопотамии, Египте, Китае культ плодородия переплетался с обожествлением водной стихии, с идеей умирающего и воскресающего бога зерна и опять-таки с тотемными образами быка и змеи. Причем змей называли «живущими около источника». Я и подумал, если информация зашифрована в образах, то «источник» по идее — «чистое знание»... А тут всплыли еще некоторые любопытные

фактики. В Вавилоне змею называли не иначе, как «дитя богини Земли», в Египте «жизнью Земли» и часто изображали змей в виде орнамента на коронах богов и фараонов. И что самое интересное, сходные представления имелись у многих народов мира. Между прочим, по-арабски слова «жизнь» и «змея» произносятся одинаково — «эль хай». И такое совпадение имеется также в языках многих индийских племен...

Но и эта информация не произвела на Сэнсэя ожидаемого эффекта. И Макс решился высказать свои последние «веские аргументы».

— Кстати, я нашел, что у древних египтян существовало поверье, будто небесная вода, находящаяся на верхнем Небе выше солнца и звезд, охраняется Великим Змеем Апопом. Представляешь, какая информация открывается, если эту легенду перевести на язык знаний о внутреннем! Если «змей» — это Страж, «влага» — источник знаний, а «земля» — это наш разум... — Макс аж захлебывался от своих открытий, а Сэнсэй лишь молча улыбался. — В этом же поверье говорится, что именно по воле этого Апопа небесная влага изливается, оплодотворяя землю. Этого Змея также считали олицетворением мрака и зла, извечным врагом солнца Ра. А в некоторых легендах этот Змей выступает как поглотитель воды. И самое любопытное — то же имеется и в древнеиндийских легендах, только там в образе Апопа выступает змееобразное существо демон Вритра, который был противником главного божества неба Индры. Причем Вритра — не только хранитель небесных вод, но и существо, регулирующее подачу влаги и солнца, а также стихий.

Я там столько всего отыскал! Этих сведений о змее — поглотителе вод, который «запирает истечение небесной влаги» полно и в общеафриканских представлениях, у монголов, японцев. А про китайцев я вообще молчу. Там с глубокой древности почитали Дракона как властелина влаги, мудрости. Он воплощал мужское начало «ян», сливающегося со стихией «инь», где «ян» считался «огнем», а «инь» — «водой». Причем, представляешь, вода — это его внешняя среда, а огонь — внутренняя сущность!

— Представляю, — ответил Сэнсэй не без юмора. — Китайцы вообще очень тонко и близко подошли к этому вопросу.

— Вот! И я о том же! Меня поразило, что у народов почти всех континентов Европы, Азии, Америки, Африки змей был воплощением двух противоположных начал — добра и зла. Помнишь, ты рассказывал о центрах в гипоталамусе?! И главное, полно легенд, как побеждали этого змея, у греков — Аполлон и Геракл, у христиан — Георгий Победоносец... А еще, — не мог остановиться Макс, — я читал в этнографии, что у разных народов — славян, греков, грузин и других, сохранились легенды и сказки, где говорилось о том, что употребление сердца и печени змеи наделяло человека способностью понимать язык птиц и зверей, а также давало дар ясновидения и сверхчеловеческие возможности.

— Каждая легенда остается легендой. Но не всякая сказка есть сказка, — усмехнулся Сэнсэй.

Да, вот еще интересные сведения по поводу славян. Оказывается, издревле на Руси носили змеевики-обереги, которым приписывались способности предохранять от всех болезней и бедствий. Написано, что истоки змеевиков уходят в глубь тысячелетий.

Да, они были и в Шумере, и гораздо раньше, — добавил Сэнсэй. — Существовали еще в той древности, о которой ты никогда и не слышал.

Макс помолчал, а потом добавил:

Знаешь, меня еще заинтересовало изображение на этом змеевике. Самые древние русские змеевики-обереги имели круглую форму. На одной стороне изображались семи- и двенадцатиголовые змеи или драконы, другие чудовища-охранители. А на другой стороне...

Солнце, внутри которого был треугольник с глазом, — закончил предложение Сэнсэй.

Точно! — изумленно произнес Макс. — А потом, с приходом христианства, этот старинный символ, как языческий, заменили изображением Архангела. И вкупе со змеями получилось такое своеобразное сочетание элементов язычества и христианства... А что это за знак?

Это печать Шамбалы.

Печать Шамбалы? — чуть ли не хором спросили Женька и Володя.

У славян? — недоуменно произнес Макс.

А что вы так удивляетесь? — пожал плечами Сэнсэй. — Славяне — это народ, отмеченный еще задолго до его рождения и формирования. В славянах скрыт огромный духовный потенциал, способный изменить весь мир. Поэтому они и отмечены, так сказать, с самого рождения знаком Шамбалы. Кстати говоря, этот знак есть практически в каждом храме. Под этим знаком короновали некоторых русских царей.

Не может быть! — удивленно проговорил Макс.

А ты подними историю. Даже последний русский царь Николай II короновался под печатью Шамбалы. И это считалось величайшей. Честью...

Да, бедная Россия, — с сожалением сказал Володя, подумав о чем-то своем. — Теперь вряд ли она возродится в такую Мощную державу. Надо же, как нам по морде съездили! Весь славянский народ одним подлым ударом нокаутировали.

— Ничего, Володя. Нокаутировали плоть, но отнюдь не Дух. Поверь мне, Россия еще возродится и произойдет объединение славян, которое назовут великим. Ибо сказано, «когда над главою России взойдет солнце во второй раз, славянский дух наберет силу и воссияет в чистоте своей и единстве среди народов». И я думаю, вскоре ты лично будешь лицезреть, как на Российский престол взойдет... Некто, набравший силу. И весь мир увидит, как он будет присягать славянскому народу под печатью Шамбалы.

— Дай-то Бог, — ответил Володя.

Бог-то дает. И не только дает, но и воздает, — задумчиво проговорил Сэнсэй. — Кстати, это событие свершится за два месяца и восемь дней до знамения времен, предсказанного еще древними.

Знамения времен? — с любопытством спросил Макс. — А что это за знамение?

Падение на Египет огненных птиц, которое произойдет за восемь лет пять месяцев и шесть дней до обновления света...

Макс не знал, что этот день, день его личных открытий, соприкосновения с прошлым и будущим настолько западет ему в душу... Сейчас он понимал, почему тогда так таинственно улыбался Сэнсэй на протяжении всей беседы по поводу его «грандиозных находок».

* * *

Время стремительно летело, как стрела, выпущенная из тугого лука. А Макс все пребывал в утопии своих иллюзий, тщательно взвешивая все «за» и «против» в философии Сэнсэя. Он беспечно раскачивался на качелях своего ума, восхищаясь то высотой духовного, то высотой своего животного. И тешил свое самолюбие тем, что имел собственное мнение и даже острил по поводу положения обоюдных сторон. Ему нравилось рассуждать, копаться в сути. Но все эти навороты ума в действительности представляли собой лишь легкие завихрения воздуха, рождаемые в полете. На ветер все чаще бросались слова, которые в основном сотрясали воздух, но не трогали душу. Его качели продолжали раскачиваться, несмотря на быстротечность уходящих дней. И только крайне редко, когда Сэнсэй необыкновенно искренне общался с

Максом, тот начинал понимать немного больше. Такие моменты, моменты потеряннного «рая», и всплывали сейчас с невероятной отчетливостью перед ним.

* * *

Он сидел в машине с Сэнсэем, дожидаясь встречи с одним человеком по вопросам фирмы «Кассандра». Макс переживал, как ему казалось, не самые лучшие дни в своей жизни. На душе было муторно от всей этой суеты мира. Макс вспомнил, как несколько дней тому назад он в очередной раз забросил упражнения по духовной практике «Цветка лотоса», мотивируя для себя это тем, что у него мало путного что получается. Да и проблем по работе, которые требовали безотлагательного решения, навалилась целая куча. Но как он ни старался им уделить все свое внимание, их не уменьшалось ни на толику. На Макса напало очередное уныние, и он вновь стал подумывать о том, как бы начать серьезно заниматься духовным... Об этих проблемах и завел он разговор с Сэнсэем, воспользовавшись случаем поговорить наедине.

— Ну почему у меня опять ничего не получается? — жаловался Макс. — Вроде начинаю делать «лотос», ощущаю прилив радости. А потом...

Он махнул рукой.

— Это естественный процесс, — ответил Сэнсэй. — У многих такое происходит. Вначале все ощущают прилив своеобразного духовного возбуждения, можно сказать душевный подъем и необычайно ясное понимание глубины божественного естества. Многим кажется это настолько простым, что они удивляются, как до сих пор не могли понять такого элементарного. То есть человек как бы пробуждается духовно. Но... проходит денек, другой и начинается духовный спад. Активизируется животное начало. Человек уже не чувствует былого возбуждения. Его начинают атаковать подлые и грязные мыслишки, что все это духовное — ерунда, какой-то «развод». Он начинает думать, что это маразм, глупость, что попросту сходит с ума, бредит, что у него чуть ли не шизофрения началась, поскольку он становится не такой как все. Ему уже лень молиться, медитировать. У него в голове возникает тысяча отговорок, что он устал, что ему некогда... Зарождается ощущение какой-то неловкости, порой давящее чувство вины за пережитые мгновения духовной возвышенности. Но вины перед кем? Перед собственным животным началом! Или же начинают наваливаться какие-то проблемы, что-то случается. Человек погружается в эти заботы. В общем, делается все, чтобы отвлечь его внимание от духовного. И человек, поддаваясь на данные провокации, просто проигрывает этот бой своему животному, забывая напрочь то, что было буквально два дня назад.

Умный же человек разберется в себе, постарается понять, почему нет такого желания, такого возбуждения, нет былого удовольствия от выполнения духовной практики. Он поймет, что у него просто-напросто активизировалось животное начало... А глупый человек пойдет на поводу у своей материи. Но спустя какое-то время, когда ослабеет натиск животного, он снова бросится в поиски духовного, начнет читать, перечитывать... Ему всё время нужны примеры, какие-то доказательства, демонстрации духовных возможностей. Все это опять даст большой духовный всплеск. Данный процесс можно сравнить с выбросом адреналина при чрезмерном возбуждении. Но в дальнейшем, когда прекращается действие, скажем этих «гормонов», у человека снова упадок сил, во время которого он опять сдается животному. Для того чтобы этого не произошло, нужно четко знать многое, представлять себе свое положение и быть готовым к предстоящим состязаниям. Когда возникает такой материальный барьер, нужно его просто убрать в сторону, скажем так, разделить «Кесарю — кесарево, Богу — богово». Оставаться на стороне духовного и вдвойне усилить свой натиск. Смысл в том, чтобы выйти из ситуаций,

смоделированных животным началом, правильно, с сохраненным «цветком». Ты должен отвлекаться от навязываемого тебе негатива, который будет давить на тебя со всех сторон. Отвлекись на внутреннюю любовь, на положительное. В тебе должна присутствовать твердость убеждения, потому что твоя вера — это твоя будущая реальность.

Сложно поддерживать в себе внутреннюю любовь, — посетовал Макс.

На самом деле это только кажется, что сложно. Сложно, потому что много соблазнов вокруг, потому что в тебе начинает прокручиваться множество мыслей, на которые ты рассеиваешь свое внимание. А по существу все просто. Тебе ведь не сложно выпить стакан воды? Нет. Это же не отвлечет тебя от той мысли, которую ты обдумываешь? Нет. Так и здесь... Человек по жизни точно бежит через лес, кишачий мыслями материального начала. И в этом лесу очень много уловов, зацепок, расставленных сетей, вырытых ям. Но человек должен бежать с открытыми глазами. Должен учиться уклоняться и видеть эти ловушки, понимать, что все это не его.

Да, цепляет животное капитально.

Естественно. Оно и должно цеплять. Его цель — подчинить тебя себе, иначе оно будет в твоём подчинении. Это война, Макс. Твоя война, где главное твоё оружие — вера. Выбравшему духовный путь нужно просто отбросить все пустые иллюзии, «аки мираж в пустыне», как говорили святые. Ему нужно научиться понимать, что весь этот материальный мир — всего лишь мгновение перед вечностью. Но вся беда в том, что многие в начале этого пути спотыкаются об один и тот же камень преткновения: человек не может поверить в бесконечность будущего существования, в то, что там жизнь вечная, а здесь — временная. Ему нужны доказательства. А когда он получит эти доказательства, порой бывает слишком поздно что-либо изменить. Но если в человеке достаточно силы, то он не нуждается в каких-либо доказательствах. Он и так все чувствует и понимает.

А ты какую силу имеешь в виду?

Силу души. Это частица самого Бога в человеке! Но частица эта, скажем так, не активирована. А катализатор для активации — наш истинный выбор. Святými становятся здесь, на Земле. Человек, победивший своё животное и достигший просветления, не умирает, он уходит к Богу...

Но что же лично у меня не так? Я же не совсем конченный? — пошутил Макс.

Не совсем, — так же в шутку ответил Сэнсэй. — Надежда, как говорится, умирает последней.

— Так в чем же моя проблема?

Сэнсэй устало посмотрел на Макса.

— В том, в чем и у многих. Ты любишь смотреть на поле боя издали и рассуждать о битве, но не принимать в ней участие. Твои сомнения — это не просто ложка дегтя в бочке с медом. Это целый черпак цианистого калия. Потому что они не только портят, а убивают все самое лучшее в тебе... Тебе нужно преодолеть свои сомнения, пока они не завели в омут. Откинь их подальше! Живи по-доброму, по-хорошему, с Богом в душе. Ничего не делай плохого, даже если тебе это невыгодно... Истинно духовному человеку на все эти материальные проблемы и «заморочки» по большому счету глубоко наплевать. Потому что все это мираж и иллюзия, которая сгинет и рассеется.

Нет, ну как это наплевать? А как же жить в мире? Ведь как-то нужно решать проблемы. Не сидеть же, сложа руки, тем более, если эти проблемы касаются не только тебя, но и твоих близких.

Ты меня не понял. Решать проблемы безусловно нужно, но не превращать их в смысл своего существования. И главное, что бы ни случилось, как бы тебя ни кидало из проблемы в проблему,

важно всегда оставаться Человеком. Потому что любая твоя заморочка по жизни — это, в первую очередь, не что иное, как проверка на твою животную «вшивость». Поэтому духовно устойчивому человеку просто наплевать на то, что у него периодически возникают те или иные сложности. Он с ними справляется, но не допускает их поработящего главенства в мыслях. А глупый человек поддается на эту провокацию своего животного и позволяет себя вести, как ослика на подвешенную перед ним морковку, даже не замечая, что приближается к краю пропасти. Так что по существу, любая внешняя проблема, которую ты серьезно воспринял, есть твоя внутренняя проблема, личный внутренний конфликт между тобой и твоим животным. Все в тебе!

После этих слов Макс воспрянул духом, даже какое-то время держался устойчиво на положительной волне. Но потом слова Сэнсэя забылись, и Макс снова по старой привычке с головой окунулся в свои дела, отдаляясь от духовного и погружаясь в еще более запутанные лабиринты жизни животного начала.

* * *

Девочка вздрогнула, открыв глаза.

— Сэнсэй, как же так получилось? Я ведь не предполагал... Как же теперь я буду со всем этим жить?

Он посмотрел на свое детское тельце.

Да чего ты переживаешь? — весело подбодрил его Сэнсэй. — Ты же любил носить косичку. Теперь вдоволь наносишься, даже с бантиком. И за бородой ухаживать не надо.

Сэнсэй, мне не до шуток. Я серьезно!

Так и я серьезно.

Нет, правда? Как могло такое со мной случиться? Я же пытался идти по духовному пути...

Вот именно, пытался, но не шел, — серьёзно сказал Сэнсэй. — Духовный путь — это тебе не парк для прогулок и развлечений. Если стал на этот путь, надо идти к вершине, а не изображать подобие ходьбы — два шага вперед и три назад... Скажи еще спасибо, что это тело получил. Могло быть гораздо хуже...

В былое время Макс, услышав подобное, непременно бы сострил в ответ, расценив подобные слова Сэнсэя как шутку. Но сейчас он не сомневался в правдивости слов Сэнсэя. Но слишком поздно до него дошло это осознание.

Макс потупился. Легкий холодок пробежал по его тельцу.

Жаль мне тебя, — с грустью промолвил Сэнсэй. — Если бы ты захотел, еще при той жизни смог вырваться из цепи реинкарнаций. У тебя был такой шанс, какой мало кому выпадал в жизни.

Как же так... как же так... — в растерянности бормотал Макс.

Как, как, — с горечью усмехнулся Сэнсэй. — Поосторожнее надо было быть в своих желаниях.

Желаниях?

Макс взглянул на Сэнсэя, и в памяти всплыл эпизод из прошлой жизни...

* * *

Как-то раз на одной из тренировок Сэнсэй объяснял очередную медитацию по улучшению навыков в боевом искусстве. Вскользь он зацепил тему ясновидения, упомянув, что этим даром в принципе может обладать даже обычный человек. После занятия как всегда особо любопытные стали расспрашивать Сэнсэя об этом феномене. Большая часть из них, естественно, сомневалась в реальности подобного явления. Поэтому разговор потек не по руслу объяснения самого феномена, а коснулся соответствующих примеров из истории. В конце концов, Сэнсэй махнул рукой на особо сомневающихся, устав им доказывать и так вполне очевидное. Он предложил убедиться во всем путем эксперимента. Суть его сводилась к следующему. Любой мог позвонить своему другу, родственнику или знакомому. Перед этим звонком Сэнсэй рассказывал, где находится тот человек, во что одет и что на данный момент делает.

Группа заметно оживилась, обсуждая между собой, кто же из них будет в этом эксперименте участвовать. Потом все пошли в тренерский кабинет, где был телефон. Все случилось так, как и говорил Сэнсэй. Очередной участник сел напротив него. Сэнсэй прикрывал глаза, сосредоточивался. Потом как ни в чем не бывало выдавал соответствующую информацию. Последующим звонком участника она с удивительной точностью подтверждалась. Самое интересное, что большее впечатление это произвело на тех, чьим друзьям звонили. Остальные наблюдатели эксперимента и верили и не верили этой демонстрации феноменальных человеческих способностей. Каждому хотелось самому убедиться так сказать в его чистоте и реальности происходящего на своих личных знакомых. Но Сэнсэй продемонстрировал это только трижды.

Макс был тогда в числе наблюдателей и, как обычно, с сомнением воспринял эту очередную демонстрацию Сэнсэя. Уж слишком просто все выглядело. Он усердно пытался отыскать свое логическое объяснение происходящему. Но кроме назойливой мысли, что все это, возможно, заранее подстроено, ему ничего путного в голову не приходило. Хотя он и в этом тоже сомневался.

Буквально через пару недель Макс снова вспомнил демонстрацию Сэнсэя в связи с непредвиденным случаем. У его соседей пропала внучка. Девочка-подросток вместе со своей подружкой ушла на дискотеку и не вернулась. Через два дня ее подружку нашли мертвой с множественными ножевыми ранениями. Что случилось с соседской девочкой, никто не знал. Родственники безрезультатно обзвонили в городе все больницы, морги, реанимации.

Ее бабушка была человеком богомольным, ходила в церковь. Однако в этой ситуации она впала в такое отчаяние, что собралась даже идти к бабке-гадалке. Буквально выходя из квартиры, она случайно столкнулась на площадке с Максом. Он из вежливости поинтересовался, как продвигаются поиски. Вместо ответа женщина расплакалась, и сама не зная почему стала рассказывать о наблевшем.

Не знаю, что и делать... Где искать? Вот к бабке-гадалке иду... Мне люди ее посоветовали. Говорят, хорошо гадает. Хоть знаю, грех. Никогда этим не занималась, а тут приходится. Но что поделывать, внучка дороже, чем я и моя жизнь. Она же у нас единственная.

А зачем к бабке-гадалке ходить? У меня есть один знакомый, мой тренер. Он мне продемонстрировал кое-какие вещи ясновидения. Если, конечно, это все правда, то у него довольно неплохие способности. Если хотите, я могу вас с ним свести. И греха, вроде, для вас никакого нет. Он все-таки врач и спортсмен, а не бабка-гадалка.

Ой, Максимка, сыночек, сведи, если можешь! А то иду к ней, а на сердце словно камень... — стала упрашивать женщина Макса.

Хорошо, я вас отвезу к нему. Хотя он мне продемонстрировал несколько другое направление ясновидения, но, может, и здесь получится.

Бабушка была согласна на все. Они договорились о встрече, и пожилая женщина с

заметным облегчением вернулась к себе. Вечером Макс, как и обещал, отвез ее на своей машине к спортзалу. Всю дорогу он выслушивал причитания о внучке, доходящие до истерики. Когда они подъехали, Макс предложил подождать Сэнсэя на свежем воздухе, полагая, что это хоть как-то её успокоит. Но она и тут не унималась, обращая на себя внимание прохожих. Когда Макс увидел подъезжающего Сэнсэя, то даже с облегчением вздохнул.

Сэнсэй, выйдя из машины, уверенной походкой направился прямо к ним, словно точно знал, что Макс привел эту женщину именно для встречи с ним. Эта первая странность несколько удивила Макса. Но он почти не обратил на нее внимания, здороваясь с Сэнсэем и объясняя ситуацию. Зато поразила другая странность, которая в некоторой степени сильно затронула Эго Макса. Он стоял и рассказывал о случившейся беде в семье его соседки. Но у него было такое чувство, что рассказывал все это самому себе, поскольку его вообще никто не слушал. Сэнсэй смотрел в глаза пожилой женщине. Та смотрела на него, не проронив ни слова, хотя пять минут назад невозможно было сдержать ее безудержные причитания. Словно происходил свой негласный диалог... Женщину начало слегка трясти. Ее кожа стала покрываться гусиными пупырышками. Из глаз медленно текли слезы. Через минуту такого необычного обоюдного созерцания глаза в глаза женщина произнесла с мольбой в голосе:

— Я отдам свою жизнь за нее, лишь бы она вернулась живой.

Макс, продолжавший в это время все еще «прояснять ситуацию», осекся на полуслове. Он почувствовал себя третьим лишним, но упорно продолжал стоять на месте как прикованный. Ему самому становилось интересно, чем все это закончится. Женщина повторила свою просьбу:

Я отдам свою жизнь за нее, лишь бы она вернулась живой...

Не о том ты, женщина, просишь, не о том, — промолвил Сэнсэй необычным голосом. — Надо думать о жизни вечной, а не временной.

Это моя жизнь здесь уже временная. А у нее еще столько лет впереди...

Это мгновение.

Для меня мгновение, а ей жить да жить...

Сэнсэй опустил взгляд, словно о чем-то размышляя. Возникла неестественная тишина, от которой у Макса даже зазвенело в ушах. Сэнсэй вновь посмотрел на женщину.

— Ладно, иди. Будет по-твоему, — и, обращаясь к Максусу, произнес: — Проводи ее до дома.

Потом он развернулся и, не прощаясь, пошел к спортзалу. Макс расслышал, как Сэнсэй удаляясь, тихо произнес, словно разговаривая сам с собой: «Слушают, да не слышат».

Макс повез женщину обратно, несколько недоумевая от всей этой более чем странной сцены. Ему казалось, что он слушал этот диалог как будто на чужом языке. Он все видел, но ничего не понял. Женщина полдороги сначала тихо молилась, потом надолго задумалась, а подъезжая к дому снова расплакалась, доводя себя до истерики. Макс, в который раз за день пожалел, что вообще с ней связался и предложил свои услуги.

Последующая ночь выдалась беспокойной. В полчетвертого утра к Максусу прибежал муж соседки вызвать «скорую». У женщины стало плохо с сердцем. Но пока приехала «скорая», соседка уже скончалась. Все случилось настолько быстро, что Макс никак не мог в это поверить и осознать, что человека, с которым он вчера еще разговаривал, больше нет в живых. Чужая смерть всегда действует шокирующе на людей, напоминая об их собственном кратком пребывании в этом мире. Утренняя же новость еще больше потрясла Макса. Нашлась девочка. Позвонили из больницы соседнего близлежащего города. Оказывается все это время она находилась там без сознания и только в то роковое утро пришла в себя.

Макс был потрясен. Он пытался осмыслить все произошедшее за последние сутки. Все эти события на первый взгляд выглядели вполне естественно. Все-таки женщина за последние дни сильно перенервничала... А раньше она уже перенесла инфаркт. Да и с девочкой... Если бы

догадались позвонить в соседний город, то нашли бы ее, и с бабушкой ничего бы не случилось. Вроде все логично, если бы Макс не стал свидетелем того странного разговора. Он вспомнил, что женщина просила жизнь девочки в обмен на свою. Так и случилось. Вот что не давало покоя Макс... На следующую тренировку он ехал к Сэнсэю с надеждой, что тот даст ему вразумительные объяснения столь загадочного происшествия. Он встретил Сэнсэя возле входа в спортзал, чтобы поговорить с ним наедине, и рассказал о случившемся.

— Что поделаешь, каждый делает свой выбор, — задумчиво произнес Сэнсэй.

Он оглянулся по сторонам и как-то странно произнес не то вопросом, не то утверждением:

— Ну разве стоит это мгновение вечности?

Макс в недоумении тоже посмотрел вокруг себя.

— Не понял.

Сэнсэй глянул на него и с грустью проговорил:

— Видишь ли, Макс, некоторым людям иногда предоставляется возможность просить. Но они почему-то выбирают желания тленных мгновений, попирая вечность.

Макс подумал-подумал, а потом снова произнес:

Сэнсэй, я все равно не понял. Что ты имеешь в виду?

Ничего, Макс, придет время, и ты все поймешь...

Сэнсэй был прав, настало время и для Макса. Теперь до него, наконец-то, дошел ошеломляющий смысл этих слов. Действительно, о чем он тогда заботился? Чего жаждал в прошлой жизни? Пересматривая свои желания, он с ужасом осознавал, что все, о чем просил у Бога в течение той жизни, было связано с его бывшим телом: сиюминутной удачей, благополучным разрешением какого-то вопроса, проблемой денег, здоровья и тому подобное. Буквально все сводилось к ублажению и возвеличиванию его смертного Эго. Но ведь он же молил о прахе! Отнюдь не о душе и настоящей жизни вечной. И с чем он остался? Все его материальные накопления растаяли, как мираж. Сам он оказался в другом теле, в другом месте, причем в гораздо худших условиях. То, чего он так боялся всю жизнь, его и настигло. А боялся он, прежде всего, оказаться в ситуации лоха, жестокого обмана его драгоценнейшей особы. Но именно сейчас он себя таковым и ощущал. И главное очутился в этом дерьме из-за собственного животного, умно и тонко подменившего ему понятия о Жизни Настоящей. От этих мыслей Макс сделалось по-настоящему дурно. Сейчас такое разбазаривание желаний казалось ему непростительной глупостью. Но почему же тогда в упор не замечал этого? И главное был убежден, что якобы все делал правильно... Тут он вспомнил еще один разговор.

* * *

Однажды, беседуя с Сэнсэем, Макс услышал поразившие его тогда слова, которые вновь склонили его сознание в сторону души. Макс как обычно в шутку рассказывал о шествии кришнаитов по городу, ряженных в свои одежды. На что Сэнсэй отреагировал совершенно неожиданно, переведя его шутку в серьезный разговор, чем его и удивил, поскольку обычно шутки Макса заканчивались очередными веселыми комментариями Сэнсэя.

— Люди играют в веру в Бога, но не верят в действительности, не живут ею. Многие из них напяливают на себя различную отличительную атрибутику, одежды, но все это лишь, по большому счету, актерство. Ведь настоящая вера в Бога — это сугубо внутренняя чистота. По-настоящему духовный человек никогда не будет заниматься показухой, потому что его истинное внутреннее сокровище — его тайна, ведомая Богу. Человек, идущий по своему духовному пути,

не будет выпендриваться в толпе, махать флагом, мол посмотрите, какой я верующий! Никогда. Максимум, что он может себе позволить, это спросить или подсказать направление или поделиться опытом со своим попутчиком, но не более. Поскольку люди, которые идут к Богу, действительно верят, а не хвастаются своей верой, играя в этот образ... Они прекрасно понимают, что такое этот мир и каков его объединяющий разум.

Объединяющий разум?

Да. Есть индивидуальный разум, есть коллективный духовный разум, а есть и объединяющий животный разум человечества, который, кстати говоря, управляем...

Как это? Как муравьями, что ли, или стадом бизонов во время миграции?

Приблизительно, — усмехнувшись, ответил Сэнсэй. — Животное — оно и есть животное. Этот объединяющий животный разум человечества существует по своим определенным законам. В нем имеется своя внутренняя и внешняя иерархия. И в основном люди живут в умелой организации этого животного разума, который подчиняет их своей системе, навязывает им правила игры и условия существования. И в принципе, когда человек идет по духовному пути, когда он живет внутри себя с Богом, то не афиширует это, понимая, что моментально вызовет агрессию со стороны животного разума. И это естественная реакция. Животный разум — непримиримый враг всего духовного. Поэтому обычно высокодуховные люди, к примеру Бодхисатвы, рожденные в теле, попадая в систему животного бытия общества, стараются играть во внешнем мире в простого человека, ничем себя не выдавая, оставаясь при этом внутри себя Сущностью и пребывая истинно с Богом и в Боге.

* * *

Странно, но тогда Макс так и не понял до конца слова Сэнсэя. Зато сейчас ясно осознавал, почему не понял. Потому что тогда сам жил в системе ценностей общечеловеческого животного разума. И даже этого не замечал. Хотя этот факт был очевиден. Да и сейчас он понимал, возможно, только потому, что слишком свежи были в душе посмертные воспоминания, мучения этого перерождения, слишком разительны понятия «там» и «тут». На фоне всего пережитого Макс уже совершенно иначе смотрел на мир и переосмысливал то, что когда-то говорил Сэнсэй. Он сожалел о прошлом, прокручивая в памяти мгновение под названием «жизнь». Если бы тогда его разум не был столь тщеславен и эгоистичен, если бы тогда он нашел в себе мужество не играть в веру, а верить по-настоящему, если бы постоянно не откладывал духовные занятия на потом... Если бы, если бы, если бы... Были лишь одни иллюзорные условия, и никакого реального, практического результата. А ведь сколько раз ему давался ШАНС! Сколько раз после бесед с Сэнсэем в нем пробуждалась душа. Ему бы поддержать ее, отстоять, защитить от животного и вырваться... А он душил на корню это пробуждение своими сомнениями. И опять падал в грязь материального. И опять все шло по кругу. Все эти мгновения в телесности, во власти животного, теперь казались такой глупостью, такими испепеляющими... Становилось невыносимо больно за такую суицидную трату, бездарное разбазаривание огромной жизненной силы — этого трамплина в вечность. А как трепетала душа, пребывая рядом с Тем, кто уже достиг подобных высот... И тут Макс прозрел окончательно. Ведь Сэнсэй был не кто иной, как... В памяти Макса до мельчайших подробностей всплыли два кульминационных фрагмента из его прошлой жизни. Это были мгновения самой высшей точки его духовного подъема. Теперь, созерцая их с позиции пережитого, Макс понимал, что именно в то время оказался очень близок к раскрытию души. Она тогда не просто трепетала, она стучалась и ломилась в двери его разума,

кричала, что было сил, чтобы он услышал и обратил на нее силу своего внимания. Как ни парадоксально, но, находясь именно в другом теле, он полноценно ощущал тот восхитительный полет души. И именно сейчас осознавал всю горечь его утраты, утраты великого шанса обрести свою Нирвану — вечную жизнь в Боге, в абсолютной Любви.

* * *

Та поездка в Киев стала для Макса незабываемой. Память воспроизводила ее до мельчайших подробностей. Он поехал вместе с Сэнсэем оформлять лицензионные документы для фирмы. Полдня они обивали пороги чиновничьих кабинетов. И только после обеда смогли вырваться из этой бюрократической суеты и походить по знаменитым улицам старинного города, основанного, как предполагают историки, еще в пятом веке как центр восточнославянских племен полян.

Киев в старину называли городом трех холмов, затем семи холмов за его уникальное расположение на правобережных кручах Днепра. Чем дальше продвигалась цивилизация, тем больше холмов она занимала. Город сумел сохранить свою привлекательность и в эпоху научно-технического прогресса, сочетая новостройки не только с древними строениями, но и с островками первозданной природы. Киев был и по сей день остается одним из самых загадочных городов на Земле.

Макс был удивлен, увидев здесь столько церквей, древних храмов, а также представителей разных религиозных конфессий. Когда он высказал свое изумление Сэнсэю, тот лишь, как всегда загадочно, улыбнулся и ответил:

— Свято место пусто не бывает.

Больше всего, конечно, в Киеве было православных старинных храмов. Это понятно. Все-таки как историю ни крути, а крещение Руси пошло именно из Киева, некогда бывшего столицей древнерусского государства... Насмотревшись на архитектурные памятники, Сэнсэй предложил Максиму съездить в Киево-Печерскую лавру. Доехать туда не составляло особого труда, поскольку любой киевлянин объяснял дорогу так детально, как своим ближайшим родственникам.

Киево-Печерская лавра величественно стояла на двух крутых холмах, утопающих в зелени. Оттуда открывался великолепный вид на Днепр. Дух захватывало от одного только созерцания этого живописного уголка природы. Вокруг лавры была сооружена семиметровая каменная стена, некогда, очевидно, выполнявшая фортификационную функцию. А за ней виднелись целые плеяды сверкающих куполов, среди которых особо выделялся по высоте золотой купол Большой Лаврской колокольни.

Макс с Сэнсэем купили билеты в Верхнюю лавру — музей-заповедник, включенный в список Всемирного наследия, и вошли через центральный вход. Главные ворота располагались под Троицкой церковью. Они представляли собой своеобразную арку. Едва Сэнсэй вступил с Максимом под свод ворот, внезапно раздался залиvistый перезвон Лаврских колоколов. Некоторые из находившихся на внутренней площадке туристов, а также проходившие мимо монахи с удивлением посмотрели на колокольню и, остановившись, стали креститься... Макс встрепенулся от неожиданного звона.

— Надо же, как красиво звонят. Никогда такого звона не слышал. Праздник сегодня, что ли?!

— Ну, это для кого как, — ответил Сэнсэй каким-то необычным мягким, мелодичным голосом.

Макс глянул на Сэнсэя и удивился переменам в его лице. В это время они как раз вышли на свет из-под арки Троицкой церкви. Сэнсэй словно преобразился. Глаза его сияли необычным светом, излучая мощную силу какой-то гармонии и внутренней чистоты. Он слегка наклонил голову, словно здоровался с этим местом. От Сэнсэя исходила незримая благодать, от которой у самого Макса возникло чувство необычного умиротворения и спокойствия. Его состояние напоминало блаженную, тихую радость. В этот момент даже говорить ни о чем не хотелось. Макс набрал полной грудью воздух и посмотрел вокруг. Одно слово — лепота. Тогда он не понял, отчего ему вдруг стало так хорошо на душе. «Наверное, место здесь такое», — подумал Макс. В этом необычном, возвышенном состоянии ему почудилось, что он попал в совершенно иной мир, мир нереального бытия, где даже до небес, казалось, легко дотянуться рукой. Макс на радостях, увидев ближайшую иконную лавку, побежал покупать все, что было глазу мило. Сэнсэй же, ожидая его, созерцал все вокруг и в особенности людей. Насладившись каждым по-своему таким гостеприимством, они стали осматривать территорию.

Чего только не было в этом музее-заповеднике! Помимо старинных церквей, общежития для монахов, там размещался музей исторических ценностей, где демонстрировались различные золотые и серебряные украшения скифских времен, музей театральный, музыкальный, музей киноискусства, историческая библиотека, музей книги и типографии, музей народного декоративного искусства. И это уже не говоря о многочисленных торговых лавках, продающих все, что только можно продать, от икон и книг до ювелирных украшений и еды. Сэнсэй без особого энтузиазма, в отличие от Макса, обошел все эти «достопримечательности» Верхней лавры, задержавшись больше в старинных церквях, возле книг да на смотровой площадке. Оттуда открывался великолепный вид на Нижнюю Лавру и знаменитую реку, называемую в разные времена по-разному — Борисфен, Славутич, Днепр. Сэнсэй долго стоял там, задумчиво глядя куда-то вдаль, пока Макс обходил торговые лавки. Наконец, они пошли в святая святых — на территорию Нижней лавры, где, собственно говоря, и зародилась Киево-Печерская лавра.

Спустившись по довольно крутому спуску, вымощенному камнями, они попали на монастырскую улицу. Там был целый ряд книжных и иконных ларьков. В конце этой улицы находился свободный вход на территорию Нижней лавры, предусмотренный для верующих. Невдалеке располагались кассы для желающих посетить пещеры с экскурсоводом. Макс предложил Сэнсэю присоединиться к формирующейся группе. Их гидом оказался мужчина лет сорока. Набрав достаточное количество людей, он повел группу под гору по широкой мостовой улице мимо монастырского сада. Достигнув Крестовоздвиженской церкви, где был вход в ближние пещеры, экскурсовод начал свой рассказ.

— Мы находимся на территории мужского монастыря Киево-Печерской лавры, которая дала Православию гораздо больше святых, чем любой другой монастырь. Издревле это место называли обителью Святого Духа, Земным Раем. История Печерского монастыря уходит в XI век, когда были созданы главные достопримечательности сегодняшней Лавры — Антониевы и Феодосиевы пещеры или так называемые Ближние и Дальние пещеры, по степени удаленности от Успенского собора. Годом основания считается 1051...

Согласно летописи, некий человек по имени Антипий из града Любичи, расположенного в Черниговской земле, совершил паломничество в один из монастырей Афона. Там он принял монашество, и ему дано было имя Антоний. В то время христианство на Руси только зарождалось. Антоний был послан игуменом Афонского монастыря в Киев, чтобы основать там новую обитель. Согласно «Киево-Печерскому патерику» Антоний дважды посещал Киев: в 1013 и в 1051 годах, когда произошла перемена власти. В свое первое посещение он жил в Варяжской пещере. Она существует и сейчас и является частью Феодосиевых пещер. Во второй раз он поселился в небольшой пещере на этой же горе. Кто ее выкопал, ответить трудно из-за

расхождений в старинных летописях. Так или иначе, но Антоний стал жить там, расширяя свою пещеру и молясь о спасении души. Слух о святом пещерном затворнике, обладавшем необычным даром исцеления и пророчества, стал распространяться по русской земле. К Антонию начали сходить люди, некоторые оставались жить вместе с ним. Подземелье постоянно углублялось. Вскоре оно превратилось в целый лабиринт Дальних пещер с кельями и церквями. Около 1062 года Антоний поставил над братией игумена Варлаама, а сам, желая уединения, переселился на соседний холм. Там начал копать себе новую пещеру, впоследствии получившей название Антониевой. Старец умер в 1073 году и был захоронен в Ближних пещерах...

Феодосий прославился тем, что основал на месте пещерного скита наземный монастырь. Он стал игуменом Печерского монастыря в том же 1062 году, в связи с переводом Варлаама в другое место. Преподобный Феодосий в свое время был достаточно известным церковно-политическим деятелем. Родился он в 1036 году в городе Василькове под Киевом в состоятельной семье, которая владела большими поместьями. В детстве любил читать божественные книги. В юности его постоянно била мать за попытки сбежать из дома в Святую землю. В последний свой побег он смог добраться до Киева, где и остановился в пещерах у Антония. В 1058 году был пострижен Никоном в монахи. Став игуменом, Феодосий первый ввел в своей обители Студийский устав, требующий от каждого монаха строгой дисциплины и полного подчинения игумену, отречения от всех форм собственности. Позже его примеру последовали остальные монастыри Киевской Руси. Феодосий правил в Печерском монастыре твердой рукой. Неповиновение, невыполнение обязанностей и поручений расценивалось как тяжкий грех и подлежало наказанию. При игуменстве Феодосия были сооружены все основные храмовые постройки и кельи. Кроме того, близ монастыря были выстроены дом и церковь святого первомученика Стефана для больных и нищих. Умер он через год после Антония в 1074 и был похоронен в Дальних пещерах. Об особом значении деятельности Феодосия для православной церкви говорит тот факт, что он стал вторым святым, судя по хронологическим датам, канонизированным в 1108 году.

А кто был первым? Антоний? — спросил кто-то из группы.

Нет. Первых причислили к лику святых в 1020 году князей-мучеников Бориса и Глеба, убитых в 1015 году по приказу князя Святополка. Они выступали как поборники христианских идеалов. Ведь в те времена Русь была языческая. И новая христианская вера насаждалась с трудом. Так что канонизация Феодосия, во время игуменства которого обитель в пещерах превратилась в первый на Руси монастырь, утвердила позиции Киево-Печерской обители как ведущего центра Киевской Руси, в противовес митрополичьей кафедре. В ожидании этой канонизации было написано «Житие Феодосия Печерского» Нестором-летописцем, который, как вы знаете, написал «Повесть временных лет». Нетленные мощи Нестора также лежат здесь, в Ближней пещере. А теперь мы спустимся непосредственно в пещеру...

Группа вошла в Крестовоздвиженскую церковь, построенную, как объяснил экскурсовод, в 1700 году. Спускаясь в подземелье, каждый зажег по церковной свечке, ибо единственным освещением этих пещер были лампадки возле образов святых. Эта полутьма создавала у Макса особое настроение из смеси любопытства, страха и какой-то таинственности окружающего.

— В настоящее время длина Ближних пещер составляет триста пятьдесят два метра. Дальних вместе с Варяжскими пещерами — четыреста восемьдесят девять метров. Пещеры вырыты в слое пористого песчаника. Благодаря этому природному материалу, температура в лаврских пещерах в течение всего года постоянная — плюс десять-двенадцать по Цельсию. Глубина пещер от четырех до двенадцати метров. Ширина их коридоров полтора метра, высота потолков — два метра... Вдоль коридора расположены аркосолии, своеобразные ниши длиной около двух метров. В них — гробницы с мощами лаврских святых под стеклом. Гробницы в

основном сделаны из кипариса. Кипарис считается священным деревом с тех пор, как на кипарисовом кресте был распят Иисус. Возле гробниц, как вы видите, висят портреты и горят лампадки. Лампадки считаются символом души...

Экскурсовод стал вкратце выборочно рассказывать, где кто лежит и чем этот святой прославился. Верующие из группы крестились, прикладываясь к стеклянным крышкам гробов. Другие просто рассматривали портреты, а также лежавшие в некоторых гробах усохшие темно-коричневые кисти рук на покрытых парчовыми тканями останках святых. Группа посетила келью и подземную церковь преподобного Антония Печерского, откуда по преданию начинаются подземные ходы под Днепр и Верхнюю лавру, подземную церковь Варлаама Печерского, гробницы других святых.

— А здесь находятся святые нетленные мощи Афанасия Затворника, известного своим чудесным исцелением в пещере. После этого он прожил в затворе двенадцать лет. Вообще затворничество было делом добровольным. Считалось, что путем отречения от всех мирских благ, в непрестанной молитве, можно получить благодать на Небе. Монах входил в келью. Вход наглухо закладывался кирпичом. Еда, состоявшая в основном из хлеба и воды, подавалась через единственное оставшееся маленькое окошко. И когда монах, приносящий затворнику еду, не получал ответа на просьбу благословить его, то есть не протягивалась из кельи благословляющая рука, у него возникало сомнение, не умер ли затворник. Келью размуровывали и убеждались, жив монах или мертв. Если он умер, то тело либо оставляли в келье, которая превращалась в погребальную нишу, либо извлекали, обворачивали широкой и длинной тканью и выставляли в нише для поклонения верующим... В затворах проводили разное время. Иногда затворник умирал спустя несколько месяцев, иногда жил там несколько лет...

Группа прошла по лабиринтам петляющих коридоров. Заблудиться здесь было невозможно, поскольку многие ходы были перекрыты да и дежурила пара монахов.

— В этой крипте покоятся мощи Ильи Муромца, реально существовавшего богатыря, родом из города Муром, прославленного героя народного эпоса. Предполагают, что первоначально он был захоронен в Софийском соборе. Его мощи были перенесены в Киево-Печерскую лавру в середине XVIII века, когда Духовный собор, рассмотрев его жизненный путь, причислил к лику святых. Он считается покровителем всех мужчин. Мужчины приходят к его гробнице помолиться и попросить, чтобы Илья наполнил силой и энергией... Существует целый список, какой святой кому покровительствует. Вот, к примеру, в этой маленькой гробнице под стенкой находятся нетленные мощи младенца Иоанна. Он погиб в 983 году вместе со своим отцом Федором. Этот младенец считается покровителем всех маленьких детей, а также помогает женщинам, страдающим от бесплодия. Слева находится гробница Луки, эконома Печерского...

В это время Макс подошел к стенке напротив и стал рассматривать настенный рисунок Божьей матери. Он тихонько позвал Сэнсэя.

Смотри, у Божьей Матери «Третий глаз».

Да это...

Сэнсэй не успел договорить, поскольку в это время подошел экскурсовод.

— А здесь покоится Никон Сухий, умерший в 1101 году. Прославился тем, что в 1096 году был взят в плен половецким ханом Боняком, искалечен там. Но чудесным образом перенесся в Печерский монастырь... Также тут вы видите участок настенной росписи. Это еще одна из загадочных тайн Лаврских пещер. Эта роспись совершенно случайно была обнаружена археологами во время последних раскопок в 1978 году и вызвала немало удивлений и споров. Всегда считалось, что в древности стены монастырских подземелий были просто из песчаника либо в более позднее время обложены кирпичом, оштукатурены и побелены. Поэтому никто не подозревал, что под слоем побелки могут оказаться такие фрески. Данные росписи

предположительно относятся к XVIII веку. Но наибольшее удивление вызвало то, что эта роспись наносилась поверх еще более древней росписи. В частности это мы видим сейчас. Здесь изображена Божья Мать, которая держит на руках Бога-младенца. Роспись XVIII века наложилась на более раннюю. Это обнаружили во время реставрации. Фрагменты этих фресок расчищены только частично, хотя нетрудно заметить, что все они имеют продолжение под побелкой стен... А теперь мы пройдем в подземную церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы... Это место — одно из самых загадочных мест Ближних пещер...

Когда они вошли туда, Макс склонился над ухом Сэнсэя и восхищенно прошептал:

Глянь, в центре иконостаса печать Шамбалы, — кивнул он на треугольник с глазом внутри, обрамленный солнечными лучами. — Откуда она тут?

Это особое место, — также тихо ответил Сэнсэй. — Кроме того, в этих пещерах покоятся останки Бодхисатвы Агапита...

Кого? — переспросил Макс.

П отом расскажу...

В этом месте зафиксирован необычный фон энергетики, — продолжал экскурсовод. — Тут покоятся нетленные мощи преподобного Агапита врача безмездного, одного из самых знаменитых врачей XI века... Нам неизвестно, когда и где он родился. Предполагают, что он из Киева. Агапит один из первых пришел к Антонию, который постриг его в монахи. Согласно «Киево-Печерскому патерику» Антоний оставил Агапита своим наместником в чудотворном искусстве врачевания. Агапит был образцом гуманности, граничащей с самопожертвованием. Он исцелял от тяжелых внутренних болезней, причем всех — и бедных, и богатых. Излечивал и таких, за которых не брался уже никто. Он не отходил от больного, пока его окончательно не ставил на ноги. Его называли «Лечец», врачом от Бога, ибо «сам Господь даровал ему дар исцеления»... Агапит был талантливым и знающим целителем. Он хорошо разбирался в народной медицине, знал труды Гиппократ, Галена. Свободно владел греческим языком... Приходил туда, где остро нуждались в его помощи. Своим человеколюбием и сердечным отношением к больным Агапит снискал небывалую славу в народе, причем не только в Киеве, но и далеко за его пределами. Он вылечил также черниговского князя Владимира Мономаха, который серьезно заболел и находился при смерти... Умер Агапит в октябре 1095 года. До наших дней сохранились его мумифицированные останки...

В 1988–1990 годах учеными были исследованы более пятидесяти мощей из Ближних пещер, изучены антропометрические и морфологические характеристики. Антропологические измерения позволили восстановить внешний облик таких святых, как Агапит, Нестор Летописец, Илья Муромец, Варлаам, Поликарп... Более того, киевскими исследователями-биоэнергетиками было установлено, что мощи Агапита обладают колоссальными биомоторными характеристиками, то есть являются ускорителями роста, что подтверждено на семенах различных растений. Кроме того, обнаружено, что эти мощи защищают от радиации, а также оказывают очень сильное бактерицидное воздействие на состояние воздуха в Ближних пещерах. Ну и, пожалуй, самое главное — уже в наше время зафиксировано несколько тысяч случаев исцеления людей мощами Агапита. Вот такая у него была духовная исцеляющая сила, даже после смерти он продолжает врачевать людей на протяжении девяти веков... А теперь пройдемте дальше по коридору. Заканчивая нашу экскурсию...

Часть группы пошла за экскурсоводом, часть столпилась у гроба преподобного Агапита. Некоторые молились, некоторые просто рассматривали подземную церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Макс с Сэнсэем находились позади людей, ожидая своей очереди, чтобы подойти к гробнице. Рядом с ними стояла пожилая старушка с палочкой, скромно одетая, с дорожной сумкой в руках. Она постоянно отставала от группы, сильно прихрамывая на ногу, и

старалась приложиться к каждой гробнице, шепча молитвы. По ее лицу было видно, что это ей давалось с большим трудом, очевидно, приходилось преодолевать острую боль. Но ее упорству и внутренней силе духа оставалось лишь позавидовать. Еще раньше, в одном из переходов по пещере, Макс «сочувственно» заметил: «Ну, бабка дает, еле же ходит...» На что Сэнсэй ответил: «Человек в глубокой вере... Ты не представляешь какую боль она испытывает при ходьбе. У нее деформирующий артроз тазобедренного сустава». «Да?!» — удивился Макс, оборачиваясь в сторону женщины. Теперь они вместе стояли почти последними в очереди к гробнице преподобного Агапита.

Когда основная масса людей вышла, Макс приблизился к мощам, а Сэнсэй пропустил вперед старушку. Та взглянула на него с благодарностью и пробормотала: «Спасибо, сыночек». Она подошла к гробнице и стала шептать молитву Макс в это время пытался прочитать строчки молитвы преподобного Агапита, помещенные слева на стене в рамочке. Он хотел что-то спросить у Сэнсэя. Но, обернувшись, увидел, что Сэнсэй стоял с закрытыми глазами. Его лицо было сосредоточенным. В это время Максу стало как-то необычно жарко. Сначала он подумал, что это его чисто субъективное ощущение. Но тут заметил, как у мужчины, стоящего рядом, потек пот со лба, причем несколькими струйками. Мальчик лет семи легонько дернул молившуюся маму и тихо произнес: «Мам, тут жарко сделалось». На что та ответила: «Это хорошо, сына. Это Дух Святой снизошел в обитель сию от наших молитв». Бабка начала усиленно креститься, бормоча молитву. У Макса создалось такое впечатление, что волна необычного жара точно прокатилась через него к гробнице Агапита. В момент пика этого неестественного напряжения у старушки вырвался возглас: «Господи, прости меня!» Ее костыль с грохотом упал оземь. Все присутствующие вздрогнули и обернулись. Сэнсэй плавно открыл глаза и сделал глубокий вдох-выдох. Бабуся видно сама испугалась такого грохота и, словно извиняясь перед присутствующими за нарушение тишины, резво подскочила и подняла свою палку. Макс с возрастающим удивлением посмотрел на помолодевшую в движениях старушку. Та не сразу поняла, что произошло. Потом с изумлением оглядела себя, прошлась взад-вперед, ощупывая свой сустав. На ее глазах заблестели слезы. От охватившего ее волнения она не могла произнести ни слова, а лишь восхищенно смотрела то на свой сустав, то на гробницу, то на окружающих людей. Те тоже молча глядели на нее, не веря своим глазам. Бабка подбежала к Сэнсэю, единственному человеку, с которым она немного общалась в пещерах, и радостно затараторила: «Я хожу, я хожу, не могу поверить, я хожу! Я же пять лет...» Тут она взглянула в глаза Сэнсэю и умолкла, вскинув в удивлении брови. Перевела взгляд на портрет Агапита, потом на Сэнсэя. И, словно очнувшись, произнесла: «Ой, извините, у меня все преподобный Агапит перед глазами стоит. Счастье-то какое, пойду свечек накоплю...» Она подбежала к святым мощам, поцеловала, перекрестилась и поспешила к выходу, все время изумленно оборачиваясь на Сэнсэя и радостно крестясь в молитве. Оставшиеся присутствующие, в том числе и Макс, столпились у гробницы. Сэнсэй по-прежнему стоял около колонн храма.

А ваш знакомый действительно очень похож на Агапита, только в старости, — произнес мужчина, который стоял возле Макса.

Не может быть! — пытался протиснуться Макс со своей свечой к портрету. — Где?

Вот, посмотрите сами. Я, молодой человек, профессиональный художник, у меня абсолютная память на лица и образы.

Максу, наконец, удалось рассмотреть портрет.

— Хм, точно! Глянь... — Макс повернулся, чтобы обратить внимание Сэнсэя на это сходство.

Но того уже не было в помещении. Макс поспешил выбраться из кучки столпившихся людей и догнал Сэнсэя уже на выходе из пещер.

Пойди, посмотри! Представляешь, там висит твой портрет в старости!

Да видел я, — как-то обыденно сказал Сэнсэй, словно речь шла о давно знакомом ему образе.

Они пошли к выходу, который вел непосредственно внутрь Крестовоздвиженской церкви. Их группа уже разошлась. Макс с Сэнсэем прошли по помещению наземной церкви. Вышли на улицу и отправились к Дальним пещерам. Макс все еще находился под впечатлением увиденного.

— Ну надо же, как бабка исцелилась! А может быть это какая-нибудь подставная была? Хотя с другой стороны, какая же она подставная, ведь большая часть людей уже ушла! Нет, ну как это у нее получилось?! Сэнсэй, как?

Да как... Обычно. Вера великая сила... и хороший проводник.

Это все понятно. Но как это произошло?

Вот пристал, — с ноткой юмора в голосе произнес Сэнсэй. — Слышал же, исследования проводились, приборы зашкаливало возле этих мощей и все такое...

Нет, ну почему же у других людей не было такого явного проявления силы воздействия? Ведь возле мощей Агапита больше всего стояло народу?

Ну так еще Иисус сказал, что по вере вашей да будет вам.

Макс понял, что на сей раз ему не удастся вытянуть из Сэнсэя интересующую его более подробную информацию. И он, не теряя времени, перешел к другому вопросу.

— А что ты там говорил про Агапита? Он был Бодхисатвой? Значит из Шамбалы?

Сэнсэй кивнул.

Тогда, судя по всему, экскурсовод трактовал несколько иначе известную тебе историю, — продолжал закидывать удочки Макс.

В общем да. Но это не вина экскурсовода, — таинственно улыбнувшись, ответил Сэнсэй.

В чем же пробел?

Агапит не был учеником Антония. Скорее наоборот. И дело вовсе не в возрасте. Антоний познакомился с Агапитом на Афоне. И именно Агапит научил его настоящему искусству врачевания молитвами и травами. Но это не главное. Именно благодаря Агапиту Антоний был посвящен в хранители храма Лотоса, расположенного на территории Киева с древних времен... Агапит же, выполнив свою миссию на Востоке, пришел к Антонию в пещеры, где и доживал в теле свой земной срок. И то, что здесь происходят исцеления, так это благодаря нахождению останков Агапита, в которых некогда пребывал сам Святой Дух на Земле. Неудивительно, что и другие мощи, пролежавшие рядом с ним, становятся целительными. Здесь любому обращающемуся с чистой верой к Богу, к какой бы религии он не принадлежал, воздастся... — Сэнсэй задумался о чем-то своем, а потом произнес: — Жаль только, что до сих пор многие люди просят не о спасении своей души, а об исцелении телес своих. Ведь во власти Святого Духа освободить души. А что телеса? Всего лишь перемена одежды...

Макс немного помолчал и вновь спросил:

А откуда в те времена здесь взялся храм Лотоса?

Этот храм был здесь задолго до того, есть и сейчас.

А «задолго до того» — это когда? — попытался уточнить Макс.

Во времена предыдущей цивилизации Альт-Ланды.

Атлантиды?!

Да, — кивнул Сэнсэй. — Тогда еще «резиденция» Ригден Джаппо располагалась практически на середине Черного моря. В те времена моря не было. Там находилось лишь небольшое озеро с прекрасными, живописными берегами... Так вот, именно в то время в здешних местах и был заложен подземный храм Лотоса с фрагментом Чинтомания в качестве

источника силы и места будущего духовного возрождения человечества. Отсюда и такая привлекательность по сей день к данному месту для людей духовных.

Но если этот храм есть и сейчас, значит есть и его хранители? — с тонким намеком спросил Макс.

Ну если есть что охранять, значит есть и охрана, — в тон ответил Сэнсэй. — Хотя по факту этот храм и так недоступен для обычного человека, как и Шамбала.

А ты сам там был? — полушутя, полусерьезно поинтересовался Макс, очевидно, рассчитывая, если это шутка, посмеяться вместе, а если это правда, напроситься его посмотреть.

Сэнсэй улыбнулся и так же непросто ему ответил:

— Макс, я же тебе сказал, он недоступен для обычных людей.

В это время они дошли до Дальних пещер, вход в которые располагался в Аннозачатиевской церкви, построенной в XVII–XIX веках. Самостоятельно прошли по галереям пещер, где тоже стояли гробницы с мощами святых более поздних времен. Там же, в нише за решеткой в шкафу под стеклом, находились и знаменитые мироточивые головы неизвестных святых. Макс как ни старался, но так и не смог в свете свечки толком ничего рассмотреть. Естественно, он сразу высказался по поводу фальсификации. На что Сэнсэй ответил: «Макс, внешний вид нужен лишь твоему уму, чтобы доказать то, что в доказательствах не нуждается. Ты закрой глаза и доверься своей интуиции. Она тебе скажет гораздо больше, где фальсификация, а где истинный святой источник. Если человек душой стремится к Богу, его трудно обмануть, ибо он внутренне ощущает гораздо больше, чем видят его глаза»...

Выйдя из пещер, они еще какое-то время постояли на кручах холма, всматриваясь в красоту окружающей природы. Затем стали спускаться. Навстречу им попадалось много монахов различных рангов, поскольку рядом были расположены их кельи, а также Духовная семинария. Некоторые рангом повыше проезжали мимо на дорогих машинах. Макс посмотрел на их благосостояние, послушал обыденные речи случайных попутчиков, облаченных в черную рясу, и с улыбкой сказал: «Может и мне в попы пойти? Судя по их лицам, их тут неплохо кормят». В это время вдали из-за поворота вышел сухонький старец, принадлежащий к братии очевидно со времен атеизма. Он шел, углубившись в себя, и непрестанно шевелил губами, читая молитву. «Этот не считается, этот исключение», — поспешил добавить Макс. На что Сэнсэй ответил: «Макс, чего ты от них хочешь? Они такие же простые люди, как и ты, с такими же проблемами и заморочками по жизни. Они просто учатся и выполняют свою работу так же, как и ты учился в институте, а потом пошел работать по специальности. Эти ребята — обыкновенные люди. А вот этот монах — совершенно другое. Он истинно идет по пути к Богу. И разница между ним и ими огромная, хотя они носят одинаковые одежды».

Макс с Сэнсэем прошли Ближние пещеры и стали подниматься по монастырской улице вверх на выход. В это время колокола снова зазвучали своим перекастистым звоном. Улица была довольно оживленной, кто-то выходил из пещер, кто-то только собирался посетить их. На самом выходе-входе стояли монахини, прибывшие в Лавру с дальних монастырей. Они собирали пожертвования. Раздавая деньги, Сэнсэй подошел к одной пожилой монахине, которая из-за своего преклонного возраста сидела на табуретке. Не успел Сэнсэй положить ей в коробку деньги, как она встрепенулась, и, неожиданно схватив Сэнсэя за руку, упала на колени, опрокинув коробку с зазвеневшей, разлетающейся мелочью. «Благослови, благослови мою душу». Макс, шедший рядом, от такой внезапности даже инстинктивно шархнул в сторону от нее. Остальные люди остановились и с любопытством стали наблюдать издали за происходящим. Сэнсэй попытался ее поднять, что-то шепча ей на ухо. Женщина не соглашалась, потом просияла и, привстав, стала креститься и шептать молитву. Молодая монашка, стоявшая недалеко от них, подбежала к своей пожилой сестре и стала собирать разбросанные деньги.

Когда Сэнсэй с Максом отошли на значительное расстояние от женщины, Макс несколько пришел в себя и произнес: «Тю ты, напугала меня до смерти! Сумасшедшая она, что ли? Сидела, сидела, никого не трогала, и тут на тебе! Чего она от тебя хотела?» «Да так», — с неохотой сказал Сэнсэй, видимо, не желая об этом говорить, и перевел тему разговора в житейское русло.

* * *

Сейчас Макс разумел, как трудно было душе достучаться до него, даже когда тело пребывало в состоянии наибольшего душевного подъема. Ведь его разум оценивал мир через призму материального бытия. Он постоянно убеждал Макса, что это и есть единственно верное отражение действительности. Теперь же Макс понимал, насколько криво было зеркало. Да что толку сейчас от этого понимания? Ведь сила преобразовать себя и реальный шанс вырваться из цепи реинкарнаций существовали тогда. Поэтому его животное так усердно и пудрило мозги да туманило очи своими иллюзорными обманами. А нужно-то было всего лишь изменить угол зрения, убрать все сомнения и полностью довериться своему духовному началу, а не отдавать приоритеты животным инстинктам. Как ясно это видится сейчас и как невероятно сложно это казалось тогда! До боли обидно за свою глупость. Ведь если бы был только один шанс... Но шансов была масса! Сколько их давалось за всю жизнь! Такое количество сейчас трудно не заметить. И нет себе оправдания. А ведь ему действительно тогда выпал счастливый билет. В памяти Макса всплыл самый яркий момент из его утерянных возможностей...

* * *

Макс увидел себя сидящим на деревянной лавке в компании ребят. Находились они внутри небольшого аккуратного домика, где принимал пациентов Сэнсэй. Слава об искусном костоправе простиралась далеко за пределами региона. В этот небольшой частный домик, расположенный на окраине промышленного шахтерского города, съезжались со своей болью люди с разных уголков. Сэнсэй принимал до пятисот человек в день. И никому в приеме не отказывал, зачастую заканчивая работу и в два, и в три часа ночи. Но сегодня Сэнсэй освободился довольно рано по его меркам — в одиннадцать часов вечера. Ребята съезжались ближе к концу приема. Всяк по своей причине, но в основном поболтать о жизни насущной. Их просто тянуло видеть Сэнсэя каждый день после дневной бытовой суеты. Такие поездки стали для них своего рода традицией. Дело, как говорится, молодое, в свободном времени недостатка нет.

Из приемной вышли последние пациенты. Приемной называлась небольшая комнатка, где стоял топчан, два стула да в углу иконка с зажженной лампадкой. Вот и все убранство. Ребята сидели в следующей комнатке, несколько пошире приемной, но не менее скромно обставленной. Лавки, вешалка да печь, невесть как сохранившаяся с былых времен.

Несмотря на то, что людей уже не было, Сэнсэй не торопился уходить домой, точно ожидая кого-то. Минут через пятнадцать в коридоре действительно послышалась неторопливая поступь. Кто-то вежливо постучал. Дверь открылась. Вошли две пожилые монашки, которые придерживали под руки необычного вида старика. На вид ему было лет девяносто. Суховат. Очень высокого роста, где-то под метр девяносто. Правильные славянские черты лица. Его борода и слегка вьющиеся длинные волосы были белыми, как снег. Одет он был в теплую,

несколько старинного покроя рясу. На ногах сельские стёганные бурки. Ноги старца явно были больными, поскольку каждое движение давалось ему с большим трудом. Несмотря на такую внешнюю дремучесть, глаза его излучали живительную доброту и внутреннюю силу.

— Мир вам, мир этому дому, — произнес старец, перекрестившись и поклонившись.

Монашки проделали то же самое. Ребята, сидевшие на лавках, даже оторопели от таких чудных, давно забытых слов и необычного вида престарелого человека.

— Здравьте, — только и смогли они произнести, растерянно кивая в ответ головами.

В это время появился Сэнсэй из своей приемной.

— Мир душе твоей, Антоний, — произнес он необычным изменившимся звучным голосом, наполненным какой-то умиротворяющей благой силой.

При входе Сэнсэя монашки, склонив голову, стали усиленно креститься. А старец, просияв ликом, попытался припасть к его ногам. В его глазах горел такой душевный порыв, что казалось, будто перед ним нет абсолютно никаких телесных препятствий. Сэнсэй легонько подхватил его, сказав:

Негоже тебе, Антоний, преклоняться перед телом сиим.

Не перед телом, а перед Духом Святым преклоняюсь я.

Вся жизнь твоя, Антоний, в любви Божьей и есть истинное преклонение.

Сэнсэй, нежно поддерживая под руку старца, повел его в приемную. Монахини смиренно присели на свободную лавочку, не переставая креститься и тихо шептать молитвы. Ребята, естественно, были немного шокированы этим зрелищем. Но ненадолго. Возле Сэнсэя вечно происходило что-то необычное. Через минуту они уже увлеклись разговорами о своем насущном. Макс сидел ближе всех к приемной, так что ему было видно и слышно, что там происходило.

Старец, войдя в приемную, вновь перекрестился, увидев иконку Спасителя. Сэнсэй усадил Антония на стул, а сам присел на край топчана.

— Спасибо Господу, что вновь сподобил с Тобой встречу иметь. Душа радуется и трепещет от благодати, находясь подле Тебя.

Старик смахнул накатившуюся слезу.

Антоний, разве был хоть один день в жизни твоей, когда не был бы я подле тебя?

Истинно говоришь. Но все же... взор очей душу ласкает светом Твоим, как солнышко ясное на чистом небосводе.

Ох, Антоний... Недалек тот час, когда ласкаться будешь под солнцем сиим вечно.

Радость это великая. Истинное души приобретение... Но все же не покидает меня боль за тех, кто останется. Ведь страшное время их ждет. Как облегчить их участь?

Свет мой, Антоний... Радует мя любовь и забота твоя о пребывающих в мгновении сиим. Но стоит ли душу терзать за тех, кто слушал, но не слышал, плотию без чувств делал, по сему душой не проникся?

Но ведь не все утрачены. Есть ведь и заблудшие. Ан искать их уж и некому среди трущоб безверия.

Знаю, о чем просить ты пришел меня, Антоний. Думы твои тайные ведомы мне. Хоть и мало осталось таких, как ты, столбов кремниевых, на коих держится Православие, любимое мною, кои способны высекать искру божью, но рука не подымается, дабы продлить мучение твое.

— Да, немощны мои телеса, но дух стоек и могуч... Хоть одного, хоть за руку, но смогу еще вывести к свету божьему.

Послышался добрый смех.

Ох, знаю я тебя, Антоний! Дай тебе волю за руку ввести, так ты взашей погонишь все стадо

свое в сады райские.

Помилуй мя, Свет мой Пречистый! Мне ж дано было увидеть все муки адовы, которые претерпят чада утраченные. А они ж, эти чада, аки котята малые, слепы еще от роду. Не видят, куда идут.

Видеть не видят. Но Слово-то дано им было. И слышать слышали, но не верят же. А Богу верить нужно. Сказано: «Бди!» Значит бди! Сказано «стяжай любовь», значит, стяжай.

Все это так... Но глухота их от неразумения. Прельщают их видения миражей пустыни адовой. Ведь не ведают, что сие есть обман призрачный, на погибель душу ведущий.

Не ведают они, свет мой Антоний, а не хотят сие признавать. Помыслы их лишь о праздном, суть которого — прах. Что поделать? Если садовник с червями не борется, то и плода достойного не сможет обрести...

Это все суетность мирская покоя им не дает.

Суетность? Суетность, Антоний, не в мире сокрыта. Не внешнее их томит, но внутреннее терзает. Для того я и пришел в тело сие, дабы жизнь человеческую прожить и воочию убедиться, не мешает ли что человеку на пути к Господу. Да ничего не мешает! Лишь сплошная лень да жажда соблазнов тлена.

Да, слабы еще чада духом. За малым не видят большего. Прости мя, за словеса мои, но почему бы Тебе не открыть лик свой Истинный перед стадом заблудшим? Люди веру былую обрящут, к спасенью их души ведущую. Ведь другие сейчас времена.

Эх, Антоний, свет мой праведный... Дух здесь мой не для проповеди, а для Обличенья, ибо нарушено равновесие, Богом данное. Открой я лик свой Истинный, для многих это будет смерти подобно. Ибо не выдержат души грешников света ясного, как тьма не выносит солнца яркого. Узреть его могут лишь праведные, душою и помыслами чистые... Не вещанья о спасении уж людям нужны, а действия. Нынче некому будет оправдаться в неведении, мол «Господи, искал я и не нашел». По всей Земле горят огоньки истины. Кто хочет, тот найдет.

И то правда. Жаль, время-то уже на исходе, а веры в людях маловато. Но все же душа за них радуется, за них грешных и просит. Ведь многим не хватает самой малости, чтобы обрящить уверенность в поступи на пути к Вратам Господним. Помоги им силою святости Твоей...

Аки можно тебе отказать в просьбе, преисполненного страдания великого к спасению душ человеческих... Быть по-твоему... За заслуги твои и подобно тебе Молящимся дам для стада заблудшего светоч-молитву душеспасительную, преисполненную силой Божьей. Но запомни, молитва сия, аки Перст Господний. Кто знал ее, но отступился, для тех она будет аки камень на шее утопленника. Ибо отступь их богоборству будет подобна. Ан те, кто будет ее исполнять в трудах праведных, совести чистой, еще при жизни сей прощенья обрящут. Слова же сей молитвы таковы: «Отче мой Истинный! На Тебя Единого уповаю. И молю Тебя, Господи, лишь о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая...»

* * *

На этих словах видение резко обрывалось. Макс, как ни старался, никак не мог вспомнить продолжение этой душеспасительной молитвы, ставшей столь важной и столь ценной для него сейчас. Каким-то интуитивным чувством он понимал, что если бы смог воспроизвести ее полностью в своей памяти, ему уже не страшны были бы никакие испытания. Он ощутил в этой молитве действительно скрытую огромную Божью силу. Его душа не просто трепетала, она, даже вспоминая этот фрагмент, насыщалась упоительной силой молитвы, словно жаждущий

путник в пустыне ключевой водой. Это блаженное прикосновение первых капель живительной прохлады. И... источник вновь утерян. «Как же так? — недоумевал Макс. — Как я мог пренебрегать столь ценным сокровищем? Ведь я все слышал, слышал каждое слово, но не воспринял. Даже потом ни разу не вспомнил. Ну что же мне теперь все время бродить в этой адской пустыне под раскаленным солнцем? Нет смерти, но нет и жизни, а лишь медленное мучительное угасание! Как же так получилось? Прошел мимо самого важного... Я же был совсем рядом, рядом с Ним!

Как можно было не заметить очевидного? Как можно было быть настолько глухим и слепым, чтобы не видеть и не слышать того, что происходило в реальности, именно в той реальности, которую по глупости считал иллюзией? На что я растратил свою жизнь? На напрасное прозябание в каких-то мелочных проблемах? Я же чувствовал вечность, почему же променял на никчемные мгновения прихоти своего смертного Эго? Обидно, столь ценное время ушло безвозвратно. Как же так?!»

Маленькое тельце содрогалось от нестерпимой внутренней боли. Словно тысяча хищных зверей раздирало его изнутри своими острыми когтями. Невыносимая боль вместе с жутким страхом охватили все его существо. И... глубочайшая тоска. Это тягостное ощущение многовекового душевного томления. Из самой глубины существа с необыкновенной искренностью вырвался крик: «Господи! Ну за что мне это?!» Именно в это мгновение в памяти Макса проявилась ужасающая картина его стремительного духовного падения. Эти отвратительные сцены чудовищного поглощения материей... Он даже не сопротивлялся. Он просто камнем летел в уготовленную его Эго пропасть.

* * *

По прошествии времени фирмы, которые создавал Сэнсэй, так же внезапно распались, как и были созданы. Макс в одночасье лишился своего крутого имиджа и звания директора. Его охватила невероятная злость. И ее объектом он выбрал именно Сэнсэя, поскольку считал, что дочерние фирмы можно было спасти. Животное прорвалось наружу, словно взрыв вулкана, давно скапливающего свои ядовитые газы. Ярость полыхала ярким пламенем. Жизнь покрылась большим слоем разгоряченного пепла. Максом овладела безумная идея во что бы то ни стало стать богатым. Его разум окончательно убедил самого себя, что жизнь дается только раз и что прожить ее нужно на полную катушку. Он захотел стать богатым здесь и сейчас, все равно каким способом, а потом будь что будет. Макс начал лелеять эту мечту днем и ночью. Наблюдая, как живут обеспеченные люди, он завидовал, злился и ненавидел себя за то, что не может достигнуть такого же богатства. А ему так хотелось одним движением руки нажать на кнопку мобильного, и пусть все проблемы вмиг исчезнут, как тогда, раньше, когда он был в команде Сэнсэя.

Жизнь оказалась большой бочкой дегтя, где медом и не пахло. Проблемы наваливались одна хлеще другой. Макс столкнулся лоб в лоб с пугающей жизненной реальностью, о существовании которой даже не догадывался. Вначале он еще как-то сопротивлялся, но потом и вовсе опустил руки. Макс считал виновным Сэнсэя в том, что жизнь опустила его вот таким унижительным образом, сделала рабом, а не хозяином. А ведь могло быть все иначе, по уму. Можно было найти другой выход из ситуации. Все полетело в тартарары: и жизнь, и бизнес, и философия. Он нашел повод ненавидеть Сэнсэя. Но в то же время осознавал, что данный повод — всего лишь следствие собственного глубинного кризиса, до конца не понятого, но от которого

так страдала и ныла душа. Уж слишком болезненным оказался этот процесс стремительной деградации.

В таком разбитом состоянии Макс и повстречал давнишнего своего друга, когда-то работавшего в команде Сэнсэя. Друга к этому времени судьба тоже немного потрепала, но удачная женитьба спасла его положение. С помощью тестя он обзавелся собственным магазинчиком на базаре, где торговал краской для авто. Макс переехал к нему в другой город. Стал ему помогать. Потом и вовсе выбился в партнеры. Но жажда быть круче и богаче не покидала его. Это стало своего рода навязчивой идеей.

За несколько лет до того как Макс капитально подставил друга, оставив его семью практически без средств к существованию, в огромных долгах, этот друг получил по почте необычную посылку. В ней была книга со странным названием «Сэнсэй. Исконный Шамбалы». Прочитав ее, он поспешил поделиться с Максом своими впечатлениями, особенно восхитившей его практикой «Цветка лотоса». Более того, он откровенно поведал ему о своих потрясающих ощущениях, которые испытал, начав выполнять данную духовную практику. И признался, что такого внутреннего состояния духовной целостности он еще никогда в жизни не испытывал.

Восхищенные отзывы друга в некоторой степени озадачили Макса. Взяв книгу почитать, он снова окунулся в гармоничный мир Сэнсэя. Душа затрепетала от былых воспоминаний... Макс догадался, что скорее всего эта книга была написана девушкой, которая тоже посещала тренировки и основательно интересовалась духовным путем развития. До сих пор для него оставалось загадкой, почему она столь серьезно относилась к философии Сэнсэя. Макс также отметил, что книга написана вроде в художественной форме, но уж слишком достоверна. Он узнал многие события, которые действительно имели место в жизни. Вспомнил Сэнсэя. Злости, как таковой, к нему уже не осталось. Все тайные мысли Эго были в данный момент связаны с участниками текущего бизнеса. Лишенный этой плотной пелены, Макс почувствовал, что его душа всегда была расположена к этому человеку. Легкая ностальгия по прошлому овладела им. Он даже попытался вновь заняться духовной практикой. Но именно сейчас у него получалось гораздо хуже, чем раньше при самых неудачных попытках. Макс рассердился сам на себя. Теряя былую устойчивость, его Эго поспешило возобновить свою главенствующую позицию. От злости, от внутреннего бессилия собственного духовного Макса наговорил другу, что искусство оно и есть искусство. «Вся эта всеобъемлющая любовь отводит от главной мысли о бизнесе». Макс внутренне возрадовался, когда увидел как поник духом его друг при этих словах. Наконец-то сбылось одно из его тайных желаний: именно его слова, а не слова Сэнсэя, пусть даже со страницы книги, возымели действие над другом. Наконец-то он, Макс, обрел долгожданную власть, пусть малую, пусть над собственным другом, но все же собственную власть!..

* * *

От таких страшных воспоминаний новенькое, молоденькое тельце Макса трясло, словно в лихорадке. Только теперь он понимал, насколько глобально его захватило собственное Эго. Ведь по сути даже тогда, когда Макс летел в пропасть своей материи, даже в тот момент его рокового падения, Сэнсэй протянул ему руку помощи. А он из-за собственного раздутого самолюбия просто проигнорировал этот дружеский жест, по глупости считая, что летит в собственный рай. Он даже не предполагал, что этот рай на самом деле окажется крошечным адом.

Спустя несколько лет сбылась его долгожданная мечта. Макс придумал и разыграл комбинацию, при которой обогатился как в сказке. На кону были большие деньги. Ради этой

сделки он уговорил друга взять в банке кредит на солидную сумму. Тот заложил все свое недвижимое имущество. Разве мог он тогда предположить, что Макс, давнишний друг и партнер, в одночасье разорит его до нитки, без зазрения совести отняв у его семьи все, что было нажито за столько лет?..

Именно за счет такой «незначительной жертвы ради большой мечты» Макс и разбогател. Все вмиг переменялось в его жизни. Он начал жить в комфортных условиях, стал директором собственного предприятия, на него стало работать много людей. Деньги полились рекой... И вдруг вместо роскоши — пустота и мрак, вместо упования собственной властью — полное бессилие и неспособность что-либо изменить.

* * *

Безумное отчаяние отразилось на детском личике. Девочка стала боязливо озирается по сторонам. Взгляд остановился на ее мамаше, которая уже всю обнималась и целовалась с чужими мужчинами. Макс представил свое тягостное будущее и возопил со слезами на глазах:

Не-е-т! Сэнсэй, верни меня в прошлое! Я же знаю, это в Твоей власти. Клянусь, я все понял!

Прошлое? — спокойно произнес Сэнсэй. — А зачем тебе прошлое? Ты загляни внутрь себя. Что тебя тянет сейчас в прошлое? Завоеванное положение в обществе, материальные блага?

Нет... Да... Нет... Сэнсэй, я не знаю. Но я обязательно исправлюсь! Я же все осознал! Только заведи меня отсюда...

Пребывание в теле сиим — следствие твоего прошлого. Это был твой выбор!

Я же не знал, я же не думал, что ты действительно тогда гово... — Макс осекся на полуслове.

Говорил правду? — закончил Сэнсэй его мысль. И немного помолчав, с грустью произнес: — У тебя был в жизни более чем реальный шанс. Перед тобой лежали всевозможные духовные инструменты. Но воспользовался ли ты хоть одним из них, чтобы построить для себя спасительный ковчег? Пока ты разглядывал эти инструменты, искал в них недостатки и достоинства, отведенное тебе время закончилось. Пожинай теперь плоды своих сомнений.

Прости меня... Что же теперь со мной будет?! Сэнсэй, ну ты же мне друг... Как же так? Ну, что же я... Почему ты мне не веришь?

Почему же ты мне тогда не верил? — вопросом на вопрос ответил Сэнсэй.

— Но я все понял! Измени хотя бы мою судьбу! Что же мне теперь всю жизнь в этом дерьме плавать?!

Сэнсэй горько усмехнулся и устало произнес:

— Ничего ты не понял... Ты до сих пор жаждешь бананов... Ну что ж, по вере твоей да будет тебе...

Девочка часто-часто заморгала. Взгляд ее снова стал по-детски наивным. Она вытерла на лице неизвестно откуда взявшуюся влагу. Посмотрела на уцелевшие песочные домики. Поднялась и, скривив в недовольстве губки, со злостью их растоптала. Схватив свою любимую синенькую лопатку, она побежала к матери. Время точно замедлилось, прокручивая на своей невидимой пленке каждый удаляющийся ее шаг.

Сэнсэй перевел взгляд на лежащий рядом один из камешков, которыми девочка украшала свои сооружения. Поднял его и подкинул вверх. Камень устремился ввысь, игриво поблескивая на солнце своей гладко отполированной поверхностью. Постепенно приложенная сила стала уменьшаться. Израсходовав ее, камень достиг своей кульминационной точки. Завис буквально

на долю секунды и с нарастающей скоростью стал стремительно падать вниз. С небесной высоты он грузно рухнул на раскаленный песок, заняв свое привычное положение. Сэнсэй с сожалением посмотрел на камень. Потом набрал в руки горсти песка. Сосредоточил на них взгляд. И спустя несколько секунд раскрыл ладони. На них расправляли свои крыльшки две прекрасные птицы. Он слегка их подбросил. И они полетели, плавно удаляясь в небесную даль. Сэнсэй улыбнулся, провожая их взглядом. Потом, опустив взор, оглянулся вокруг. Время продолжало крутить свою замедленную устаревшую пленку, неторопливо передвигая людей. Сэнсэй тяжело вздохнул и, глянув вслед удаляющейся девочке, тихо произнес:

— Эх, люди, люди... Доколе же вы будете радеть о мгновениях, попирая вечность?